This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

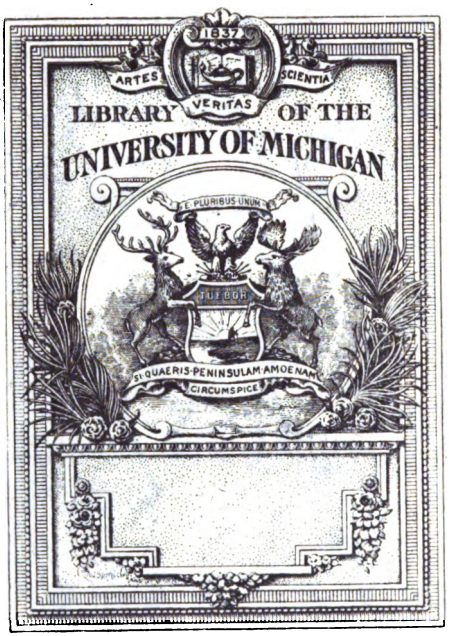
+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

A 470628

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

871.78
M2'mk
1901

Digitized by Google

Mamin, Dmitrii Narkisovich

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

окоѡ господ

ОКОЛО ГОСПОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Около господъ,
На чужой сторонѣ,
Въ услуженіи.

МОСКВА,
Изданіе 4-е книгопродавца М. В. Клюкина.
Моховая, домъ Бенкендорфъ.
1901.

Digitized by Google

891.78
M27nk
1901

МОСКВА.
Типо-Литогр. А. П. Поплавскаго. Покровка, д. Сиротинина.
1900.

Digitized by Google

ОКОЛО ГОСПОДЪ.

I.

Ночью пала сильная роса, а утро выдалось чудное, и старикъ Евсей торопилъ всѣхъ на покосъ, потому что надо было грести сѣно. Старуха Агаѳья затопила печь еще до свѣту, чтобы накормить мужиковъ горячимъ, а то на покосѣ какая ужъ ѣда. Ей помогала сноха Марья, постоянно отрывавшаяся отъ полугодового ребенка, который мучился животомъ уже вторую недѣлю и не давалъ матери спать по ночамъ. Отъ дневной работы на покосѣ и безсонныхъ ночей Марья едва держалась на ногахъ, но не смѣла жаловаться. Семья была достаточная, могла бы на страду прихватить няньку-подростка, если бы не скупость свекрови Агаѳьи, у которой хранились всѣ деньги и безъ согласія которой никто не могъ въ домѣ ничего дѣлать. Строгая была старуха, и никому спуску не давала. Мужа Евсея держала она въ рукахъ, и онъ у себя дома чувствовалъ себя всегда и во всемъ

204979

Digitized by Google

виноватымъ, особенно, если возвращался со станціи пьяненькимъ. Попивать старикъ началъ только въ послѣдніе годы, когда семья поднялась на ноги.

Младшій, еще не женатый, сынъ Адамъ закладывалъ подъ навѣсомъ лошадь въ телѣгу, когда отца кто-то вызвалъ за ворота.

— Вотъ еще моду придумали,—ворчалъ Евсей, спускаясь съ крыльца.

Старикъ былъ здоровый, но на ходу почему-то покряхтывалъ, теръ себѣ поясницу, шмыгалъ ногами и горбился. Адамъ кончилъ закладку и только хотѣлъ идти въ избу, какъ услышалъ за воротами сердитый голосъ отца и женскій плачъ. На добродушномъ, бѣлобрысомъ лицѣ Адама появилось недоумѣвающе сердитое выраженіе, и онъ пробормоталъ:

— Вотъ такъ фунтъ... Вѣдь это окаянная Даренька прибѣгла жалиться отцу.

На крылечкѣ показалась Наталья, сестра Адама, и, улыбаясь, показала ему движеніемъ головы на ворота. Адамъ вдругъ разсердился, особенно, когда выскочила на крыльцо мать и заговорила:

— Иди-ка сюда, не-осъ... а?..

— Чего тебѣ?—съ дѣланной грубостью отвѣтилъ Адамъ, толкая въ морду лошадь безъ всякой причины.

— Иди, иди...—повторяла мать, сдерживая голосъ.

Digitized by Google

Сестра Наталья продолжала улыбаться, закрывая ротъ горстью. Очень ужъ смѣшно попался Адамко... Ужо, задастъ ему мамынька и жару и пару. А за воротами женскій плачъ продолжался, и голосъ Евсея все поднимался.

— Ничего я не знаю!—кричалъ старикъ.—Уходи, откуда пришла. Вотъ еще выискалась птица... Да я... Говорятъ: уходи! Вотъ тебѣ и весь сказъ...

Когда Адамъ проходилъ на крыльцѣ мимо матери, она очень больно ударила его по затылку и проговорила:

— Ступай, ступа*...

Наталья прыснула и убѣжала въ сѣни, гдѣ сноха няньчилась съ своимъ ребенкомъ.

— Охъ, Марьюшка, умора...—задыхаясь отъ смѣха, шептала Наталья.—Влопался Адамко-то!.. Даренка вотъ какъ воетъ за воротами.

Марья отнеслась ко всему совершенно безучастно, какъ всѣ выбившіеся изъ силъ люди.

Старуха Агаѳья выскочила за ворота и накинулась съ особеннымъ азартомъ на стоявшую у вереи дѣвушку, закрывавшую заплаканное лицо заплатаннымъ передникомъ. Спутанные русые волосы вылѣзали у нея изъ-подъ сбившагося на бокъ платка.

— Ты... ты... потаскушка несчастная!—кричала на нее Агаѳья, размахивая руками.—Другая бы постыдилась добрыхъ людей срамить,

Digitized by Google

а ты лѣзешь... Ну, чего тутъ стоишь?! Ступай, откуда пришла...

— Некуда мнѣ идти...—отвѣтила плакавшая дѣвушка, открывая лицо.—Куды я пойду *такая-то*?

— Ну, и уходи, коли *такая*!.. — ругалась Агаѳья.—Куды лѣзишь-то?

— Адамко.. его дѣло...

Тутъ ужъ Агаѳья не стерпѣла и набросилась на несчастную съ кулаками, такъ что Евсей долженъ былъ ее удержать.

— Погоди, старуха... Ужо я поговорю съ ней, а ты ступай въ избу. У всѣхъ у васъ, у бабъ, одна вѣра-то...

Даренка имѣла самый жалкій видъ. Ея скуластое некрасивое лицо, распухшее отъ слезъ, не возбуждало даже сочувствія. Когда Агаѳья ушла, Евсей заговорилъ, подергивая плечами:

— Ты, Даренка, значитъ, тово... Ступай домой, однимъ словомъ. Ну, а тамъ какъ-нибудь поговоримъ... Набаловала, ну, значитъ, твой и отвѣтъ. Адамкѣ-то я приспособлю... да. А чей возъ, того и конь... А ужъ я Адамку произведу!... Я ему кудри-то расчешу...

Агаѳья высунула голову въ окошко и кричала:

— Да ты ее гони, паскуду... Съ *этакими-то* да еще разговоры разговаривать!.. А на Адамку она наговариваетъ... Какой ей Адамко дался?! Да я ее такъ расчешу... Да и матери-то тоже не похвальба... Чего мать-то смотрѣла?..

Digitized by Google

Напротивъ, черезъ улицу, сосѣди тоже собирались на покосъ и слышали все, что особенно огорчало Агаѳью. Слава-то какая пройдетъ по всей деревнѣ... Глазъ показать некуда нельзя будетъ. И время нашла, каскуда, Даренка, когда придти. Вотъ разъѣхались-бы на покосы добрые люди, ну, тогда и приходи. А Даренка продолжала выть за воротами, и Агаѳья слышала какъ она повторяла:

— Утоплюсь въ Ордежѣ, и дѣлу конецъ... Изъ за Адамки утоплюсь.

Агаѳья высунулась опять въ окно и крикнула мужу:

— Вретъ, вретъ, все вретъ!... Не вѣрь ей...

Евсей разсердился и цыкнулъ на жену, а когда Наталья высунула голову за ворота, онъ вытолкалъ ее съ руганью. Наталья полетѣла опять въ сѣни и, запыхавшись, сообщила Марьѣ:

— Рожа-то красная-красная у Даренки, и глазъ совсѣмъ не видать...

Марья посмотрѣла на нее и со злобой проговорила:

— А ты чему радуешься?

— Парни теперь проходу ей не дадутъ. А тятька во-какъ разстервенился... Ужо задастъ Адамкѣ.

— Такъ ему и надо. Этакъ-то всѣ парни будутъ смѣяться надъ дѣвушками, такъ и житья не будетъ.

— А зачѣмъ она *такая*, Даренка-то?

Digitized by Google

— Дура она, повѣрила Адамкѣ, ну, и вышла такая...

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появившимся въ сѣняхъ дѣдушкой Андронычемъ, который пришелъ съ огорода, гдѣ поправлялъ изгородь. Старикъ былъ еще крѣпкій, хотя ему уже давно было подъ восемьдесятъ. Проходя по двору, онъ слышалъ причитанья Даренки и ругань Евсея и понялъ, въ чемъ дѣло. Агаѳья сразу присмирѣла и отошла отъ окна къ своей печи. У нея еще сохранился бабій страхъ къ батюшкѣ свекру, который въ молодыя годы не разъ учивалъ ее, таская за косы. При немъ Агаѳья не смѣла ругать мужа, и Евсей, чтобы угодить отцу, обращался съ ней сурово и даже билъ для прилику. Появленіе дѣдушки заставило Адама только встряхнуть волосами.

— Ну, теперь пойдетъ потѣха, — подумалъ онъ, косясь на старика, продолжавшаго прикидываться ничего не понимающимъ. — Пошла Варвара на расправу...

Дѣдушка Андронычъ досталъ висѣвшую въ углу старую сѣделку и принялся ее разсматривать, отыскивая изъяны. А за воротами ругань продолжалась, пока Евсей не вышелъ изъ себя. Какъ всѣ безхарактерные, не злые люди, онъ сразу точно вскипѣлъ, схватилъ больно Даренку за плечо, повернулъ и такъ толкнулъ въ спину, что она плашмя растянулась на дорогѣ и завыла ужъ на всю улицу. Евсей бросился къ ней съ

Digitized by Google

кулаками, но дѣдушка Андронычъ высунулъ свою сѣдую бороду въ окно и строго остановилъ:

— Оставь, Евсей! .. Нашелъ, съ кѣмъ связываться. Ужо въ волостномъ все дѣло разберутъ...

Даренка поднялась и, поправляя сбившійся на головѣ платокъ, быстро побѣжала въ свой конецъ улицы.

II.

Извѣстно, что деревенскіе сосѣди самые неумолимые судьи. Стоявшій за воротами сосѣдъ Парфенъ, когда Даренка побѣжала домой, громко проговорилъ:

— Тоже простоволосить-то чужихъ дѣвокъ не дѣло...

Изъ окна Парфеновой избы высунулась голова его старухи Митревны и прибавила:

— Ужъ кого колотить, такъ это Адамку... Свою дѣвку растите такъ, чтобы кто надъ ней не посмѣялся, а Даренка-та сирота.

— А васъ кто спрашиваетъ?!..—накинулся въ азартѣ Евсей, размахивая руками.—Да я изъ нея, изъ Даренки, лучины нащеплю, пусть только носъ покажетъ... Я ее вотъ какъ произведу?.. Я...

— А ты не очень форцъ-то показывай,— остановилъ его Парфенъ, начиная тоже сердиться.—Не великъ въ перьяхъ-то... И на тебя

Digitized by Google

управа найдется. Ишь какъ расширился... На печи проѣзду скоро не будетъ отъ тебя.

Сосѣди начали переругиваться черезъ улицу, и дѣло чуть не дошло до драки, но дѣдушка Андронычъ позвалъ Евсея въ избу, чему тотъ былъ радъ—самому какъ-то неловко было уходить первому. По дорогѣ Евсей обругалъ подвернувшуюся подъ руку Наталью, которая чуть не сбила его съ ногъ на крыльцѣ, потомъ досталось отъ него снохѣ Марьѣ, зачѣмъ изнѣживаетъ зря ребенка.

— Я вамъ всѣмъ покажу-у!...

Когда Евсей вошелъ въ избу, Адамъ стоялъ у печки, заложивъ руки за спину. Евсей выхватилъ у отца сѣделку и принялся хлестать сына ременной подпругой съ желѣзной пряжкой на концѣ. Адамъ поворачивался къ отцу спиной, и закрывая лицо одной рукой, вскричалъ — «Ой!.. Ой»! Дѣдушка Андронычъ отошелъ къ окну и сдѣлалъ такой видъ, что ничего особеннаго не случилось. Евсей съ каждымъ ударомъ разгорячался все больше и больше и началъ уже хлестать Адама самой сѣделкой. Онъ былъ блѣденъ и повторялъ какія то безсмысленныя слова:

— А вотъ тебѣ еще прибавка, пакостнику!.. Не страми отца съ матерью, не озорничай!... А вотъ еще!... Шкуру съ тебя всю съ живого спущу!...

Удары сѣделкой, особенно когда приходились

Digitized by Google

по спинѣ желѣзными скобками, черезъ которыя пропускался черезсѣдельникъ, дѣлались невыносимыми, и Адамъ стоналъ, скрежеща отъ боли зубами.

— А, не любишь, негодяй?!...—оралъ Евсей, приходя въ бѣшенство.—Я тебя выучу-у... На всю деревню острамилъ, я тебя произведу!.. я...

Онъ задохся отъ битья, бросилъ сѣделку въ уголъ и, схвативъ Адама за волосы, потащилъ его, какъ овцу, по полу.

— Тятенька... тятенька...—бормоталъ Адамъ закрывая лицо обѣими руками.

— Я тебѣ покажу тятенькуу!...

Агаѳья, какъ и дѣдушка Андронычъ, тоже дѣлала видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Она управлялась около истопившейся печки, сердито двигая горшки. Когда взбѣшенный Евсей принялся колотить Адама кулаками прямо по лицу, она бросила ухватъ и накинулась на мужа.

— Да ты никакъ очертѣлъ, Евсей!? По чему бьешь-то парня?... Этакъ и изувѣчить можно человѣка.

— Не подходи!... Убью!—рычалъ Евсей.— Тоже выискалась заступница... Не подходи!... Всѣхъ распатроню.

Схвативъ ухватъ, Агаѳья замахнулась имъ на мужа, но Евсей уже не помнилъ себя, и выхвативъ у жены ухватъ, больно ударилъ имъ ее по спинѣ. Раздался визгъ, и въ избу вбѣжала

Digitized by Google

Наталья. Дѣвушка бросилась отцу въ ноги и запричитала:

— Тятенька, ударь меня, а матушку не тронь.

Евсей оттолкнулъ ее ногой и бросился къ женѣ.

— Что вы со мной дѣлаете, окаянные?! — кричалъ онъ не своимъ голосомъ, срывая съ головы жены своей повойникъ.

Дѣдушка Андронычъ продолжалъ смотрѣть въ окно, онъ былъ доволенъ, что Евсей, поддававшійся обыкновенно женѣ, теперь задаетъ ей настоящую выучку. Когда Агаѳья закричала не своимъ голосомъ, онъ обернулся и проговорилъ:

— А ты не трогай морду, Евсей.... Ты ее подъ микитки. Бабы живущи.

Адамъ стоялъ у двери, вытирая окровавленное лицо рукавомъ рубахи. Онъ зналъ, что отецъ скоро стихнетъ и что, когда дѣдушка Андронычъ уйдетъ, мать изведетъ его до смерти. Марья, слышавшая изъ сѣней, какая битва шла въ избѣ, съ одной стороны была рада, что свекоръ поучилъ свекровь, а съ другой испугалася, — Агаѳья на ней сорветъ сердце. Адамку непутящаго пожалѣла, а Наталья подкинула хворостъ, ну, значитъ, на нее и накинется.

Разбушевавшійся Евсей, наконецъ, выбился изъ силъ, и въ избѣ водворилась мучительная тишина. Агаѳья тихонько всхлипывала, громыхая ухватами.

— Ну, надо поѣсть, да на покосъ, — проговорилъ дѣдушка, отходя отъ окна. — Будетъ доб-

Digitized by Google

рыхъ-то людей смѣшить... А съ тобой, Адамка, еще расправа будетъ. Даренкина-то мать ужо въ волостное кинется... Вашего брата, охальниковъ, вотъ какъ надо учить.

Адамка все время молчалъ, а когда всѣ сѣли за столъ, вышелъ изъ избы. У него вся спина была избита желѣзными скобками сѣделки, и онъ переминалъ плечами.

— Погоди, я тебѣ покажу, — ворчалъ онъ, припоминая вопившую Даренку. Я тебѣ всю шкуру спущу.

Въ избѣ завтракъ прошелъ молча. Агаѳья осталась у печи и не сѣла за столъ вмѣстѣ съ другими. Евсей исподлобья смотрѣлъ на нее, испытывая съ одной стороны желаніе еще разъ побить ее, а съ другой — страхъ. Пожалуй, вѣдь, онъ совсѣмъ напрасно ее обидѣлъ. Виноватъ одинъ Адамка, и заступаться за него матери не слѣдовало. Дѣдушка правильно говоритъ, что его еще надо поучить.

Когда всѣ кончили завтракъ, подъ окномъ послышался стукъ. Это былъ старикъ сторожъ съ дачи Чадова.

— Тебѣ что? — сурово спросилъ его дѣдушка Андронычъ.

— А лошадь надо барину. Въ городъ собрался.

— Своихъ-то лошадей, видно, жалѣете?

— Чего ихъ жалѣть... Одна расковалась, а другая — хромаетъ. Да баринъ нашъ и не любитъ

Digitized by Google

на своихъ лошадяхъ ѣздить. Ужъ такая у него повадка.

Адамъ былъ радъ случаю уйти съ глазъ, но дѣдушка Андронычъ заартачился.

— Некогда намъ, надо кошенину убирать. Такъ и скажи своему барину... Въ поле, молъ, всѣ уѣхали. Вонъ у Мишуткиныхъ кони дома, у Парфена...

— Къ вамъ послалъ баринъ, а мнѣ все одно.

Дѣдушка не любилъ барина Чадова, который поселился около ихъ деревни лѣтъ пять назадъ. Какой-то совсѣмъ несообразный баринъ, какъ есть шалый... Тоже, выдумалъ, когда за лошадью посылать.

— Извѣстно, господа, ничего не понимаютъ... — ворчалъ старикъ. — Какое время-то сейчасъ?... Крестьяне жалованья не получаютъ, а что заработалъ горбомъ—то и твое. Лошадь ему задолжи, да пошли съ лошадью работника— дня-то и не бывало. До станціи цѣльныхъ десять верстъ... Пусть пѣшкомъ идетъ, коли надо. Пуз-то вонъ какое распустилъ.

Надежда Адама улизнуть съ бариномъ была разбита упрямствомъ старика.

Съ покоса вернулись только въ сумерки. Рабочій день прошелъ какъ-то тяжело и вяло. Ребенокъ Марьи точно понималъ, что всѣ сердятся, и особенно блажилъ, за что Агаѳья и взъѣлась на сноху.

— Совсѣмъ испатрошила ребенка! — ругалась

Digitized by Google

она.—Съ однимъ-то не можетъ управиться, а какъ другія бабы съ цѣлой оравой ребятъ управляются?

— Мамынька, ежели онъ животомъ мучается...—пробовала оправдываться Марья, но это еще сильнѣе раздражило Агаѳью, и старуха ѣла ее весь день.

Евсей къ концу дня принялъ свой обычный виноватый видъ и угнетенно вздыхалъ, ожидая домашней грозы.

Когда пріѣхали домой и Адамъ распрягалъ лошадь, мать подошла къ нему и спросила:

— Сколько *той-то* денегъ выдавалъ, песъ?

Адамъ замялся.

— Ну, ну, говори!...—настаивала Агаѳья.— Съ бариномъ Чадовымъ ѣздишь, онъ на водку даетъ... Сколько стравилъ?

— Пустое, мамынька... Два раза по двугривенному давалъ, потомъ рунь—только и всего.

Старуха помолчала. Деньги не велики рубль сорокъ копеекъ, ежели Адамка не вретъ.

— Сегодня изъ-за *той-то* барина пропустили,—разсчитывала она.—По два рубля платитъ за конецъ.

III.

Деревня Вихры залегла на высокомъ лѣвомъ берегу рѣки Ордежа, въ десяти верстахъ отъ станціи варшавской желѣзной дороги, Преобра-

Digitized by Google

женской, которая въ послѣдніе года стала пользоваться большою популярностью, какъ очень красивое дачное мѣсто. Главную красоту составляла именно рѣка Ордежъ, проложившая свое русло въ крутыхъ глинистыхъ берегахъ, покрытыхъ лѣсомъ. Большое удобство этого дачнаго пункта заключается въ томъ, что до Петербурга рукой подать, всего два съ половиной часа ѣзды. Собственно дачникъ появился въ этихъ мѣстахъ давненько, но жилъ какъ-то незамѣтно. Селились больше все нѣмцы, скупая за безцѣнокъ лучшія мѣста. Пріѣдетъ такой нѣмецъ въ соломенной шляпѣ, поѣздитъ, посмотритъ—смотришь, и поселился. Мѣста продавались за безцѣнокъ и помѣщиками Лужскаго уѣзда, и крестьянами, а когда она вошла въ цѣну—помѣщикамъ нечего было продавать, а для крестьянъ вышелъ законъ, воспрещавшій отчужденіе земли въ собственность. Оставалась только долгосрочная аренда крестьянскихъ земель, на что господа шли туго. Въ трудную минуту дѣдушка Андронычъ продалъ участокъ земли одному нѣмцу очень дешево и теперь ненавидѣлъ всѣхъ господъ, которые швыряютъ деньги направо и налѣво. Настоящій дачный баринъ пришелъ послѣ, когда нѣмецъ уже захватилъ лучшіе куски по всему Ордежу и по р. Лугѣ.

Сама по себѣ деревня Вихры ничѣмъ не отличалась отъ другихъ русскихъ деревень. Вся стройка сбилась въ одну кучу, точно стадо

Digitized by Google

овецъ. Періодически, благодаря этой скученности и соломеннымъ крышамъ, она выгорала до тла и выстраивалась опять той же кучей. Конечно, въ самой деревнѣ не было не только садика, но ни одного деревца, кругомъ деревни лѣсъ былъ вырубленъ «сколь мога́». Бѣдные дачники селились въ простыхъ деревенскихъ избахъ, проклинали непролазную грязь узкихъ улицъ и дворовъ и бродили по полямъ и лугамъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Была въ концѣ деревни и разрушившаяся барская усадьба. Баринъ давно умеръ, и наслѣдники судились уже двадцать лѣтъ. Сейчасъ за деревней, стоявшей почему-то въ двухъ верстахъ отъ рѣки, начинались дачныя мѣста, гдѣ жили хитрые дачные нѣмцы. Они жили какъ-то особнякомъ, прижимисто и крѣпко. Деревенскимъ мужикамъ отъ нихъ совсѣмъ было мало поживы. Другое дѣло, новые дачники, настоящіе господа, которые покупали у нѣмцевъ участки „за дикую пошлину“ или арендовали землю у крестьянъ. Эти настоящіе господа находились въ вѣчномъ осадномъ положеніи. Съ нихъ наживали не только мужики и бабы, но и деревенская дѣтвора, промышлявшая цвѣтами, ягодами и грибами. Особенно славился баринъ Чадовъ, желѣзнодорожный инженеръ на покоѣ. Отъ него не уходили съ пустыми руками, хотя баринъ и былъ „характерный“.

Съ перваго своего появленія на Преображен-

Digitized by Google

ской станціи Чадовъ пріобрѣлъ названіе чудного, потому что никогда не платилъ извозчикамъ полную сумму, а всегда убавлялъ нѣсколько копеекъ,—вмѣсто трехъ рублей платилъ два девяносто семь копеекъ, вмѣсто полтинника—сорокъ семь, вмѣсто двадцати—семнадцать и т. д. Сначала съ нимъ рядились и спорили, особенно въ мелкихъ суммахъ, а потомъ бросили. Кому другому, а Павлу Игнатьичу надо уступить. Пусть потѣшится его добрая душенька. А баринъ, дѣйствительно, былъ добрый и только не выносилъ, когда съ нимъ спорили. И вся фигура у него точно была приспособлена для доброты: тучный, съ близорукими глазами на выкатѣ, остриженный всегда подъ гребенку, съ щетинистыми рѣдкими усами, придававшими его физіономіи тюленій видъ, съ короткими удивительно маленькими ручками, всегда красными и всегда потными, съ развалистою гусиною походкой. Говорилъ удивительно тоненькимъ, жиденькимъ теноркомъ и постоянно улыбался. Все лѣто онъ ходилъ въ русскихъ шелковыхъ рубашкахъ, бархатныхъ шароварахъ и въ простомъ деревенскомъ армякѣ. Любилъ Павелъ Игнатьичъ покушать и выпить, и побалагурить. Крестьяне скоро къ нему привыкли, какъ къ своему человѣку.

— Ужъ что Павелъ Игнатьичъ у насъ: душа человѣкъ.

Вѣроятно, на этомъ основаніи Чадовъ иногда

Digitized by Google

ни съ того ни съ сего начиналъ капризничать и куражиться.

— Нашъ баринъ заблажитъ, такъ точно на пень наѣдетъ,—объясняли мужики.

Покупая мѣсто подъ дачу у нѣмца Маузера, Чадовъ чуть не разошелся съ нимъ изъ-за трехъ рублей, потому что вмѣсто десяти тысячъ хотѣлъ заплатить девять тысячъ девятьсотъ девяносто семь рублей. Нѣмецъ тоже былъ упрямый, и они изъ-за трехъ рублей тянули цѣлую зиму, пока Чадовъ не настоялъ на своемъ. Дачу онъ выстроилъ великолѣпную, но одна половина осталась недостроенной.

—Это безобразіе, непремѣнно нынче же нужно достроить,—говорилъ Чадовъ, когда пріѣзжалъ въ гости кто-нибудь изъ знакомыхъ,— Я не выношу этой русской халатности.

Идеаломъ Чадова были англичане, какъ самый стойкій и послѣдовательный народъ, и, вѣроятно, самъ онъ на этомъ основаніи поступалъ какъ разъ на оборотъ.

Посылая за лошадью къ Евсею и получивъ отказъ, Чадовъ разсердился на старика и въ слѣдующіе разы ужъ посылалъ за лошадьми къ другимъ. Евсей хмурился и молчалъ, а старая Агафья послала Адама къ капризничавшему барину съ повинной.

— Это все чадовскій сторожъ напуталъ, а ты скажи, что мы, молъ, всегда съ удовольствіемъ.

Digitized by Google

Адамъ почесывалъ только въ затылкѣ и переминался съ ноги на ногу. Ступай-ка, сама подступись къ Павлу Игнатьевичу, когда на него стихъ накатится. Еще, пожалуй, и по затылку накладетъ, за милую душу,—„за милую душу“ была его любимая поговорка. Хорошо, ежели бы попасть къ нему въ часъ, т.-е. когда Павелъ Игнатьичъ веселый, а бываетъ это чаще всего послѣ обѣда, особенно, когда пріѣзжаютъ городскіе гости и пьютъ заграничныя дорогія вина до самаго утра. Адамъ такъ и сдѣлалъ. Господскій обѣдъ поздній, когда на деревнѣ добрые люди ужинаютъ. Онъ и отправился подъ вечеръ. Не хотѣлось ему, чтобы свои деревенскіе видѣли, какъ онъ къ барину пробирается. Сейчасъ сообразятъ, зачѣмъ, и еще на смѣхъ подымутъ. Поэтому Адамъ сдѣлалъ большой обходъ. Чадовская дача стояла въ сосновомъ лѣскѣ на крутомъ берегу Ордежа, и дорога къ ней изъ Вихрова шла все время полями, но Адамъ сдѣлалъ большой крюкъ —спустился сначала къ рѣкѣ, обошелъ кругомъ громадный поемный лугъ и прошелъ къ дачѣ прямо съ рѣки. Онъ издали прислушался и узналъ голосъ Павла Игнатьевича,—баринъ сидѣлъ съ гостями и былъ веселъ. Время отъ времени онъ заливался своимъ дребезжавшимъ тоненькимъ смѣшкомъ, точно большой младенецъ.

— Эге, тебя-то и нужно, удалой молодецъ! — крикнулъ Чадовъ еще издали, завидѣвъ Ада-

Digitized by Google

ма у калитки —Нарочно хотѣлъ посылать за тобой.

На террасѣ сидѣли двое гостей, которыхъ Адамъ не разъ возилъ на станцію. Одинъ худой, высокій, съ большой лысой головой, котораго Чадовъ называлъ „адамовой головой", а другой изъ отставныхъ военныхъ, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ,—его Чадовъ называлъ Хересомъ, вмѣсто Христофора Евгеньича.

— Ну, иди-ка сюда поближе!—кричалъ Чадовъ и что-то шепнулъ гостямъ.

Хересъ Евгеньичъ откинулъ голову назадъ и захохоталъ. „Адамова голова" остался безстрастенъ и даже не взглянулъ на Адама. Юркнувшая на террасу горничная въ бѣломъ передникѣ, завидѣвъ Адама, хихикнула въ руку. Чадовъ подозвалъ ее къ себѣ и что-то объяснилъ вполголоса.

— Понимаете? Чтобы все за милую душу.. Одна нога здѣсь, другая—тамъ... Понимаете?

Горничная еще разъ хихикнула и хотѣла уходить, но Чадовъ остановилъ ее въ дверяхъ

— Да смотри, егоза, барынѣ ни слова.

Когда горничная ушла, Чадовъ обратился къ Адаму съ серьезнымъ тономъ:

— Мнѣ съ тобой надо поговорить за милую душу, а пока ступай на кухню и тамъ подожди.

— Я насчетъ того, Палъ Игнатичъ,—бор-

Digitized by Google

моталъ Адамъ, повертывая фуражку въ рукахъ. —Значитъ, была отъ васъ засылка насчетъ лошади...

— Хорошо, хорошо, поговоримъ.

Когда Адамъ отправился въ кухню, на террасѣ раздался дружный хохотъ Чадова и Хереса Евгеньевича, а молчавшій до сихъ поръ „адамова голова“ издалъ какой-то густой гудящій звукъ, какъ гудитъ влетѣвшій въ комнату шмель, что ужъ совсѣмъ не шло къ его подвижнической фигурѣ.

IV.

Барыня видѣла, какъ Адамъ пробирался въ кухню и пришла въ страшное негодованіе. Это была худенькая, остроносая, черненькая, какъ жучокъ, дама, съ рѣшительными движеніями и громкимъ голосомъ. Въ ней самый опытный антропологъ не заподозрилъ бы родную сестру „адамовой головы“. Ее звали Анной Ивановной, она получила англійское воспитаніе (почему, между прочимъ, на ней женился Чадовъ) и больше всего на свѣтѣ блюла святость и неприкосновенность своего home, тѣмъ болѣе, что у нея былъ сынъ Ѳедя, котораго она почему-то называла Альфредомъ. Мальчику пошелъ восьмой годъ. Это былъ какой-то восковой ребенокъ, тихій, спокойный, разсудительный. Анна Ивановна считала, что Альфредъ вступилъ

Digitized by Google

въ свой критическій возрастъ и поэтому страшно перепугалась, когда въ ихъ кухню прошелъ Адамъ, это олицетвореніе разврата, что уже Анна Ивановна знала изъ первыхъ рукъ.

Первымъ ея движеніемъ было сейчасъ же идти на террасу и объясниться съ мужемъ, но тамъ сидѣлъ ея братецъ, который былъ не лучше Адама, какъ всѣ старые холостяки. Зачѣмъ Адамъ прошелъ именно въ кухню? У Анны Ивановны горѣла голова, и она чувствовала, какъ у нея холодѣютъ глаза,—вѣрный признакъ наступающей мигрени. Павелъ Игнатьичъ, по свойственному ему легкомыслію, затѣялъ какое-нибудь представленіе, и, вдругъ, Альфредъ сдѣлается его свидѣтелемъ. Развѣ можно поручиться за Павла Игнатьича?

Преодолѣвъ нѣкоторую нерѣшительность, Анна Ивановна почувствовала себя матерью Альфреда, обязанной защищать свое гнѣздо, и вышла на террасу съ вызывающимъ видомъ.

— Этотъ... этотъ...—повторяла она, задыхаясь отъ волненія.

— Ахъ, матушка, оставь,—шепталъ Павелъ Игнатьичъ, закатываясь своимъ тоненькимъ смѣхомъ.—Охъ, не до тебя!... Братецъ-то твой .. адамова голова... Нѣтъ, не могу!... Убей, зарѣжь, казни, но оставь.

Хересъ тоже заливался неудержимымъ смѣхомъ, поддерживая животъ. Изъ всей компаніи оставался невозмутимымъ одинъ „адамова голо-

Digitized by Google

ва". Онъ преспокойно раскуривалъ новую сигару и даже не взглянулъ на сестру.

— Да вы тутъ съ ума сошли, господа!— возмущалась Анна Ивановна, накидываясь на брата

— Нѣтъ, ты спроси братца,—со стономъ проговорилъ Чадовъ, вытирая слезы.

— Въ чемъ дѣло?—спрашивала Анна Ивановна, принимая строгій видъ.

— Ахъ, ты его спроси!—стоналъ Чадовъ, отмахиваясь обѣими руками.—Нѣтъ, лучше я тебѣ самъ разскажу... Помнишь, у Аркадія была слѣпая собака Веста?

— Никакой собаки я не помню

— Ну, все равно; была такая собака... ха-ха! .. И что бы, ты думаешь, случилось? Да, случилось .. На охотѣ... кажется, на тетеревовъ, Аркадій? Ну, да это все равно... Нѣтъ, Аркадій, ты разскажи лучше самъ. У тебя талантъ ..

— Что же тутъ разсказывать?—вяло отозвался „адамова голова", выпуская тонкую струю дыма.—Дѣло самое простое. . Мы поѣхали на тетеревовъ съ Сергѣемъ Павлычемъ... Да. Все шло отлично. А потомъ мы заспорили... Да, заспорили. Гм... Чья собака лучше? Я говорю, что моя Веста выдержитъ стойку, пока я буду курить папиросу до конца. Да... дѣйствительно, она потянула, остановилась... Да... Я закурилъ папиросу... Да... Она стоитъ. Я курю—

Digitized by Google

она стоитъ. И вдругъ, какъ сорветъ... Гм. Тетеревъ взлетѣлъ, а я съ досады весь зарядъ бекасинника въ Весту.

— Ну, ну,—поощрялъ Чадовъ, приготовляясь къ хохоту.

— Ну, ничего особеннаго... Веста покаталась въ травѣ, повизжала и поползла ко мнѣ.

— Ну, ну?

— Самая обыкновенная вещь: ползетъ, а сама блѣдная такая.

Чадовъ прямо упалъ головой на столъ и даже задрыгалъ ногами.

— Это и все?—возмутилась Анна Ивановна.—Удивительно, какъ смѣшно, стрѣлять живую собаку... Гадость!

— Нѣтъ, Анюта, ты только подумай: собака идетъ къ Аркадію *блѣдная* такая... Ха-ха!—заливался Чадовъ, хватаясь за животъ.—А возмущаешься ты совершенно напрасно. Съ бекасинникомъ на тетеревовъ не ходятъ, во первыхъ, а во вторыхъ, Аркадій все это придумалъ. Да, виноватъ, у него была еще верховая лошадь, которая улыбалась, какъ барышня. . Недурно: блѣдная собака и улыбающаяся лошадь.

Анна Ивановна хотѣла возмутиться еще разъ, но въ этотъ моментъ горничная подала лампу, и она увидѣла въ темномъ пространствѣ между столбиками террасы бѣлобрысое лицо Адама.

— Опять этотъ... этотъ,—прошептала она, отступая въ ужасѣ.

Digitized by Google

— Что такое, Анюта?—испугался Чадовъ, оглядываясь.—Ахъ, это ты, Адамъ. Вотъ и отлично. Мы сейчасъ же произведемъ настоящій Соломоновъ судъ. Анюта, я рѣшительно рѣшился сдѣлать доброе дѣло.

Анна Ивановна хотѣла что-то возразить, но въ другомъ пролетѣ террасы показалось лицо Дарьи. Дѣвушка отворачивалась отъ Адама и конфузливо прикрывала нижнюю часть лица передникомъ. Ее смущали посторонніе господа, особенно Хересъ, который такъ и уставился глазами на нее.

— Вотъ и отлично,—повторялъ Чадовъ.— Да, отлично... Ну, дѣти мои, если человѣкъ дѣлаетъ какую-нибудь ошибку, то самъ же и долженъ ее исправить. Такъ? Да, исправить за милую душу.. Не правда ли, Адамъ? Итакъ, ты женишься на Дарьѣ, и все будетъ отлично... Дарья славная дѣвушка, и вы будете счастливы. Свадьба на мой счетъ, и я буду посаженымъ отцомъ. . Что же ты молчишь, Адамъ?

Адамъ повертывалъ въ рукахъ свою шапку и продолжалъ упорно молчать.

— Дарья, а ты что-жъ молчишь?

— Ромео и Джульетта,—шепнулъ «адамова голова» Хересу, который захватилъ ротъ рукой, чтобы не расхохотаться.

— Господа, какъ вамъ не стыдно!—остановила ихъ Анна Ивановна.

Послышались тихія всхлипыванья Дарьи. Ча-

Digitized by Google

довъ вообще не выносилъ слезъ, а женскихъ въ особенности и нахмурился. Упорное молчаніе Адама начинало его возмущать, и онъ заговорилъ уже строгимъ тономъ:

— Адамъ, если бы у тебя была взрослая дочь и она очутилась въ *такомъ* положеніи... Да... Что бы ты сдѣлалъ? Да говори же, наконецъ... Понимаешь, совсѣмъ взрослая.

— Я нащетъ лошади, Палъ Игнатьичъ,— неожиданно отвѣтилъ Адамъ. — Значитъ, какъ вы тогда посылали сторожа Гаврилыча, ну, а мы собрались на покосъ.

—Да ты что дурака-то валяешь?—вскипѣлъ Чадовъ и даже стукнулъ кулакомъ по столу.— Я... я... я...

Лицо Адама вдругъ изчезло въ темнотѣ, и только было слышно, какъ онъ бѣжалъ по саду къ рѣкѣ, перепрыгивая черезъ куртины.

— Адамка, негодяй?—кричалъ Чадовъ, порываясь броситься въ догонку за нимъ.—Охъ, если бы не моя толщина... Сторожъ, держи его!

Но сторожъ мирно почивалъ, и Чадову отвѣтило только далекое эхо съ рѣки.

— Покушеніе на доброе дѣло съ негодными средствами,—замѣтилъ «адамова голова» швыряя въ кусты окурокъ сигары.

V.

На террасѣ наступила тяжелая пауза. Чадовъ шагалъ изъ угла въ уголъ, ероша свои волосы.

Digitized by Google

Потомъ онъ остановился и, сдѣлавъ трагическій жестъ, проговорилъ:

— Знаете, что я сдѣлаю? Я изобью негодяя...

Всѣ позабыли о Дарьѣ, которая продолжала стоять у террасы. Когда Чадовъ изъявилъ желаніе бить Адама, она умоляюще проговорила:

— Его ужъ дома-то отецъ вотъ какъ избилъ... Сѣделкой хлесталъ, хлесталъ потомъ кулаками... за волосы таскалъ...

— Она же еще и жалѣетъ его!?—возмутилась Анна Ивановна, поднимаясь съ мѣста.

— Это въ порядкѣ вещей, Анюта,—замѣтилъ „адамова голова“.—Припомни исторію Ромео и Джульетты... Наконецъ, нашъ праотецъ Адамъ тоже подалъ не особенно похвальный примѣръ относительно первой дамы.

— Пожалуйста, оставь свои шуточки,—строго замѣтила брату Анна Ивановна —Вѣдь рѣшительно ничего смѣшного въ этой исторіи нѣтъ... Дарья, вы можете сейчасъ уходить, а завтра утромъ придете ко мнѣ.

Дарья изчезла безшумно, какъ тѣнь. Чадовъ продолжалъ шагать по террасѣ и бормоталъ:

— Вотъ и извольте тутъ придумать что-нибудь. А я этого Донъ Жуана все-таки вздую за милую душу. Спрятался въ кусты, какъ настоящій Адамъ.

Анна Ивановна демонстративно поднялась и, не простившись ни съ кѣмъ, ушла въ комнаты. Проводивъ жену глазами, Чадовъ разставилъ руки и проговорилъ съ гримасой:

Digitized by Google

— Мы сердимся, у насъ мигрень... нервы... Скажите пожалуйста, причѣмъ я-то тутъ!?

Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь и повторилъ вопросъ. „Адамова голова“ и Хересъ безмолвствовали. Вытянутая фигура перваго напоминала восклицательный знакъ, какъ хозяинъ изображалъ, воздѣтой горѣ рукой, знакъ вопроса.

У Анны Ивановны, дѣйствительно, разыгрались нервы. Лучшимъ средствомъ было раздѣться и лечь въ постель. Она такъ и сдѣлала. Вѣра въ разные соли, спирты и натиранья давно уже миновала. Вѣдь для каждой больной нервной клѣточки, для каждаго нервнаго больного волокна слѣдовало бы приставить въ качествѣ няньки какого нибудь медицинскаго профессора, а между тѣмъ иногда стоило перемѣнить положеніе — и боль утихала. Анна Ивановна перекатывала свою голову по подушкѣ, отыскивая то положеніе, когда нервы утихнутъ. Были моменты, когда какъ будто наступало облегченіе, и она начинала забываться, но съ террасы доносился дребезжащій смѣхъ Павла Игнатьича, и нервы начинали мучительно ныть съ новой силой. Потомъ Аннѣ Ивановнѣ казалось, что въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ спалъ Альфредъ, раздаются подозрительные храпы, какъ при летучемъ крупѣ, или дифтеритѣ. Она преодолѣвала дремоту и, шлепая туфлями, шла въ дѣтскую. Тамъ оказывалось все въ порядкѣ — въ кроваткѣ тихо спалъ Альфредъ, на

Digitized by Google

полу также тихо спала старуха няня Абрамовна: и Анна Ивановна рѣшительно не могла понять, откуда идутъ эти противные звуки больного хрипѣнья.

Мучаясь мигренью, Анна Ивановна привыкла каждый разъ перебирать свою жизнь, и ей казалось, что вся эта ея женская жизнь какой-то сонъ. Она, напримѣръ, часто думала, что за человѣкъ ея мужъ, и должна была сознаваться самой себѣ, что совсѣмъ его не знаетъ. Да онъ добръ, онъ джентльменъ, онъ не обманетъ, онъ уменъ, но вѣдь это еще не то, что составляетъ человѣка. Она его любила, хотя онъ былъ и старше ея вдвое. А сегодня, напримѣръ, что это такое было? Съ одной стороны и желаніе сдѣлать доброе дѣло, а съ другой—какое то ненужное и неумѣстное шутовство. Зачѣмъ, наконецъ, по цѣлымъ днямъ торчитъ у нихъ этотъ Хересъ, человѣкъ совершенно безцвѣтный, неинтересный и скучный, а между тѣмъ Павелъ Игнатьичъ любилъ его и встрѣчалъ каждый разъ, какъ дорогого гостя. Съ мыслью объ этомъ неинтересномъ Хересѣ Анна Ивановна и заснула тяжелымъ, больнымъ сномъ, а когда проснулась утромъ, то разсердилась на самое себя, что могла думать о такой ничтожности. Единственное достоинство Хереса заключалось, кажется, въ томъ, что онъ могъ пить ликеры безъ конца.

Послѣ мигрени Анна Ивановна просыпалась

Digitized by Google

въ положеніи человѣка, котораго наканунѣ били. Она даже чувствовала тѣ мѣста, по которымъ ее били—боль оставалась въ шеѣ, ныло одно плечо и т. д. Еще лежа въ постели, она припомнила финалъ вчерашняго дня и снова разсердилась. Къ чему она назначила это свиданіе Дарьѣ? Какая-то чисто-русская жалость охватила ее, когда дѣвушка пожалѣла своего избитаго соблазнителя.

«Я-то къ чему суюсь въ это дѣло?—раздумывала Анна Ивановна.—Мало ли такихъ дѣвушекъ найдется въ каждой деревнѣ?»

Англійская выдержка характера боролась въ душѣ Анны Ивановны съ проявленіемъ чисто-славянской сердечности. А почему вотъ эта самая Дарья не можетъ быть Джульеттой? Вѣдь всѣ люди одинаковы, и, можетъ быть, вотъ эта самая деревенская дѣвушка чувствуетъ гораздо больше, лучше и чище, чѣмъ идеализированная геніальнымъ драматургомъ Джульетта? Съ другой стороны, раскаиваясь въ своемъ душевномъ порывѣ, вызванномъ шуточками мужа, Анна Ивановна знала отлично, что она не отступитъ и доведетъ дѣло до конца. Конечно, она не будетъ бить негодяя Адама. но... У нея передъ глазами пронесся цѣлый рядъ спеціально-дачныхъ картинъ, когда эта некрасивая дѣвушка Дарья приносила ягоды, грибы и картофель и какъ-то безучастно относилась къ цѣнѣ, а дачная барыня Анна Ивановна любила поторговать-

Digitized by Google

ся. Такъ, торговалась для того, чтобъ ее необманывали ужъ слишкомъ откровенно, и именно Дарья въ этомъ отношеніи представляла исключеніе.

— Какъ положите барыня, — говорила она, и на ея некрасивомъ лицѣ появлялось какое-то овечье выраженіе.

Когда Анна Ивановна вышла на балконъ, Альфредъ, длинный, худенькій, бѣлокурый мальчикъ, пилъ уже свою утреннюю порцію стерилизованнаго молока,—другого не полагалось, потому что наука уже доказала, что туберкулезъ получается именно черезъ молоко. А кто можетъ поручиться за вихровскихъ коровъ? Около Альфреда стояла низенькая сморщенная старушка Абрамовна, одѣтая въ цѣляхъ гигіены, какъ сестра милосердія. Анна Ивановна гордилась этой своей русской старушкой няней, потому что много читала о такихъ преданныхъ старушкахъ няняхъ и потому, что даже у Пушкина была тоже старушка няня. Въ этомъ былъ стиль, а стиль — все.

Альфредъ (отецъ называлъ его по просту Ѳедькой) даже не повернулъ головы, когда мать вошла на террасу.

— Ну, какъ ты, мой другъ, сегодня спалъ?— спрашивала Анна Ивановна, глядя на сына такими глазами, какими смотрятъ на рѣдкую фарфоровую чашку, доставшуюся еще отъ бабушки и готовую ежесекундно развалиться.

Digitized by Google

— Ничего, мама...—равнодушно отвѣтилъ Альфредъ, прожевывая какой-то патентованный сухарикъ изъ шотландской овсянки съ вымороженной кровью.

Боже мой, какъ всегда убивалъ Анну Ивановну вотъ этотъ равнодушный тонъ, какимъ говорилъ ребенокъ. Отецъ приходилъ въ неистовство и кричалъ: «Ѳедька, да ты хоть разбей что-нибудь, наконецъ, разорви штаны, разбей губу... Понимаешь: будь живымъ человѣкомъ!»

Единственное проявленіе жизни Альфреда заключалось въ томъ, что его неудержимо тянуло въ деревню Вихры, что отравляло лучшія педагогическія намѣренія Анны Ивановны. Она приходила въ ужасъ при одномъ словѣ: деревня. Мужики—пьяницы и буяны, бабы—грязныя и забитыя, а ребята—живой разсадникъ всевозможныхъ дѣтскихъ болѣзней. Каждый деревенскій ребенокъ въ глазахъ Анны Ивановны являлся чѣмъ-то вродѣ тѣхъ медицинскихъ препаратовъ, въ которыхъ производится разводка всевозможныхъ зловредныхъ бактерій, кокковъ и микрококковъ. „Теоретически она любила всѣхъ дѣтей, а крестьянскихъ въ особенности, но не могла же она жертвовать жизнью своего Альфреда только изъ-за того, что онъ рвался къ деревенской дѣтворѣ, т.-е. къ заразѣ. Альфреда нисколько не интересовала собственная дача, и мальчикъ цѣлые часы простаивалъ у вычурной садовой загородки, съ завистью наблюдая,

Digitized by Google

какъ бѣгаютъ эти счастливыя бѣдныя дѣти, босыя и грязныя, по полямъ и лугамъ, купаются день деньской въ рѣкѣ, ѣдятъ все, что попало подъ руку, и не знаютъ проклятыхъ бульоновъ, шотландской овсянки и патентованныхъ американскихъ галетъ.

VI.

По недовольному лицу няни, старавшейся не глядѣть на барыню, Анна Ивановна догадалась, что Дарья пришла и, вѣроятно, ждетъ въ кухнѣ. Выпивъ наскоро чашку кофе, Анна Ивановна отправилась туда. Дарья, дѣйствительно, сидѣла въ кухнѣ, и по ея заплаканному лицу Анна Ивановна поняла, о чемъ она говорила съ кухаркой. Обѣ замолчали, когда барыня вошла.

— Дарья, я хочу съ тобой поговорить...— начала Анна Ивановна, подбирая слова.—Ты, конечно, понимаешь, что поступила нехорошо и сама во всемъ виновата.

Дарья стояла, опустивъ глаза, и молчала.

— Да, сама виновата...—продолжала Анна Ивановна.—А почему *онъ* не хочетъ жениться на тебѣ?

— Онъ-то, Адамко... значитъ, боится...— сбивчиво объясняла Дарья.

— Чего же онъ боится?

— А родни... Какъ же,—гритъ,—я на тебѣ могу жениться, ежели,—гритъ, — нечестная...

Digitized by Google

— Да вѣдь онъ самъ виноватъ во всемъ?!— возмутилась Анна Ивановна.—Онъ, вѣроятно, обѣщалъ тебѣ жениться?

— Обнакновенно, барыня, обѣщалъ...

— А ты, дура, и повѣрила,—вступилась кухарка, сердитая пожилая баба.—У нихъ у всѣхъ одинъ разговоръ-то. А теперь и ступай, ищи вѣтра въ полѣ...

— Подожди,—остановила ее Анна Ивановна.— Чего же онъ боится родни? Развѣ они не понимаютъ, что онъ долженъ жениться?

— Какъ не понимаютъ...—уныло отвѣтила Дарья.—У самихъ дочь на возрастѣ. Да и со снохой, значитъ, солдатка, которая за старшимъ сыномъ Николаемъ, тоже не ладно... Сказываютъ, что мѣсяца не выходятъ .. ребенокъ у ней, а мѣсяца-то и не выходятъ .. Все они понимаютъ, вотъ какъ..

Кухарка въ обыкновенное время не смѣла вмѣшиваться въ разговоръ при барынѣ, а тутъ считала себя вправѣ вступиться, потому какъ дѣло самое бабье.

— Постой, Дарья, ты сама-то ничего не понимаешь, а я разскажу. . Надо по порядку. Видите ли, барыня, семья-то Адамки строгая, то-есть не то штобы строгая, а карахтерная. Одна старуха Агаѳья чего стоитъ, значитъ, мать Адамки. Злю-ущая старуха... Настоящая вѣдьма. Евсей-то самъ ничего, а старуха всѣмъ руководствуетъ... Прежде-то все у нихъ дѣ-

Digitized by Google

душка Андронычъ верховодилъ, ну, а теперь, значитъ, Агаѳья силу забрала. Такъ вотъ Агаѳья-то и не возьметъ Дарью въ домъ, потому какъ она не оправдала себя правильной дѣвушкой... Надо прямехонько говорить, хоть до кого доведись. Ну, Адамко и боится матери, что она, значитъ, не приметъ снохи въ домъ... У него-то все что на себѣ—и весь тутъ.

— Можетъ быть, можно уговорить старуху?— соображала Анна Ивановна.—Она сама женщина и пойметъ...

— Что вы, что вы, барыня ..Ни въ жисть!.. Совсѣмъ вы не понимаете нашихъ деревенскихъ порядковъ... Гдѣ же съ бабой сговоришь!..

Изъ этихъ объясненій Анна Ивановна все-таки ничего не поняла и обратилась къ Дарьѣ:

— Что же ты думаешь теперь дѣлать?

Дарья посмотрѣла ей прямо въ глаза и какъ-то по-дѣтски отвѣтила:

— Не знаю...

Въ выраженіи лица Дарьи, въ тонѣ ея голоса, въ безпомощной позѣ было столько неизносимаго бабьяго горя, что Аннѣ Ивановнѣ сдѣлалось совѣстно, зачѣмъ она копается именно въ этомъ горѣ, когда весь вопросъ только въ томъ, чтобъ уничтожить его. Она окончательно была удивлена, когда Дарья заговорила, сбиваясь въ словахъ, что Адамка совсѣмъ добрый, и даже разсказала, какъ онъ ей два раза давалъ по двугривенному, а потомъ далъ цѣлый рубль.

Digitized by Google

— Вотъ такъ суйма! — прыснула со смѣха кухарка.—Значитъ, носи, не потеряй...

Аннѣ Ивановнѣ необыкновенно живо представилась картина, какой взрывъ веселья произвело бы это финансовое открытіе вчера на террасѣ. Ромео заплатилъ Джульеттѣ рубль сорокъ копеекъ... Павелъ Игнатьичъ хохоталъ бы до слезъ и Хересъ, и братъ Аркадій...

— Хорошо, ты иди домой, Дарья,—проговорила она серьезно,—а я подумаю...

Въ голосѣ Анны Ивановны слышались уже рѣшительныя ноты. О, она знала, что нужно сдѣлать... Да, господа, смѣется послѣдній... Такъ нельзя. У Анны Ивановны явился свой планъ дѣйствія. Она дала себѣ слово ничего не говорить мужу, потому что это такой человѣкъ, на котораго невозможно было положиться. Мало того, еще начнутъ вышучивать, какъ вышучиваютъ все на свѣтѣ.

Русская деревня для Анны Ивановны являлась своего рода сфинксомъ, котораго она и не понимала, и боялась. Съ деревянной башенки, гдѣ былъ устроенъ уютный балконъ, она подолгу смотрѣла на далекія крестьянскія постройки, и ей начинало казаться, что тамъ живутъ существа какой-то другой породы, хотя и имѣющія человѣческій обликъ. Да, эти существа родились, плодились, умирали, какъ люди, а жили невидимой загадочной для нея жизнью. Ее до глубины души возмущало отношеніе кресть-

Digitized by Google

янъ къ господамъ въ лицѣ дачниковъ. Не было, кажется, такой хищности, плутни и обмана, которая не допускалась бы по отношенію къ господамъ, чтобы выжать изъ нихъ лишнюю копейку. Отъ деревни такъ и вѣяло чѣмъ-то чужимъ, холоднымъ и отчасти враждебнымъ. Конечно, и дачный сторожъ Гаврилычъ, и кухарка Маланья, и горничная Стеша, и кучеръ Степанъ относились къ господамъ также, прикрывая свои истинныя чувства наружной покорностью и рабьей услужливостью, потому что всѣ получали жалованье, ѣли до отвалу и къ праздникамъ получали подарки. Чадовы жили на своей дачѣ лѣтъ пять, а только теперь въ первый разъ Аннѣ Ивановнѣ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ самымъ больнымъ мѣстомъ деревенской жизни, какъ исторія Дарьи.

Дня черезъ три послѣ своего объясненія съ Дарьей Анна Ивановна сдѣлалась невольною свидѣтельницей разговора кухарки Маланьи и Дарьи. Анна Ивановна сидѣла на террасѣ, доканчивая Альфреду матросскую куртку, и разговаривавшія не могли ее видѣть.

— А ты въ воспитательный отдай, — говорила Маланья.

— Ннѣ-е.. .—плаксиво, но упрямо отвѣчала Дарья.

— Не ты первая, не ты послѣдняя. Не чѣмъ хвалиться-то... Да и въ деревнѣ тѣбѣ не жить, все равно. Куда ты съ ребенкомъ-то дѣнешься?

Digitized by Google

— Н-не знаю...

— Вотъ то то и есть: не знаю... А въ Питерѣ вашей сестры неочерпаемыя тыщи... Какъ сдала ребенка въ воспитательный, сейчасъ сама въ кормилки. Жалованья — десять цалковыхъ, потомъ всякаго бѣлья по шести штукъ, два мамошныхъ сарафана, одѣяло, подушка, полусапожки двои... А ежели которые хорошіе господа, такъ наградятъ сверхъ уговора... Меня Богъ миловалъ, а другихъ кормилокъ достаточно наглядѣлась. У нашего барича Ѳеди вотъ какая была кормилка—корова холмогорская. Когда уходила, такъ баринъ ей въ зубы сотенный билетъ... Жиру наѣла—не укулупнешь.

— Ннѣ-е...—упорно повторяла Дарья.

— Ну, съ тобой, видно, не сговоришь, дѣвки, ежели своего счастія не хочешь понимать,— обидилась Маланья —Дѣло тебѣ говорятъ, тебя же жалѣючи...

Это упрямство Дарьи очень понравилось Аннѣ Ивановнѣ, и она мысленно поставила себя въ ея положеніе. Вѣдь не хватило бы героизма вынести все, что ее ожидаетъ впереди, а эта простая крестьянская дѣвушка вынесетъ.

Изъ разговоровъ съ кухаркой Маланьей Анна Ивановна узнала, что въ Вихрахъ такіе случаи съ дѣвушками раньше почти не случались. Грѣшили иногда солдатки или вдовы, а чтобы дѣвушки—ни-ни.

— Спросите, вонъ, у Гаврилыча, — точно

Digitized by Google

оправдывалась Маланья, защищая цѣломудріе вихровскихъ дѣвушекъ.

— А почему же теперь это случается?

— Да ужъ никакъ случаевъ-то съ десятокъ насчитываютъ...

— Такъ отъ чего же?

— Отъ господъ, барыня...

— Ну, это ужъ ты вздоръ говоришь. Причемъ тутъ господа?

— А даже очень просто, барыня... Какъ господа наѣхали на дачи и пошла эта самая легкая жизнь. Какъ же, деньги берутъ съ господъ даромъ, а тутъ прислуга наѣдетъ, наша городская сестра... Вѣдь всякія кухарки и горничныя-то бываютъ, нечего грѣха таить. Тотъ же Адамко... Стыдно и говорить-то. Ну, а потомъ и за своихъ дѣвушекъ принялись. Только городскія-то все съ собой и увезутъ, а деревенскія дома останутся. Вотъ Адамко-то и влопался. Вонъ она какая, Дарья, хоть ты ей колъ на головѣ теши. Не хочу, гритъ, сдавать ребенка въ воспитательный...

VII.

Наступила осень. Ордежъ разлился отъ дождей и почернѣлъ. Ночи сдѣлались темными, дождъ шелъ изо дня въ день, цвѣты въ саду поблекли. Было нѣсколько такихъ холодныхъ утренниковъ, что любимые георгины Анны Ива-

Digitized by Google

новны сразу почернѣли. Однимъ словомъ, все говорило о скоромъ осеннемъ перелетѣ въ городъ.

— Да, пора и даже очень пора,—говорилъ Павелъ Игнатьичъ, мечтая о завтракахъ у Кюба и макао въ своемъ „картофельномъ клубѣ“.— Какъ странно человѣкъ устроенъ: наступаетъ весна—и вдругъ начинаешь ждать чего-то особеннаго, смотришь на барометръ, радуешься первой выставленной рамѣ, испытываешь даже, чортъ возьми, этакое канальское волненіе, а тамъ, думаешь, наступитъ еще лѣто... да!.. А въ результатѣ все-то лѣто выражается въ нѣсколькихъ сыроѣжкахъ, которыя Ѳедька нашелъ въ лѣсу. Но я, видитъ Богъ, не ропщу... И осенью не дурно, а зима—это уже цѣлая замороженная поэма.

Анна Ивановна тоже была рада перебраться въ городъ, конечно, главнымъ образомъ изъ за Альфреда, которому пора было начинать его курсъ шведской гимнастики. Она не теряла изъ виду Дарьи и познакомилась незамѣтно съ семьей Адама, - какъ-то ѣхала мимо ихъ избы и остановилась, потому что забыла дома молоко для Альфреда. Старая Агафья ей не понравилась и дочь Наталья тоже, а солдатка Марья произвела впечатлѣніе совсѣмъ забитой бабенки. Дарью, даже если она выйдетъ замужъ, ожидала незавидная доля.

Передъ своимъ отъѣздомъ съ дачи Анна Ивановна сказала Дарьѣ:

Digitized by Google

— Ды когда ждешь?

— Около зимняго Николы...—отвѣтила Дарья краснѣя и сдерживая слезы.

— Хорошо, я тебя не забуду и все устрою.

Чадовъ успѣлъ давно забыть исторію вихровскихъ Ромео и Джульетты, хотя на станцію везъ ихъ въ послѣдній разъ Адамъ. А тутъ еще на станціи встрѣтилъ хорошаго знакомаго, Ноникова, про котораго станціонный буфетчикъ шепнулъ своему пріятелю, волостному писарю:

— Это баринъ, который въ газетахъ ругается...

Ничего нѣтъ печальнѣе, какъ эти дачныя деревни, когда господа уѣдутъ въ городъ и точно увезутъ съ собой всѣ источники жизни. Вихры уже вошли въ свое положеніе дачной деревни. Мужики и бабы и дѣти походили на тѣхъ мухъ, которыя остаются въ пустой квартирѣ и по старой привычкѣ летаютъ и ползаютъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ еще недавно всего было вдоволь. Даже избы, почернѣвшія отъ дождей, точно глубже нахлобучили на себя растрепанныя соломенныя крыши. Каждый день являлся чистымъ убыткомъ, и дѣдушка Андронычъ говорилъ:

— Плохо мужичкамъ, охъ, какъ плохо... Легкій-то хлѣбъ, видно, въ городъ уѣхалъ.

Старикъ любилъ поворчать, а въ послѣдніе годы какъ-то озлобился и на господъ, и на мужиковъ. Ему не нравилось, что около господъ мужики начали баловаться и отставать отъ

Digitized by Google

настоящей крестьянской работы, а молодые парни совсѣмъ начали отъ рукъ отбиваться, какъ тотъ же Адамко. Прежде рубль-то былъ деньги, а теперь тотъ же рубль и въ руки взять нечего. И всякій ищетъ, какъ бы полегче обернуться, да еще обмануть, обставить, кто попроще. Правильные старички вымирали, мужики середняки еще кое-какъ держались, хотя и ихъ сильно помазывалъ легкій-то хлѣбъ, а что будетъ съ молодятникомъ—и не придумаешь. Въ шерстяныхъ рубахахъ щеголяютъ, лакированные сапоги заводятъ, на гармоніяхъ съ утра до вечера играютъ, пиво пьютъ,—ну, что изъ нихъ потомъ-то будетъ? Послѣ развертныхъ питерскихъ горничныхъ да кухарокъ своя-то деревенская баба деревянною колодой покажется. Сильно скорбѣлъ дѣдушка Андронычъ, и его сѣдая голова походила на старинный, сложенный изъ кондоваго лѣса амбаръ, насыпанный доверху полновѣснымъ зерномъ, которое теперь начали точить мыши и крысы.

Избенка Дарьи стояла въ серединѣ деревни, но среди другихъ избъ казалась калѣкой,—покосилась, вросла въ землю и смотрѣла на улицу слезившимися въ холодную погоду кривыми оконцами. Опытный деревенскій глазъ сразу опредѣлилъ бы, что изба осталась безъ мужика, какъ и было на самомъ дѣлѣ. Отецъ Дарьи умеръ уже лѣтъ восемь тому назадъ, оставивъ жену Матрену, Дарью и маленькаго сынишку Петра, ко-

Digitized by Google

торому сейчасъ шелъ одиннадцатый годъ. Раньше семья жила ни бѣдно, ни богато, а когда умеръ единственный работникъ—сразу захудала. Сиротство въ деревнѣ ужаснѣе, чѣмъ въ городѣ, гдѣ помогаютъ и незнакомые люди. Семья сразу захудала, все пошло на убыль, все валилось изъ рукъ, и сама Матрена какъ-то потерялась. Гдѣ же одной бабѣ управиться... Вся надежда оставалась на маленькаго Петра, но страшно было и подумать, когда онъ подрастетъ. Дарьѣ было лѣтъ двѣнадцать, но помощи отъ нея было немного. Хорошо еще, что лѣтомъ наѣзжали господа, и Матрена промышляла лукомъ, картофелемъ, яйцами, грибами и ягодами. А зимой приходилось уже прямо голодать...

Сейчасъ семья начала немного подниматься на ноги, но стряслась бѣда съ Дарьей. Матрена подумывала, что лучше бы всего взять въ домъ зятя изъ небогатой семьи или такого же сироту, какъ Дарья. Но вышло иначе. Горе совершенно ошеломило Матрену, и она даже казалась немного тронутой. Роковое извѣстіе принесъ Петръ, которого ребята на улицѣ начали дразнить сестрой Дарьей. Мальчикъ остервенѣлъ, какъ волченокъ, обругалъ сестру нехорошими словами и, въ качествѣ мужика, даже хотѣлъ ее бить. Получилась самая тяжелая картина, но Матрена точно онѣмѣла и только отвертывалась, когда Дарья проходила мимо. Горе было слишкомъ велико, а о томъ,

Digitized by Google

чтобы Дарью взяли снохой въ богатый домъ, нечего было и думать. Одна Агаѳья чего стоила, а тутъ еще старикъ дѣдушка, дочь Наталья—семья бѣдовая.

О будущемъ Матрена старалась не думать. День прошелъ, и славу Богу. Даже вниманіе чадовской барыни ее нисколько не утѣшало. Что же, господа сегодня здѣсь, а потомъ и слѣдъ простылъ. Одного стыда не износить... Дарья лѣтомъ ночей не спала, работала и сколотила рублей двадцать, да Анна Ивановна подарила ей передъ отъѣздомъ три рубля и надавала разныхъ обносочковъ послѣ Альфреда. Будетъ ребенокъ—всякая тряпочка пригодится.

Медленно двигалась осень до заморозковъ. Прежде Дарья уходила на молотьбу и зарабатывала копеекъ пятнадцать въ день, а сейчасъ и этого заработка не было. Приходилось сидѣть дома за зимней работой, какъ пряжа и тканье.

Незадолго до родовъ пришла старуха Агаѳья и ругалась на цѣлую улицу. Погорячился тогда Евсей и избилъ сына, значитъ, и вышло такъ, какъ будто Адамка впрямъ виноватъ. Эта мысль пришла Агаѳьѣ уже потомъ, и она хотѣла выместить на Матренѣ и напрасный оговоръ, и свои побои.

Мало ли по деревнѣ парней и мужиковъ!—кричала она, размахивая руками.—Небойсь, къ Адамкѣ подкинула твоя Даренка хвостъ, потому какъ семья справная... Губа-то у ней не дура.

Digitized by Google

А мало ли тутъ разносчиковъ по дачамъ цѣльное лѣто шляется... Руки-ноги никто не оставилъ. А Адамка простъ... Все на себя сразу принялъ. Дуракъ онъ, и больше ничего... А твоя Даренка, потаскуха, еще пошла по господамъ его страмить. Тоже, нашла моду.

— Перестань грѣшить, Агаѳья,—говорила ей въ окно Матрена, задыхаясь отъ волненія.— Видно, Богъ насъ съ тобой разсудитъ...

— Нѣтъ, я на волостной судъ потащу Даренку, чтобы впередъ не страмила добрыхъ людей.

Матренѣ пришлось замолчать, потому что общественное мнѣніе Вихровъ было на сторонѣ Агаѳьи. Ежели которая дѣвушка не соблюла и потеряла себя и т. д Пощады тутъ не могло быть.

За нѣсколько дней до родовъ чадовскій сторожъ Гаврилычъ принесъ посылку отъ барыни Анны Ивановны, гдѣ было ея руками приготовлено все дѣтское приданое. Дарья спряталась за печь и долго плакала, а Матрена никакъ не могла понять и объяснить барской жалости.

На второй день послѣ зимней Николы Дарья родила дѣвочку, которую назвали Енаѳой.

VIII.

Адамъ слышалъ, что у Дарьи родилась дочь, но не показывалъ къ ней глазъ и страшно ругался, когда деревенскіе пріятели поздравляли его „съ прибылью“. Дома сестра Наталья донимала.

Digitized by Google

— Что нейдешь къ своей-то прынцессѣ, Адамка?

Мать Агаѳьи слѣдила за Адамомъ въ оба, обшаривала его карманы и боялась, чтобы онъ не стащилъ бы чего изъ дому своей кралѣ. Тоже, поди, жалѣетъ. . Но Адаму нисколько не было жаль Дарьи, а напротивъ, онъ затаилъ на нее злость и придумывалъ, кака бы ей отомстить. Агаѳья черезъ знакомыхъ старухъ старалась уговорить Дарью, чтобы она свезла дѣвчонку въ воспитательный, и даже брала на свой счетъ проѣздъ, но Дарья ничего и слышать не хотѣла.

— Точно вотъ на пень наѣхала, — судачили старухи, качая головами и жалѣя Агаѳью.

— Прыть тоже на себя напустила, —ворчала Агаѳья —Ничего умыкается скоро...

Передъ Рождествомъ чадовскій сторожъ Гаврилычъ ѣздилъ въ городъ за жалованьемъ къ барину и, вернувшись оттуда, сказалъ, что барыня велѣла Адаму придти къ ней, когда онъ будетъ въ городѣ. Адамъ выразилъ нѣкоторое сомнѣніе.

— На что я ей понадобился?

— А ужъ тамъ узнаешь... Должно полагать, что-нибудь насчетъ подряда для дачи. Бревна какія-то вывозить...

— Пущай отецъ ѣдетъ...

— Нѣтъ, тебѣ наказывала придти.

Отецъ Евсей подумалъ, посовѣтовался съ женой и отправилъ въ городъ Адама. Съ бари-

Digitized by Google

номъ Чадовымъ нельзя шутить: чего захотѣлъ— вынь да положь.

Чадовы занимали великолѣпную квартиру на Николаевской улицѣ. Адамъ пробрался чернымъ ходомъ и былъ радъ, когда увидѣлъ въ кухнѣ знакомую по дачѣ кухарку Маланью.

— Барыня ужо выйдетъ,—довольно строго проговорила Маланья и кликнула горничную.

Анна Ивановна, дѣйствительно, не заставила себя ждать и встрѣтила Адама строгимъ вопросомъ.

— Ты это что же дѣлаешь, Адамъ?

— А вы наказывали, барыня, вотъ я и пріѣхалъ?

— Нѣтъ, почему ты не хочешь помогать Дарьѣ? Вѣдь твой ребенокъ то родился, а ты бы хоть десять копеекъ далъ.

Адамъ во-время вспомнилъ мамынькину науку и довольно спокойно отвѣтилъ:

— Бросьте вы это дѣло, барыня... Да и я-то тутъ не причемъ. Зря Дарья на меня наговорила...

— Перестань врать-то, Адамка,—перебила его Маланья,—вся деревня знаетъ...

— И жениться не хочешь, и помогать воспитывать ребенка тоже,—корила Анна Ивановна.—Развѣ это хорошо?

— Да, вѣдь, барыня, на немъ не написано, что онъ мой, ребенокъ-то?

— Хорошо, я не желаю терять попусту сло-

Digitized by Google

ва и спрашиваю тебя въ послѣдній разъ: будешь воспитывать ребенка или нѣтъ?

Адамъ почесалъ въ затылкѣ и съ улыбкой отвѣтилъ:

— Барыня, а какъ же насчетъ торгующихъ по дачамъ разносчиковъ? Прежде всего, што ихняя работа...

Анна Ивановна покраснѣла отъ негодованія, но ее выручила Маланья, которая накинулась на Адамку съ какимъ-то остервенѣніемъ:

— А ты посчитай-ка по мѣсяцамъ-то? Какія въ апрѣлѣ разносчики по дачамъ... Это твоя мать Агаѳья придумала. Считала бы мѣсяцыто то у своей снохи Марьи.

Сцена получалась тяжелая, глупая и грубая. Дѣло было такъ серьезно, что всякое новое слово являлось лишнимъ. Анна Ивановна повернулась и уже въ дверяхъ сказала Адаму:

— Не безпокойся, мой милый, я уже все устроила... да. У васъ состоятельная семья, а вы относитесь къ Дарьѣ хуже, чѣмъ къ бездомной собакѣ.

— Помилуйте, барыня, да ежели бы я... — заговорилъ Адамъ.

— Довольно, я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло, — рѣшительно заявила Анна Ивановна.—Если вы хотите плутовать и обманывать, такъ я всѣхъ васъ выведу на свѣжую воду.

Когда взбѣшенная барыня ушла, въ кухню

Digitized by Google

вошла горничная Стеша и, глядя на Адама злыми глазами, проговорила:

— Будетъ тебѣ два неполныхъ отъ барыни... Это, вѣдь, не Павелъ Игнатьичъ.

На Адама напала вдругъ храбрость. Скажите, пожалуйста, что ему какая-то барыня Анна Ивановна? Плевать, и больше ничего.

— Мнѣ? Барыня?... Вотъ вамъ ваша барыня...

Адамъ сдѣлалъ изъ пальцевъ неприличную фигуру и ушелъ, не простившись даже съ Маланьей.

Настоящая русская барыня погорячилась бы, поволновалась, даже поплакала, а потомъ бы все бросила, но на несчастіе Адама Анна Ивановна получила англійское воспитаніе и рѣшила довести дѣло до конца. У нея нашлись и знакомый адвокатъ, и знакомый товарищъ прокурора, и знакомый слѣдователь,—однимъ словомъ, все, что только было нужно для дѣла. Маланья и горничная Стеша принимали въ дѣлѣ не малое участіе, и въ концѣ января Анна Ивановна отправилась съ Стешей сама въ Вихры, чтобы уговорить Дарью начать дѣло надлежащимъ судебнымъ порядкомъ. Матрена страшно перепугалась, когда къ ней въ избенку явилась сама чадовская барыня. Когда Анна Ивановна объяснила цѣль своего пріѣзда, старуха взмолилась:

— Охъ, голубушка барыня! Да куда же

Digitized by Google

намъ тягаться съ Евсеевой семьей... Они богатые, всѣ будутъ за нихъ... Они обозлятся и со свѣту насъ сживутъ.

— Ничего, Матрена,—успокаивала Анна Ивановна.—Они будутъ имѣть дѣло со мной. Я ужъ все устроила... Адама присудятъ выдавать на воспитаніе дочери по три рубля въ мѣсяцъ до совершеннолѣтія, т.-е. до семнадцати лѣтъ.

Матрена даже замахала въ ужасѣ руками. Дарья то, вѣдь, все-таки виновата, и ей же будутъ за ея вину платить. Эта комбинація никакъ не укладывалась въ ея запуганной головѣ.

Анна Ивановна принялась за дѣло со свойственной ей энергіей и подала отъ имени Дарьи заявленіе прокурору. Адамъ былъ вызванъ повѣсткой къ слѣдователю. Онъ держалъ себя на предварительномъ слѣдствіи самымъ невозможнымъ образомъ, отъ всего отпирался, лгалъ и старался больше всего о томъ, чтобы очернить Дарью. Вызванные деревенікіе свидѣтели были противъ него.

— Что же, дѣло извѣстное, Адамкинъ грѣхъ,— повторяли они.—Только и Даренку, вашескородіе, тоже нельзя вполнѣ одобрить. Адамкѣ-то теперь какъ будто и совѣстно жениться на ней, потому какъ семья у нихъ справная, двухъ лошадей держатъ.

Деревенскіе мужики никакъ не могли опредѣлить, что такое «слѣдственникъ», и знали

Digitized by Google

только одно, что судить будетъ Адамку не онъ, а присяжные въ окружномъ судѣ. Не будетъ судить, а допытываетъ, какъ и что. Были показанія и не въ пользу Дарьи, потому что нѣкоторыя мужички озлобились на нее, изволь таскайся въ Лугу, проѣзжайся тамъ, да еще на окружный судъ изъ-за нея потащутъ. Не велико кушанье дѣвка, а вонъ какую кутерьму завела. Конечно, всѣ понимали, что кашу заварила Анна Ивановна, и ругали ее, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Дѣлать нечего этимъ барынямъ, вотъ и суются въ чужія дѣла... Да эту самую Даренку растерзать мало.

— Надо бы ее въ волости поучить малымъ дѣломъ,—предлагали деревенскіе дипломаты.— Чтобы и другимъ дѣвкамъ было не повадно... а то всѣ дѣвки разведутъ эту самую моду.

— Да ужъ это сдѣлай милость. Житья отъ нихъ никому не будетъ...

— Это баринъ Павелъ Игнатьичъ показалъ дорогу.

— Извѣстно, его работа.

— А самъ въ кусты. Быдто ничего не знаетъ... Все, молъ, моя Анна Ивановна орудуетъ. Тоже хитеръ...

Вся деревня Вихры волновалась. Ничего еще подобнаго не случалось, всей деревнѣ одинъ срамъ изъ за Даренки. И по другимъ деревнямъ дѣвченки поднимутся—одна овца пошла и другія за ней пойдутъ.

Digitized by Google

IX.

Наступилъ май. Вихры оживились. Всѣ ждали появленія дачниковъ, какъ дорогихъ гостей. У каждаго были свои разсчеты. Наглухо заколоченныя дачи постепенно начали принимать жилой видъ. Чадовскій сторожъ Гаврилычъ убиралъ садъ, подсыпая песку на дорожки и поправляя газоны. Въ солнечные дни онъ растворялъ всѣ окна и двери настежь, чтобы провѣтрить комнаты. Вѣдь Анна Ивановна пріѣдетъ и сейчасъ потребуетъ, чтобы вездѣ были порядокъ и чистота. Баринъ никогда и ничего не требуетъ, а барыня—очень. На чадовскую дачу завертывали вихровскіе мужики, чтобы поговонитъ съ Гаврилычимъ. Предполагалось, что онъ долженъ знать все относительно дѣла Адамки, а только до поры до времени скрываетъ. Эти выпытыванья и мужицкая политика сердили Гаврилыча, и онъ ворчалъ:

— Обсудится Адамка на окружномъ, тогда все узнаете.

— Ужъ это извѣстно,—соглашались политичные мужики.—Оно ужъ извѣстно, не похвалятъ Адамку за его лакомство. А все твоя барыня Анна Ивановна смутьянитъ.

— Анна Ивановна? — обижался Гаврилычъ за барыню.—Тоже ей обидно, потому какъ она вполнѣ понимаетъ женское положеніе. Ну, значитъ, и Даренку пожалѣла.

Digitized by Google

— То-то вотъ, пожалѣла.

Мужицкія руки лѣзли въ затылокъ, выскребая оттуда разъясненія непонятнаго вмѣшательства Анны Ивановны въ совершенно чужое дѣло. Ежели бы Павелъ Игнатьичъ, такъ онъ сдѣлалъ бы наоборотъ. Какъ наоборотъ—никто не зналъ, но всѣ въ этомъ были глубоко убѣждены, какъ раньше были убѣждены въ томъ, что все дѣло ведетъ Павелъ Игнатьичъ, прикрываясь женой.

Барыня Анна Ивановна пріѣхала въ Вихры раньше обыкновеннаго, потому что врачи прописали Альфреду свѣжій воздухъ. Самъ Чадовъ куда-то уѣхалъ по дѣламъ и не обѣщалъ вернуться раньше іюня. Анна Ивановна явилась съ одной женской прислугой, которая находилась въ томъ же составѣ, т. е горничная Стеша и кухарка Маланья. Въ семьѣ прибавилась только гувернантка, очень милая и строгая старушка m-lle Клара, на обязанности которой было говорить съ Альфредомъ по-англійски. Вихровскіе мужички были увѣрены, что теперь узнаютъ все на чистоту. Начались подходы къ Маланьѣ и Стешѣ, но тѣ, очевидно, какъ и сторожъ Гаврилычъ, сговорились ничего не разсказывать относительно Адамкина дѣла.

— Въ одномъ домѣ живете, какъ же не знать?—не вѣрили имъ деревенскіе политики.— Промежду себя господа тоже разговариваютъ, не нѣмые...

Анна Ивановна сидѣла больше у себя въ ком-

Digitized by Google

натѣ и рѣдко показывалась даже въ садикѣ. Мужички надѣялись перехватить ее какъ-нибудь въ деревнѣ, когда она пойдетъ къ Даренкѣ, но и этотъ планъ не осуществился, потому что барыня послала за Даренкой и велѣла принести къ себѣ ея дѣвочку. О чемъ онѣ говорили между собой—Даренка скрыла.

— Этакая вредная дѣвка,—ругались мужики. —Знаетъ, видно, кошка, чье мясо съѣла... Туда же, молчитъ, какъ зарѣзанная.

— Ничего я не знаю,—отказывалась Даренка.—Дѣйствительно, барыня добрѣющая и сама мыла мою Енаѳу... Двѣ рубашонки подарила, кохту, полусапожки.

Всѣ деревенскія едоразумѣнія разрѣшились быстро, когда Адама и Даренку вызвали въ судъ. Вся деревня опять волновалась, заинтересованная исходомъ дѣла, а всѣхъ больше, конечно, семья Евсея. Старуха Агаѳья ходила съ заплаканными глазами, Евсей отмалчивался, а говорилъ за всѣхъ дѣдушка Андронычъ, почему-то особенно нападавшій теперь на Адамку.

— Такъ ему и надо, озорнику... У самихъ дѣвка на рукахъ, какъ невитое сѣно. Ежели бы кто нашу Наташку такъ устроилъ, какъ онъ Даренку...

Старикъ почему-то былъ увѣренъ, что Адамку «обсудятъ на высидку», что и было правильно,—ежели наблудилъ, ну, и сиди.

Всю семью охватило нервное настроеніе, от-

Digitized by Google

ражавшееся на всемъ. Агафья рвала и метала, срывая сердце на безотвѣтной снохѣ Марьѣ. Доставалось по пути и Наташкѣ.

Адамка вернулся изъ суда поздно ночью. Онъ пришелъ со станціи пѣшкомъ. Шелъ дождь, и Адамка былъ весь въ грязи. Первая услыхала Агафья, когда онъ постучался въ окно. Всѣ слышали, какъ онъ вошелъ въ избу, и только дѣдушка Андронычъ спросилъ:

— Ну, на высидку обсудили?

Адамка тряхнулъ головой и мрачно отвѣтилъ:

— Какая высидка, похуже будетъ...

— Ну?

— Тогда барыня Анна Ивановна сказала, что на три рубля обсудятъ... И обсудили.

— Это какъ же: три рубля?

— А каждый мѣсяцъ, значитъ, до совершенныхъ лѣтъ, значитъ семнадцать годовъ...

Агафья только всплеснула руками и запричитала, какъ по покойникѣ. Мужики молчали, прикидывая въ умѣ, сколько это будетъ. Вся семья собралась вокругъ стола, на которомъ горѣла дешевенькая жестяная лампочка.

— Значитъ, это Анна Ивановна благословила тебя тремя-то рублями?—замѣтилъ Евсей.— Не даромъ столько время молчала... Вотъ и намолчала. Чисто сдѣлала дѣльце...

— Не она обсуждала-то, а присяжные,— объяснялъ Адамъ.

— Ну, это ужъ пустое... Присяжнымъ-то все равно. Такіе же мужики, какъ и мы...

Digitized by Google

— Были и изъ купцовъ...

— Сколько же это выйдетъ до совершенныхъ лѣтъ?—спрашивала Агафья.

Адамка считалъ всю дорогу, и выходило все разное.

— Сумма выйдетъ,—сурово проговорилъ дѣдушка Андронычъ.

Принялись считать.

— По три цалковыхъ въ мѣсяцъ, это, значитъ, въ годъ-то голенькихъ тридцать шесть рубликовъ,—высчитывалъ Евсей.

— Вотъ какую бы лошадь можно было купить...—со вздохомъ замѣтила Агафья.—Или корову хорошую...

— Молчи!—накинулся на нее Евсей.—Въ годъ, значитъ, тридцать шесть рублей, въ два года... да... Тутъ еще лошадь будетъ тебѣ... Охъ, грѣхи, грѣхи!...

— Не можетъ этого быть!—сказалъ дѣдушка Андронычъ.—Ошибка какая-нибудь...

Считали до самаго утра, ссорились и не могли сосчитать. Адамъ учился въ земской школѣ, но успѣлъ перезабыть первые четыре дѣйствія и путался. Евсей особенно разсердился на него именно за это.

— Чему только учили тебя, дурака?... Тремъ свиньямъ корму не сумѣешь раздѣлить... Вонъ мать-то хоть лошадями сосчитаетъ: семнадцать годовъ—семнадцать лошадей. Цѣлый табунъ...

Агафья обиженно молчала и больше не вмѣ

Digitized by Google

шивалась въ мужицкую ариѳметику. Дѣдушка Андронычъ принесъ свою палку и принялся считать по ней, дѣлая ножемъ одному ему извѣстные нарѣзы, какъ на биркахъ у пастуховъ. Время отъ времени онъ взглядывалъ на Адама и только качалъ головой.

— Нѣтъ, не можетъ этого быть!—повторялъ онъ.—Ежели мужички обсуждали, какъ же они не взяли въ толкъ, что у Адамки ничего нѣтъ... Вѣдь заработокъ-то онъ долженъ въ свою семью нести, а не на сторону. Такъ-то вотъ, Евсей, ты тоже подашь на него жалобу въ окружный... Подайте и мнѣ за него, что я его поилъ кормилъ до совершенныхъ лѣтъ. Значитъ, теперь онъ будетъ работать на Даренку, а отцу ничего... Это тоже не модель. Легко сказать: три рубля. Нѣтъ, не можетъ этого быть...

Адамъ помолчалъ. Онъ не смѣлъ сѣсть къ столу и стоялъ какъ подсудимый. Евсей обозлился и только съ трудомъ сдерживалъ себя, чтобы опять не избить блуднаго сына. Сноха Марья, лежавшая съ ребенкомъ въ уголкѣ на лавкѣ, все слышала, но въ общій разговоръ не вмѣшивалась. «Такъ вамъ и надо»... думала она, дѣлая видъ, что спитъ.

На другой день опять считали и опять ругались. Больше всѣхъ поднялась Агафья, которой запали въ голову слова дѣдушки Андроныча. Если платить Даренкѣ за воспитаніе, такъ надо платить и ей, Агаѳьѣ. Почему за

Digitized by Google

незаконнаго ребенка нужно платить, а за законнаго не нужно.

— А вотъ я пойду къ Аннѣ Ивановнѣ,— рѣшила она.—Ея рукъ дѣло, ея и отвѣтъ

Мужики молчали. Но Агафья была спора на руку, собралась живо и полетѣла на чадовскую дачу. Анна Ивановна была дома и принила ее довольно сухо, Когда Агаѳья принялась голосить и кричать, она спокойно замѣтила ей:

— Сейчасъ я съ вами не могу говорить, Агаѳья... Идите на кухню, успокойтесь и тогда поговоримъ спокойно.

На кухнѣ Агаѳья голосила до хрипоты, пока Маланья не стала ее усовѣщать.

— Перестань, матка-свѣтъ... А лучше поговори съ барыней нашей ладкомъ, она же тебя и научитъ, что надо дѣлать. А пока что, я тебя кофіемъ угощу.

Агаѳья отказалась отъ кофія и долго всхлипывала. Въ дверяхъ появлялась нѣсколько разъ горничная Стеша и смотрѣла на нее улыбающимися глазами.

— Ты чему обрадовалась?—взъѣлась на нее старуха.

— А ты чего пристаешь?—грубо отвѣтила Стеша.—Не сноха тебѣ, чтобы измываться надо мной...

— Ты бы и помолчала, дѣвушка, въ добрый часъ. Не дѣвичье дѣло наши-то бабьи дѣла разбирать.

Digitized by Google

— Пусть снохи у васъ молчатъ, у старыхъ изъѣдугъ,—огрызалась Стеша.—Всѣхъ бы съѣла, да руки коротки...

Анна Ивановна тоже волновалась, хотя и по другимъ причинамъ. Ей крайне непріятно было объясняться съ этой деревенской фуріей, но и отступать было неудобно. Да, есть обязанности, которыя необходимо исполнять. Она уже знала объ исходѣ процесса Дарьи и знала, зачѣмъ прилетѣла къ ней эта Агаѳья.

— Поблагодарить пришла васъ, барыня,— плаксиво заговорила Агаѳья, когда барыня позвала ее на террасу.

— Не за что, Агаѳья...—спокойно отвѣтила Анна Ивановна, стараясь не раздражаться.

— Какъ не за что? Устроили вы моего Адамку вотъ какъ.. До совершенныхъ лѣтъ долженъ теперь стараться...

— Не чужого ребенка будетъ воспитывать...

— Это еще неизвѣстно, барыня. Руки-ноги никто не оставилъ...

— Ну, я не желаю выслушивать твоихъ глупостей. Дѣло было въ судѣ, и тамъ все выяснилось... Адамъ признался самъ.

— Признаешься, когда на окружной поволокутъ...

Анна Ивановна нервно прошлась по террасѣ и въ упоръ спросила, сохраняя холодный тонъ:

— Я не понимаю, что вамъ отъ меня нужно?

Вмѣсто отвѣта Агаѳья кинулась въ ноги и

Digitized by Google

начала умолять, чтобы добрая барыня "ослобонила" Адамку отъ трехъ рублей. По пути, захлебываясь отъ напора мыслей, она передала слова дѣдушки Андроныча.

— Тогда и мнѣ давайте по три рубля до совершенныхъ лѣтъ Адамки,—причитала она.

— У тебя есть мужъ, который обязанъ воспитывать своихъ дѣтей,—объясняла Анна Ивановна.

Агаѳья рѣшительно не желала ничего понимать, какъ ни объясняла ей Анна Ивановна настоящій смыслъ судебнаго рѣшенія. Агаѳья ушла домой обозленная и узнала только одно, что Адамкѣ придется выплатить Даренкѣ „до совершенныхъ лѣтъ" ея дочери Енаѳы шестьсотъ двѣнадцать рублей. Эта цифра поразила всѣхъ, и дѣдушка Андронычъ долго оставался съ раскрытымъ ртомъ.

— Что-нибудь да не такъ... — бормоталъ онъ.—На шестьсотъ-то рубликовъ цѣлую избу можно поставить.

Судили, рядили, ругались весь день. Евсей съ горя отправился на станцію и тамъ напился. Какой-то незнакомый мужикъ поздравлялъ его съ богоданной, и онъ чуть съ нимъ не подрался. Вернувшись домой, онъ сильно бушевалъ и все хотѣлъ бить жену, такъ что Агаѳья ночевала у сосѣдей. Адамъ тоже исчезъ, и пьяный Евсей напрасно искалъ его по всему дому. Сохранялъ спокойствіе одинъ дѣдушка Андронычъ,

Digitized by Google

который по обыкновенію дѣлалъ такой видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ.

X.

Анна Ивановна находилась въ очень скверномъ настроеніи духа, хотя для этого, повидимому, рѣшительно не было никакихъ уважительныхъ причинъ. Просто—хандрила. Случалось это и раньше, но быстро проходило, а сейчасъ хандра, видимо, не желала ее оставлять Аннѣ Ивановнѣ даже дѣлалось страшно, когда въ голову къ ней настойчиво лѣзли самыя нелѣпыя и совсѣмъ глупыя мысли. Напримѣръ, ей начинало казаться, что она совсѣмъ не любитъ своего ребенка, а только разыгрываетъ распространенную комедію, подъ названіемъ "Мать и дитя". Она съ упорствомъ помѣшаннаго слѣдила за каждымъ собственнымъ движеніемъ и ловила самое себя на каждомъ шагу. Иногда Альфредъ казался ей чужимъ ребенкомъ, и она старалась смотрѣть на него чужими глазами. Да, это былъ хилый, безжизненный рахитикъ, характерный продуктъ вырожденія, несчастный наслѣдникъ безконечнаго ряда чьихъ-то безконечныхъ пороковъ. Самое лучшее для такого выродка—умереть. Нагляднымъ противовѣсомъ являлась немытая и нечесанная деревенская дѣтвора. Господи, какія это здоровенныя дѣтишки, точно сколоченныя. Анна Ивановна по цѣлымъ

Digitized by Google

часамъ возилась съ Енаѳой и безъ конца любовалась этимъ крѣпенькимъ дѣтскимъ тѣльцемъ, пухлыми ручками и ножками, каждымъ дѣтскимъ движеніемъ. Да вотъ изъ этой Енаѳы выростетъ при самой ужасной обстановкѣ нормальный человѣкъ, а не какая-нибудь нервная дрянь, вродѣ ея Альфреда.

Съ другой стороны, она часто думала о самой себѣ и своей жизни и открыла здѣсь безконечную пустоту. Что она такое? Для чего она живетъ на свѣтѣ? Вѣдь если она въ одно прекрасное утро умретъ, то этотъ фактъ произведетъ такой-же изъянъ въ общей суммѣ жизни, какъ упавшій съ дерева листъ. Даже вопросъ о томъ, любитъ она мужа, или не любитъ —оставался открытымъ и точно ненужнымъ. Вѣдь въ такихъ счастливыхъ супружествахъ дѣти появляются на свѣтъ просто отъ скуки, какъ справедливо острилъ братъ Аркадій.

„Неужели я вступаю уже въ бальзаковскій возрастъ?“ —думала Анна Ивановна, припоминая тѣхъ тридцатилѣтнихъ дамъ, которыя впадали въ унылое разочарованіе.

Мысль о собственной ненужности подавляла Анну Ивановну И тутъ же рядомъ, въ двухъ шагахъ, какая-нибудь деревнюшка Вихры, гдѣ все нужно и гдѣ все настоящее. Тамъ и жили по-настоящему, работали, радовались, горевали. И когда эта настоящаи деревня входила въ близкія отношенія съ бариномъ, наступало быстрое

Digitized by Google

нравственное разложеніе, какъ, напримѣръ, во всѣхъ дачныхъ мѣстностяхъ. Крестьянскія дѣти начинали попрошайничать, бабы вымогали, что умѣли, а мужики превращались въ безсовѣстныхъ грабителей, для которыхъ баринъ и барыня являлись неистощимой статьей легкой наживы. Взять хотя ту же Дарью, которую Анна Ивановна, выражаясь по деревенски, пожалѣла. Сначала все шло какъ будто хорошо, а потомъ началось молчаливое вымогательство. Матрена, мать Дарьи, приходила въ кухню и высиживала здѣсь цѣлые часы, выжидая момента, когда удобнѣе показаться на глаза барынѣ. Она такъ плаксиво разсказывала о своей вдовьей нищетѣ, и, очевидно, Дарья то же самое повторяла съ ея словъ. Маленькая Енаѳа являлась однимъ изъ средствъ разжалобить добрую барыню. Однимъ словомъ, на каждомъ шагу чувствовалась какая-то скрытая порча, которую вносили господа помимо собственна о желанія.

Деревня для Анны Ивановны продолжала оставаться громаднымъ сфинксомъ, котораго она не могла разгадать и который тянулъ ее къ себѣ. Ей такъ хотѣлось, чтобъ ея Альфредъ вмѣшался въ пеструю и шумливую толпу бѣлоголовой деревенской дѣтворы и раздѣлялъ съ ней вмѣстѣ ея кипучую жизнь. Но здѣсь камнемъ преткновенія являлся страхъ заразы, и Альфреду оставалось только смотрѣть съ тихой завистью издали на счастливыхъ деревенскихъ ре-

Digitized by Google

бятишекъ, которые не знаютъ ни совѣтовъ знаменитыхъ дѣтскихъ врачей, ни шведской гимнастики, ни англійскаго языка.

Обыкновенно Анна Ивановна дожидалась мужа безъ особеннаго нетерпѣнія, а нынче была очень рада, когда онъ вернулся изъ поѣздки раньше назначеннаго срока. Съ нимъ, конечно, пріѣхали и его неизмѣнные друзья — Хересъ и „адамова голова". Явился еще третій, совершенно неизвѣстный гость, по фамиліи Ершовъ, съ которымъ Чадовъ познакомился гдѣ-то на желѣзной дорогѣ.

— Какъ онъ смѣшно вретъ, Анюта, — объяснялъ онъ женѣ. — Лучше „адамовой головы". Притомъ завзятый охотникъ.

— У тебя страсть тащить къ намъ въ домъ всякаго встрѣчнаго, — поворчала изъ приличія Анна Ивановна.

— Нѣтъ, ты послушай сама, какъ онъ разсказываетъ и къ каждому слову прибавляетъ: о!... Ротъ сдѣлаетъ какъ-то воронкой... Ахъ, чуть не забылъ: знаешь, кто меня привезъ со станціи? Мой другъ, негодяй Адамъ...

— Мнѣ эта исторія уже надоѣла, — жаловалась Анна Ивановна. — Прибѣгала сюда его мать и страшно мнѣ нагрубила... Вообще, нехорошіе люди.

— Ну, теперь у нихъ все устроилось.

— Какъ устроилось?

— Хорошенько не могу объяснить, но Адамъ

Digitized by Google

имѣетъ видъ человѣка, у котораго совѣсть совершенно спокойна.

Новый гость, среднихъ лѣтъ мужчина, съ сильной просѣдью, ничего особеннаго изъ себя не представлялъ, кромѣ развѣ того, что улыбался какъ-то особенно хорошо, что приводило Чадова въ восторгъ. Его добродушное, широкое, русское лицо носило на себѣ явные слѣды „неосторожнаго обращенія съ напитками", какъ формулировалъ Аркадій Иванычъ пьянство, хотя новый гость рѣшительно ничего не пилъ, кромѣ чаю и квасу. Сизый носъ съ красными прожилками, по-пьяному воспаленные глаза и пьяный опухъ лица являлись какой-то насмѣшкой несправедливой судьбы. Какъ жена охотника, Анна Ивановна давно привыкла къ появленію въ домѣ совершенно неизвѣстныхъ лицъ, которыя такъ же исчезали неизвѣстно куда, какъ и появлялись неизвѣстно откуда. На лицо оставались неизмѣнные двое—Хересъ и „адамова голова", къ которымъ Анна Ивановна такъ привыкла, что даже не замѣчала ихъ присутствія, какъ не замѣчаютъ мебели.

По меню обѣда, который Чадовъ заказывалъ Маланьѣ самъ, Анна Ивановна поняла, что они гдѣ-то кутили.

— Маланья, у насъ нѣтъ рѣдьки?—спрашивалъ Павелъ Игнатьичъ кухарку немного заискивающимъ голосомъ.

— Помилуйте, баринъ, какая теперь рѣдька...

Digitized by Google

— Ну, хорошо. Квасъ есть? Я тамъ вяленаго судака привезъ... Понимаешь? Возьми, отвари его... да... Солененькихъ огурчиковъ... Однимъ словомъ, чтобы была хорошая тюря... Потомъ, я тамъ привезъ вяленой воблы, очисти ее и нарѣжь тоненькими ломтиками... понимаешь? А завтра, къ ботвиньѣ, пирогъ изъ малосольной осетрины, по сибирски...

Маланья знала вкусъ барина и только въ тактъ кивала головой. Баринъ время отъ времени любилъ поѣсть попроще—соленой капусты съ зеленымъ коноплянымъ масломъ, воблы, тюри, рѣдьки съ квасомъ, рыночнаго рубца и т. д.

— Мы люди простые, русскіе, и любимъ простую русскую ѣду, — объяснялъ Павелъ Игнатьичъ, заставляя и своихъ гостей ѣсть всякую дрянь.

Передъ самымъ обѣдомъ, когда Анна Ивановна приготовляла въ кухнѣ закуску, на садовой террасѣ послышался громкій хохотъ, который всегда ее возмущалъ. Она вышла въ гостиную и черезъ открытую дверь могла все видѣть и слышать. Передъ террасой стоялъ безъ шапки Адамъ и ухмылялся.

— Ну, ну, говори,—поощрялъ его Павелъ Игнатьичъ.—Ахъ, негодяй, негодяй... Ну, такъ кто тебя научалъ-то?

— А стрѣлочникъ на станціи, онъ, значитъ, изъ солдатъ будетъ,—очевидно, повторялъ свой разсказъ Адамъ.—Ну, дома то меня живьемъ

Digitized by Google

съѣли за три рубля, которые по суду я обвязанъ платить Даренкѣ... Ну, а стрѣлочникъ и говоритъ: „дураки вы деревенскіе, и больше ничего“.

— Такъ прямо и сказалъ?

— На что прямѣе... Въ лучшемъ видѣ,— гритъ,—можно утихомирить твою Даренку, ежели дѣйствовать съ умомъ. Да... Ты,—гритъ,— первый-то мѣсяцъ заплати ей три рубля вполнѣ. Конечно,—гритъ,—жаль, а ничего супротивъ закону не подѣлаешь. А второй мѣсяцъ дай ей два семь гривенъ... Ну, а въ третій отвали полтину—и шабашъ. Пусть опять идетъ обсуждаться на окружный судъ...

— Великолѣпно!...

— До совершенныхъ-то лѣтъ,—гритъ,—всѣ кишки изъ нея можно такимъ манеромъ вымотать.

Павелъ Игнатьичъ хохоталъ до слезъ, особенно, когда Ершовъ опредѣлилъ, что у Адама лицо настоящаго комика.

— Да, да, именно, комикъ!...—повторялъ Чадовъ, задыхаясь отъ смѣха.—И какъ это раньше не замѣчалъ... Адамка, ты—комикъ?

— Не могу знать, Палъ Игнатичъ...

— Ну, а дома тебя одобряютъ теперь?—допрашивалъ „адамова голова“.

— Даже вполнѣ... Дѣдушка Андронычъ больше всѣхъ. Ну, и мать тоже... А отецъ три дня пьянствовалъ на станціи съ радости.

Digitized by Google

— Очень милое семейство... о! замѣтилъ Ершовъ.

Аннѣ Ивановнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Она ушла въ свою комнату и заперлась. Когда Стеша пришла объявить, что барыня больна и не выйдетъ къ обѣду, Павелъ Игнатьичъ широко вздохнулъ, поморщился и проговорилъ:

— У насъ нервы... Адамъ, ты можешь уходить.

Но Адамъ не уходилъ, а стоялъ, повертывая шапку въ рукахъ. Господа были въ веселомъ настроеніи, и ему тоже было весело.

— Палъ Игнатичъ, на чаекъ бы слѣдовало съ вашей милости,—проговорилъ онъ наконецъ. —Ужъ, кажется, старались для васъ вполнѣ...

— О, да ты, дѣйствительно, комикъ... Ступай-ка по-добру, по-здорову домой.

Но Адамъ не ушелъ, а долго еще сидѣлъ въ кухнѣ, пока Анна Ивановна не прогнала его. Ей показалось, что, уходя, Адамъ посмотрѣлъ на нее съ презрительной улыбкой.

„Ахъ, негодяй!“—подумала она, дѣлая видъ, что ничего не замѣтила.

Вечеромъ Анна Ивановна, совершенно неожиданно для самой себя, устроила цѣлый скандалъ. Павелъ Игнатьичъ предчувствовалъ собиравшуюся грозу, когда она показалась на террасѣ усталая, изнеможенная, съ лихирадочно горѣвшими глазами. Веселая компанія съ самого обѣда не поднималась изъ-за стола, потому что

Digitized by Google

сначала пили кофе съ ликерами, потомъ одни ликеры, потомъ квасъ, потомъ опять ликеры. Положимъ, пьяныхъ не было, за исключеніемъ самого хозяина, у котораго языкъ начиналъ заплетаться. Анна Ивановна прервала какой-то, повидимому, очень веселый охотничій разсказъ и брезгливо проговорила:

— Я вамъ мѣшаю, господа?...

Всѣ дружнымъ хоромъ, конечно заявили, что Анна Ивановна не только не можетъ никому помѣшать, но что всѣ нуждались именно въ ея присутствіи.

— Оставьте, пожалуйста, господа, ваши любезности...

Почему-то Аннѣ Ивановнѣ особенно не понравился сейчасъ братъ Аркадій, и она начала съ него:

— Кажется, у васъ очень веселое настроеніе сохраняется еще отъ разсказа этого Адама?

— Нѣтъ, мы уже позабыли о немъ, — коротко отвѣтилъ „адамова голова", поднимая брови.—Да и не стоитъ...

— Какъ не стоитъ?—возмутилась Анна Ивановна, вспыхивая.—Если разсуждать такъ, то всякая гадость и подлость—пустяки... Просто, смѣшно даже—и только.

— Анюта, видишь ли, дѣло глупое во всякомъ случаѣ,—вмѣшался Чадовъ, чего не долженъ былъ дѣлать.

— Глупое?!..—вспылила Анна Ивановна.

Digitized by Google

Съ этого и началось. Въ лицѣ брата Аркадія и мужа Анна Ивановна отчитала всю компанію, какъ людей пустыхъ и ничтожныхъ, потомъ расплакалась и убѣжала къ себѣ въ комнаты. На террасѣ нѣкоторое время царило неловкое молчаніе. Всѣ стѣснялись, главнымъ образомъ, Ершова, какъ новаго человѣка, но онъ вывелъ всѣхъ изъ затрудненія, когда вытянулъ трубой губы и произнесъ свое: „о!“

— А, вѣдь въ сущности, сестра права,—заговорилъ „адамова голова“. — Дѣйствительно, этотъ Адамъ двояковыпуклый негодяй...

Всѣмъ опять сдѣлалось весело, а Павелъ Игнатьичъ, прихлебывая ликеръ, въ тонъ общему настроенію замѣтилъ:

— Господа, я васъ долженъ предупредить, что я выдерживаю курсъ лѣченія. Докторъ посадилъ меня на карлсбадскую воду, — ну, я и пью: стаканъ карлсбадской, да два стакана кабацкой!

XI.

Вся семья Адама, благодаря совѣту стрѣлочника, дѣйствительно успокоилась, а дѣдушка Андронычъ повторялъ:

— Вѣдь я говорилъ, что такъ невозможно... Ежели каждой непутевой дѣвкѣ платить по три рубля въ мѣсяцъ,—что же это будетъ? Ну, ежели Даренка опять родитъ, значитъ ей еще три рубля

Digitized by Google

до совершенныхъ лѣтъ? Никакъ это невозможно!

Агаѳья торжествовала молча. Она совсѣмъ повеселѣла и только для вида ворчала на всѣхъ Вотъ, поди, Даренка съ матерью радуются, что окружный судъ обсудилъ имъ три рубля... Обсудить-то обсудилъ, а только еще надо ихъ получать.

Даже когда Адамку вызвалъ пріѣхавшій въ Вихры земскій начальникъ, никто особенно не тревожился. И самъ Адамъ шелъ на земскую квартиру съ легкимъ сердцемъ. Конечно, земскій вызываетъ изъ-за Даренки, чтобъ ей пусто было... Разговоръ у земскаго начальника былъ короткій.

— Ты Адамъ Мореновъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе...

— Ты судился по дѣлу о незаконномъ прижитіи ребенка?

— Точно такъ, обсуждался вполнѣ и обвязанъ тремя рублями до совершенныхъ лѣтъ.

Земскій начальникъ, высокій господинъ въ золотыхъ очкахъ, съ военною выправкой, посмотрѣлъ на бойко отвѣчавшаго Адама и улыбаясь, прибавилъ:

— Видишь ли, это очень хорошо, что ты признаешь свои обязанности, но дѣло въ томъ... Да, въ томъ, что, кромѣ уплаты денегъ на воспитаніе ребенка, ты присужденъ еще къ церковному покаянію. Именно, я получилъ распоряженіе изъ духовной консисторіи, которая при-

Digitized by Google

судила тебя посѣщать церковную службу каждое воскресенье и каждый праздникъ, т.-е. въ субботу ты идешь ко всенощной и возьмешь записку отъ священника, что былъ у службы, а въ воскресенье—у обѣдни. И въ праздники тоже... Понимаешь?

Но Адамъ ничего не понималъ,а только смотрѣлъ на начальство широко раскрытыми глазами.

— Кажется, понятно? — удивлялся земскій начальникъ.—А ты представишь записки священника мнѣ...

— Никакъ невозможно, ваше высокоблагородіе,—рѣшительно заявилъ Адамъ и даже развелъ руками.

— Почему невозможно? — спросилъ земскій начальникъ уже строго и нахмурился,—ему не понравилась развязность Адама.

— Ваше высокоблагородіе, да вѣдь церковь-то отъ насъ за двѣнадцать верстъ... Никакъ невозможно...

— А... Ну, это, братецъ, ужъ не мое дѣло. А консисторія тебя присудила, и ты долженъ исполнять все безпрекословно... Понимаешь, пришелъ ко всенощной или обѣднѣ, до службы покажись священнику и послѣ службы покажись и возьми отъ него записку.

Домой Адамъ возвращался точно въ какомъ туманѣ. Мать испугалась, когда онъ вошелъ въ избу. На парнѣ, какъ говорится, лица не было.

— Опять нагрезилъ что-нибудь? — спросила Агаѳья.

Digitized by Google

— Ничего не опять, а похуже того...

— И все изъ-за Даренки?

Когда Адамъ разсказалъ, зачѣмъ земскій начальникъ вызывалъ его къ себѣ, Агаѳья только всплеснула руками.

— Да что же такое?—шептала она въ ужасѣ.— Откуда такая бѣда прикачнулась!...

Свой разсказъ Адаму пришлось повторить отцу, когда тотъ вернулся со станціи, а потомъ дѣдушкѣ Андронычу. Больше не было ни злобы, ни ругани, и Адамъ говорилъ о сесѣ какъ о постороннемъ человѣкѣ.

— Не иначе дѣло, что все это барыня Анна Ивановна продумала,—соображала Агаѳья.— Отъ нея станется...

— Ну, тутъ совсѣмъ не барыней пахнетъ,— рѣшилъ дѣдушка Андронычъ.

Евсей угнетенно молчалъ. Въ его головѣ промелькнула цѣлая вереница спеціально хозяйственныхъ соображеній. Это духовное покаяніе было похуже трехъ рублей. Сейчасъ Евсей живо сосчиталъ всѣ свои будущіе убытки отъ духовнаго покаянія Адама. Главное, что выпадали лучшіе и самые дорогіе праздничные дни лѣтомъ, когда господа въ субботу ѣхали на дачу, а въ воскресенье съ дачи. А за каждый конецъ плата уже установилась въ три рубля. Въ хорошую погоду Адамъ успѣвалъ дѣлать въ праздникъ по два конца, значитъ, выѣзжалъ рублей шесть въ одинъ день. И вдругъ такой заработокъ

Digitized by Google

отпадалъ... Господа жили на дачѣ недѣль десять, значитъ; у Адама выпадало десять воскресныхъ дней, да всѣ праздники, которыхъ наберется тоже не меньше десяти. Въ результатѣ получалась самая обидная сумма будущихъ убытковъ

Прикинувъ все въ умѣ, Евсей заявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— А лошади я тебѣ, Адамка, не дамъ. Вотъ тебѣ и весь мой сказъ... Твой возъ, твоя и пѣсенка. Ходи въ церковь пѣшкомъ.

Евсей, не желая вступать въ пререканія, вышелъ изъ избы. Пусть Агаѳья съ дѣдушкой Андронычемъ толкуютъ, какъ знаютъ. Старикъ все время молчалъ, уткнувшись глазами въ печь. Получалось что-то совсѣмъ несообразное, а придраться не къ чему. Конечно, вотъ какъ негодяю Адаму нужно каяться, а кто же вмѣсто него на станцію будетъ ѣздить? Агаѳья совершенно упала духомъ и молчала. Ея бабій умъ здѣсь кончался, и она рѣшила про себя, что пусть мужики дѣлаютъ, какъ хотятъ.

— Раненько, видно, мы надъ Даренкой посмѣялись, - проговорилъ дѣдушка Андронычъ.— Какъ бы она не посмѣялась надъ нами... Вотъ какое дѣло-то выходитъ, Агаѳьюшка. Тутъ думай, не думай, ничего не придумаешь. Какъ рыба въ неводу мы сейчасъ...

Адамъ молчалъ. Да и что онъ могъ сказать? Когда дѣдушка Андронычъ вышелъ изъ избы, Агаѳья съ какимъ-то ожесточеніемъ проговорила

Digitized by Google

— А подпалить Чадовскую усадьбу—вотъ и весь разговоръ. Будетъ имъ надъ нами мудрить-то... Да. Посмѣялись надъ нашей простотой, и будетъ.

Адамъ продолжалъ молчать, потому что понималъ, что мать говоритъ совершенно пустыя слова со злости. Онъ тоже какъ-то сразу упалъ духомъ, какъ и всѣ другіе. Это былъ моментъ полнаго отчаянія, Когда Адамъ вышелъ за ворота и остановился, соображая, идти ему или не идти къ барину. Чадову, игравшіе у избы Парфена ребятишки принялись кричать:

— Богомолецъ, богомолецъ, Адамко... Адамко, ты въ церковь собрался?

Деревня уже знала объ его духовномъ покаяніи, и теперь не будетъ проходу отъ однихъ ребятишекъ. Когда онъ выходилъ изъ сѣней и встрѣтилъ на лѣстницѣ сноху Марью, ему показалось, что она точно смѣется надъ нимъ, а безголовая Наташка прыснула въ руку и бросилась въ избу, какъ угорѣлая. Всѣмъ было смѣшно.

Постоявъ за воротами и бросивъ въ пристававшихъ къ нему ребятъ палкой, Адамъ зашагалъ по направленію Чадовской дачи. Его охватило озлобленіе, и онъ не зналъ, зачѣмъ онъ идетъ. Но и на Чадовской дачѣ было уже все извѣстно, и кухарка Маланья встрѣтила его улыбкой.

— Зачѣмъ приволокся-то богомолецъ?—ядовито спросила она его.

Digitized by Google

Выскочила горничная Стеша и такъ же глупо фыркнула, какъ сестра Наташка. Адамъ стоялъ съ самымъ растеряннымъ видомъ и улыбался кривой улыбкой.

— Мнѣ бы Палъ Игнатича повидать,—заявилъ онъ нерѣшительно.

— Въ самый разъ,—огрызнулась Маланья.

Стеша сообразила, что барину будетъ смѣшно поговорить съ богомольцемъ и побѣжала съ докладомъ.

— Ступай, ступай,—гнала его Маланья изъ кухни.—Господамъ-то все таки даровая потѣха будетъ. Нашего барина хлѣбомъ не корми, а чтобы только смѣшное было.

На Чадовской дачѣ все лѣто толклись гости, но на счастье Адама Ершовъ и Хересъ уѣхали, а оставался одинъ „адамова голова". Когда Адамъ показался у террасы, сидѣвшій съ газетой въ рукахъ Чадовъ умоляюще замахалъ на него руками.

— Охъ, уморилъ, негодяй,—шепталъ онъ задыхавшимся голосомъ. — Все былъ негодяй, и вдругъ—богомолецъ!.. О, ха-ха-ха!

Адамъ смотрѣлъ на веселаго барина злыми глазами и молчалъ.

— Такъ церковь-то за двѣнадцать верстъ?—допрашивалъ Чадовъ, вытирая слезы. — И къ каждой службѣ? Аркадій. ты посмотри на него—совершенный комикъ! Ершовъ опредѣлилъ совершенно вѣрно.

Digitized by Google

„Адамова голова“ равнодушно посмотрѣлъ на Адама своими тусклыми глазами, пожевалъ губами и ничего не сказалъ.

— Ну, такъ какъ, Адамъ?—продолжалъ Чадовъ.

— А вамъ ближе знать, Палъ Игнатичъ,— проговорилъ Адамъ, сдерживая злобу. — Ловко вы меня устроили, баринъ.

— Я?

— Обнакновенно, ваша работа. Вотъ какъ посмѣялись надо мной, баринъ... Ни взадъ, ни впередъ, вотъ какое мое дѣло сейчасъ.

— Дѣйствительно, дѣло особенное, Адамъ... Что же ты думаешь дѣлать?

— Не знаю... Теперь ужъ вы скажите мнѣ, что дѣлать-то.

— Я уже тебѣ говорилъ: женись на Дарьѣ. Человѣкомъ будешь.

Адамъ молчалъ, опустивъ глаза.

— Чѣмъ она хуже другихъ?—продолжалъ Чадовъ.—Я ужъ тебѣ сказалъ, что буду посаженымъ отцомъ и Дарьѣ все приданое сдѣлаю.

Эта сцена была прервана Анной Ивановной, которая довольно рѣзко остановила мужа:

— Довольно, Павелъ Игнатьичъ... У тебя все шутки на умѣ, а въ этомъ несчастномъ дѣлѣ рѣшительно ничего смѣшнаго нѣтъ. Адамъ, иди ко мнѣ въ комнату и поговоримъ серьезно.

Аннѣ Ивановнѣ сдѣлалось жаль Адама. Вѣдь, въ сущности, онъ, вѣроятно, совсѣмъ не злой

Digitized by Google

человѣкъ, а поступаетъ нехорошо просто по невѣжеству. Когда Адамъ конфузливо вошелъ въ кабинетъ барыни и остановился у двери, она заговорила съ нимъ серьезно и просто, какъ съ роднымъ.

— Адамъ, я ужъ тебѣ говорила еще зимой, что будетъ, а вышло еще хуже. Но это все равно, и дѣло не въ этомъ. Ты по собственной совѣсти долженъ жениться на Дарьѣ.

— Да я, барыня .. что же я?

— Знаю, знаю... Не хочетъ твоя семья.

Адаму пришлось выслушать цѣлую лекцію о долгѣ, чести и совѣсти, изъ которой онъ понялъ только одно, что барыня держитъ свою линію и не отступается. Анна Ивановна взволновалась, и у нея даже являлись въ патетическихъ мѣстахъ слезы на глазахъ.

— Я тебя совсѣмъ не желаю заставлять, — объясняла она, стараясь придать голосу кротость.—Изъ этого, все равно, ничего бы не вышло, какъ изъ всякаго принужденія. А ты подумай хорошенько самъ и потомъ приди ко мнѣ, и тогда поговоримъ еще разъ. Да?

— Да я, барыня... Ахъ, Боже мой!... Со соѣту, вѣдь, меня сживутъ дома-то.

— Ну, все уладится помаленьку а, главное — совѣсть..

Ласковые уговоры барыни подѣйствовали на Адама и, возвращаясь домой, онъ встряхивалъ головой и чесалъ въ затылкѣ. Раньше онъ

Digitized by Google

злобился на Дарью, а теперь ему дѣлалось какъ будто даже ее жаль. Тоже, живой человѣкъ, и ежели-бъ не онъ, такъ ничѣмъ не хуже другихъ деревенскихъ дѣвокъ.

— Эхъ, кабы не маменька... — думалъ Адамъ вслухъ.

Каково было удивленіе Адама, когда отецъ встрѣтилъ его такими словами:

— Ну, Адамъ, будетъ, видно, намъ смѣшить добрыхъ-то людей. Завтра посылаемъ сватовъ къ Дарьѣ... Значить, воопче судьба.

Это рѣшеніе состоялось на семейномъ совѣтѣ, какъ мѣра наказанія Адама, а съ другой стороны—какъ средство сохранять ежемѣсячно три рубля и дорогіе прогульные дни.

Въ первую минуту Адамъ не повѣрилъ собственнымъ ушамъ и смотрѣлъ на отца растерянными глазами.

— Нечего глядѣть-то,—дѣловымъ тономъ замѣтилъ Евсей.—Ужъ, видно, такъ все дѣло вышло... Противъ судьбы, какъ противъ воды, не пойдешь. Твой возъ—твоя и пѣсенка.

XII.

Свадьбу сыграли скороспѣлкой, безъ особенныхъ расходовъ. Чадовъ былъ посаженнымъ отцомъ, какъ обѣщалъ. Онъ устроилъ Дарьѣ все приданое и всѣ свадебные расходы принялъ на себя, а послѣ вѣнца подарилъ Адаму двад-

Digitized by Google

цать пять рублей. Агафья, конечно, узнала объ этихъ деньгахъ и выманила ихъ у простоватаго Адама. Мать Дарьи, Матрена, пробовала вступиться за зятя, но Агафья такъ ее отчитала, что старуха едва уплела ноги домой.

— Тоже роденьку Богъ послалъ,—уныло думала она, перебирая въ умѣ полученныя обиды.—Змѣя подколодная эта самая Агафья...

Положеніе молодой снохи въ домѣ получалось самое невозможное На нее никто не обращалъ вниманія, какъ на забѣжавшую съ улицы кошку, а мужъ Адамъ боялся слово пикнуть. Дарья тоже боялась всѣхъ, а особенно Наташки, которая потихоньку высмѣивала каждый ея шагъ. Было бы лучше, еслибъ ее прямо бранили и попрекали каждымъ кускомъ, какъ старшую сноху Марью. Впрочемъ, затаенная злоба всей семьи изливалась на маленькую Енафу, которая мѣшала въ домѣ рѣшительно всѣмъ, какъ заноза. Особенно измывалась Агафья, возненавидѣвшая дѣвчонку, и не называла ее иначе, какъ змѣенышемъ. Вообще, это была самая тяжелая месть, какую только можно было придумать, и Дарья потихоньку пролила много дешевыхъ бабьихъ слезъ.

А тутъ еще вернулся со службы солдатъ Николай, мужъ Марьи, и теперь въ семьѣ Мореновыхъ сдѣлался адъ. Въ первые дни Марья не выходила изъ синяковъ, и Агафья точно радовалась, что сыпъ учитъ сноху безъ

Digitized by Google

устали, не то, что безпутный Адамка. Дѣло выходило „изъ-за мѣсяцевъ“, т.-е. дѣвочка Марьи родилась раньше срока, который полагался послѣ побывки мужа. Въ сущности, Марья рѣшительно не въ чемъ не была виновна, потому что ребенокъ родился раньше двумя мѣсяцами отъ непосильной работы загнанной снохи. Сорвавъ сердце, Николай все-таки опомнился. Въ немъ проснулся хозяйственный мужикъ съ одной стороны, а съ другой—дошли слухи, что на службѣ въ Ригѣ онъ прижилъ съ какой-то нѣмецкой горничной двоихъ дѣтей. Этотъ поворотъ въ поведеніи Николая отразился прежде всего на Адамѣ, на которомъ Николай сосредоточилъ теперь все свое вниманіе.

— Уйду въ городъ и поступлю въ швейцары,—говорилъ Николай матери. —Что я буду на чужіе-то рты работать... Даже совсѣмъ это напрасно.

Агафья отлично понимала, куда гнулъ солдатъ, но отмалчивалась. Ей не хотѣлось выдѣлять Адама, чтобы не нарушать дома. Адамка хоть и безпутный, а господа его любили больше другихъ, и онъ со станціи „пустякомъ“ не возвращался. Евсей, тотъ поѣдетъ да съ тѣмъ же и пріѣдетъ домой, да еще наклюкается съ досады.

Изъ затрудненія вывелъ всѣхъ самъ Адамъ, который съ необычной рѣшительностью заявилъ непремѣнное желаніе выдѣлиться изъ семьи.

Digitized by Google

Настойчивость Адама поразила всѣхъ, особенно Агафью, которая приписала все сейчасъ же Дарьѣ.

— Дура-дурой, а тутъ умѣла научить своего-то дурака,—ругалась она.—Туда же, дѣлиться удумали.

— Я его выдѣлю: дамъ по шеѣ—вотъ и весь выдѣлъ,—ругался Евсей въ свою очередь.

Но Дарья тутъ была не причемъ. Она, конечно, была рада такому выдѣлу, но не смѣла даже мечтать о такомъ счастьѣ. Дѣло въ томъ, что Адамъ очень привязался къ своей дѣвочкѣ и не могъ выносить издѣвательства надъ ней матери.

— Проживаемъ какъ-нибудь,—сказалъ онъ женѣ.—Другіе живутъ, и мы проживемъ.

Ссоры, перекоры и ругань продолжались недѣли двѣ, но Адамъ продолжалъ твердо стоять на своемъ. Ему много помогъ солдатъ Николай, который съ мужицкой политичностью совсѣмъ не вмѣшивался въ дѣло и отмалчивался.

— Такой хитрущій солдатъ,—сообразила только теперь Агафья, начинавшая жалѣть Адама, съ которымъ изъ семьи уходила безотвѣтная рабочая сила.—Ловокъ песъ... Съ этого не много возьмешь, какъ съ камня лыка драть.

Оставалась надежда на дѣдушку Андроныча, но и тотъ наотрѣзъ отказался судить дѣло.

— Не понимаю я ничего .. Старъ сталъ.

Какія были настоящія мысли у старика, Агафья

Digitized by Google

такъ и не могла добиться. И впрямь старъ сталъ.

Большую поддержку Адамъ встрѣтилъ совершенно неожиданно у Анны Ивановны, которая стороной узнала объ его замыслахъ.

— Что же, дѣло хорошее,—одобряла она.— Пока переѣдете къ Матренѣ и поживете тамъ. А потомъ и устроитесь...

— Какъ не устроиться, барыня,—соглашался Адамъ.—Другіе живутъ, не умираютъ.

— Избушку можно поправить, отецъ дастъ лошадь, получишь свою землю.

— Ужъ это извѣстно... какъ у протчіихъ народовъ.

— Дарья-то согласна?

— Да ужъ это обнаковенно... Бабѣ, какъ кошкѣ, первое дѣло—свой уголъ.

Баринъ Чадовъ тоже одобрилъ намѣреніе Адама зажить своимъ домомъ.

— А все изъ-за вашей милости, Палъ Игнатинъ, — заявлялъ Адамъ, ухмыляясь. — Вотъ сколько натерпѣлся... Кабы не ваша вступка, такъ другое бы было, совершенно наоборотъ.

— Что же, самъ будешь благодарить послѣ Пора и своимъ умомъ жить, Адамъ.

Противъ обыкновенія, Чадовъ говорилъ совершенно серьезно и даже былъ доволенъ, что устроилъ въ жизни хоть одно доброе дѣло.

Раздѣлъ крестьянской семьи всегда является тяжелымъ и мучительнымъ, несмотря на самыя

Digitized by Google

лучшія отношенія. На сцену выступаютъ самые непріятные разсчеты и эгоистическія соображенія. При выдѣлѣ Адама мать Агафья проявляла какое-то неистовство, точно ее грабили. Ей всего было жаль, и она отстаивала каждую пустяковину съ яростью. Добро наживалось годами, а уходило однимъ днемъ. Евсей отнесся къ дѣлу гораздо проще и добродушнѣе, вспоминая, вѣроятно, собственный выдѣлъ изъ отцовскаго дома. Дѣдушка Андронычъ не вступался совсѣмъ и только повторялъ:

— По-божецки надо ладить, по-божецки. Съ собой ничего не возьмемъ.

Въ концѣ концовъ, когда раздѣлъ состоялся, семья разсталась почти по-хорошему, за исключеніемъ того, что Агафья ни за что не согласилась вернуть двадцать пять рублей, которые подарилъ на свадьбу Чадовъ. Въ это дѣло ввязалась Матрена, и старухи сильно повздорили на прощаньи.

— Подавитесь вы нашимъ четвертнымъ билетомъ!—ругалась Матрена, теперь уже нисколько не боявшаяся богатой родни.—Тоже, надѣлили сынка... Лошадь дали одра, сбруишка рваная, телѣжонка непутящая и все такъ, а еще называются богатыми.

Расходившуюся старуху Дарья едва уговорила. Она была рада вырваться изъ мужниной семьи въ одной рубахѣ, только бы сдѣлаться самостоятельной хозяйкой, какъ другія настоя-

Digitized by Google

щія бабы, которыя живутъ своимъ домомъ.

Первые дни обзаведенья у себя дома были омрачены для Адама тѣмъ, что у Матрены въ сущности не было никакого хозяйства, и приходилось обзаводиться за-ново. Выросшему въ достаточной семьѣ Адаму это показалось особенно горько. Чего ни хватись—ничего нѣтъ. Онъ, конечно, не показывалъ вида, что огорченъ и крѣпился. А всего больше огорчала его развалившаяся на всѣ четыре угла изба. Онъ долго ходилъ кругомъ нея, осматривалъ каждое бревно и только качалъ головой. Службъ совсѣмъ не было. Матрена сожгла все, разбирая по бревнышку. Гдѣ вдовѣ взять дровъ и на комъ ихъ вывезти изъ лѣсу? И взыскивать не съ кого.

— Ничего, какъ-нибудь, — утѣшалъ Адамъ жену, которая волновалась не меньше его.— Другіе живутъ... Зимой уже вывезу бревенъ сотню, срубъ поставлю. Печь есть, окна, двери, полы... По-маленьку, годика въ два, все и оборудуемъ.

Но главное зло было впереди, а о немъ никто и не подумалъ. Это былъ маленькій Петрунька, который встрѣтилъ зятя волченкомъ. Мальчикъ ревниво слѣдилъ за каждымъ шагомъ зятя и молча злился. А тутъ еще деревенскіе ребята проходу не даютъ.

— Петька, богатаго зятя вы въ чаю выхлебали... Онъ вамъ обѣдню будетъ служить, богомолецъ!... А ты будешь дьячкомъ пѣть!...

Digitized by Google

Петька не разъ дрался съ обидчикамъ и возвращался домой темнѣе ночи. Потомъ мальчишки объяснили Петькѣ, что зять поправитъ избу, поставитъ новыя службы и выгонитъ его, Петьку, изъ дому. Эти мысли приходили въ голову Петьки и безъ чужихъ наговоровъ. Вотъ какъ богомолецъ обхаживаетъ кругомъ чужую избу. Радешенекъ, что въ чужой домъ забрался. Разъ мальчикъ не вытерпѣлъ и сказалъ Адаму, когда тотъ налаживалъ подъ окномъ какую-то подпорку.

— Чему обрадовался-то, богомолецъ?

— Ахъ, ты ..—обругалъ его Адамъ.—Не видишь, что ли, что окно изъ пазовъ вылѣзаетъ? Надо его поправить... Не велика радость.

Петька только засмѣялся. Адамъ отлично понялъ все, чего не досказалъ будущій хозяинъ, и у него опустились руки.

Осенью, когда господа собрались переѣзжать съ дачъ, Адамъ пришелъ на дачу Чадова и долго сидѣлъ на кухнѣ у Маланьи.

— Ну, что, Адамушка, обзаводитесь помаленьку?—участливо спрашивала Маланья, принимавшая живое участіе въ судьбѣ налаживавшейся новой семьи.

— Ничего, помаленьку,— уклончиво отвѣтилъ Адамъ.

— Тебѣ, можетъ, барыню надо повидать?

— Нѣтъ, мнѣ бы барину одно словечко сказать.

Баринъ былъ дома и позвалъ Адама на террасу, гдѣ пилъ послѣ завтрака кофе.

Digitized by Google

— Ну, что скажешь, Адамъ?

Адамъ отвѣтилъ не вдругъ, а молча помялся и долго вертѣлъ въ рукахъ рваную шапченку.

— То-есть никакихъ силовъ нѣтъ, Палъ Игнатичъ,—проговорилъ онъ наконецъ, точно вытягивая изъ себя слова, какъ бабы поднимаютъ изъ колодца воду ведрами.—Въ пустое мѣсто работаю.

Далѣе слѣдовалъ разсказъ о Петькѣ, который сторожитъ каждый его шагъ.

— Я то все устрою, а хозяиномъ будетъ Петька,—закончилъ свой разсказъ Адамъ.—Домъ-то все-таки его, какъ я ни старайся. Мальчонко правильно все понимаетъ... Отъ родительскаго дому я отшибся, а къ чужому не пристать. Вотъ какое дѣло выходитъ, Палъ Игнатичъ... Укомплектовали вы меня вполнѣ, можно сказать. Ваша работа.

— Я?—возмутился Чадовъ.—Ахъ, ты, негодяй, негодяй...

— Правильныя слова говорю, Палъ Игнатичъ.

Чадовъ готовъ былъ вспылить, но почему-то удержался. На него импонирующимъ образомъ подѣйствовалъ главнымъ образомъ тонъ, какимъ говорилъ Адамъ.

— Да, дѣло твое не того,—отвѣтилъ Чадовъ.—Да, случается... гм... Надо будетъ подумать.

— А потомъ еще, Палъ Игнатичъ, по де-

Digitized by Google

ревнѣ мнѣ проходу не даютъ: богомолецъ, богомолецъ... Въ другой разъ и обидно

— Ну, тутъ ужъ я рѣшительно не причемъ... А о тебѣ подумаю, за милую душу.

XIII.

Передъ самымъ отъѣздомъ съ дачи, Чадовъ послалъ за Адамомъ.

— Стрѣлять умѣешь?—спросилъ онъ, когда Адамъ по своей привычкѣ переминался съ ноги на ногу и глядѣлъ исподлобья.

— Не случалось, Палъ Игнатовичъ. Я и ружья боюсь.

— Ты глупъ, Адамъ.

— Это ужъ какъ вамъ угодно, Палъ Игнатичъ. Для васъ готовъ стараться завсегда.

— Ну, это все равно Да... Дѣло въ томъ, что мы арендовали подъ Сиверской охотничью дачу... Да... И ты будешь егеремъ. Понимаешь? Будешь караулить дичь, будешь устраивать облавы, натаскивать собакъ... Однимъ словомъ, дѣла найдется, за милую душу. Согласенъ

— Какъ вамъ будетъ угодно, Палъ Игнатичъ.

— Ну, и отлично.. Не одинъ будешь служить и присмотришься къ дѣлу. У насъ четыре егеря, ты будешь пятымъ. Можетъ быть, лучше настоящаго егеря окажешься.

— Ужъ постараюсь, Палъ Игнатичъ. Въ деревнѣ-то у себя мнѣ окончательно не у чего жить... А какъ-же съ Дарьей быть?

Digitized by Google

— Пока въ деревнѣ останется, а какъ самъ устроишься, тогда и выписать ее можешь. Намъ и баба нужна... Другіе егеря всѣ холостые.

Адамъ только встряхнулъ волосами. Ему было жаль оставлять въ Вихрахъ жену одну. Положимъ, мужняя жена, а все-таки и обидѣть могутъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Чадовъ тутъ же написалъ записку къ главному егерю Софрону Маркычу и сказалъ на прощаньи:

— Онъ уже знаетъ, что съ тобой дѣлать. За милую душу устроимъ.

Дома Адамъ ничего не сказалъ даже женѣ, а сказалъ только, что Павелъ Игнатичъ послалъ его на Сиверскую. Дарья, съ тактомъ любящей жены, не стала допытываться, куда и зачѣмъ вышла засылка.

До Сиверской было рукой подать, всего двѣ станціи. Раньше Адаму случалось проѣзжать только мимо, а теперь онъ долженъ былъ выйти здѣсь. Станція очень понравилось Адаму. Кругомъ по деревнямъ и дачамъ господъ лѣтомъ жило видимо-невидимо, и на станціи однихъ извозчиковъ околачивалось близко сотни. Всѣмъ работы хватало. Конечно, сейчасъ, когда господа разъѣхались, станція замерла. Отъ Сиверской Адамъ нанялъ подводу въ охотничій домъ, до котораго считали верстъ двадцать. Дорога шла по шоссе и дѣлалась все глуше и глуше. Охотничій домъ стоялъ въ лѣсу, на берегу рѣчки. Софронъ Поликарпычъ, солидный сѣдой старикъ въ

Digitized by Google

охотничьей сѣрой курткѣ и ботфортахъ встрѣтилъ Адама довольно сурово.

— Это ищо какого сахара Палъ Игнатичъ прислалъ? Тебѣ съ кнутомъ ѣздить, а не на охоту ходить.

Другіе егеря отнеслись къ Адаму тоже недружелюбно. Одинъ егерь, походившій на цыгана, проговорилъ:

— У насъ не богадѣльня, чтобы всякаго кормиться посылать. У насъ достаточно господъ, окромя Павла Игнатича, а ежели каждый будетъ посылать своего егеря, такъ цѣлый монастырь выйдетъ.

Этого сердитаго егеря звали Маркычемъ. Сизый носъ обличалъ его пристрастіе къ выпивкѣ. Онъ славился, какъ лучшій дресировщикъ собакъ и какъ отчаянный смѣльчакъ, ходившій на медвѣдя съ рогатиной одинъ на одинъ. Остальные егеря были такъ себѣ, съ бору да съ сосенки. Всѣ жили въ одной избѣ, и только для Софрона Поликарпыча была отгорожена отдѣльная коморка. Пріѣзжавшіе на охоту господа помѣщались въ избѣ рядомъ, гдѣ были устроены три чистыхъ комнаты. Адамъ про себя рѣшилъ, что въ общей егерской ему съ Дарьей мѣста нѣтъ, а если бы Павелъ Игнатичъ упомѣстилъ его въ господской половинѣ,—дѣло вышло бы въ самый разъ. И егерямъ бы лучше было. Дарья стала бы готовить на всѣхъ, починивала

Digitized by Google

одежу и стирала. Однимъ словомъ, безъ бабы и егерямъ невозможно.

Первые три дня Адамъ чувствовалъ себя чужимъ человѣкомъ въ этой новой обстановкѣ и очень стѣснялся ѣсть хлѣбъ даромъ. Софронъ Поликарпычъ сурово отмалчивался и не давалъ ему никакой работы. У егерей была своя лошадь, и Адамъ очень былъ бы радъ ходить за ней, но Маркычъ не позволялъ и близко подходить къ ней.

— Какъ разъ изведешь живота,—ворчалъ онъ.

Насколько нѣжно Маркычъ относился къ лошади, настолько же былъ свирѣпъ съ собаками-учениками. Адамъ просто не могъ видѣть этой собачьей науки. Особенно было ему жаль одного ирландскаго сеттера, который начиналъ дрожать при одномъ взглядѣ Маркыча. Кормили собакъ плохо, и они смотрѣли на всѣхъ голодными глазами, а по ночамъ выли съ голода.

Сошелся Адамъ раньше другихъ съ Маркычемъ, который таинственно исчезалъ куда-то дня на два и вернулся съ хмѣльною головною болью. Адамъ ему далъ двадцать копеекъ на опохмѣлье и точно купилъ его навсегда. Маркычъ сразу сдѣлался точно другимъ человѣкомъ и сообщилъ по секрету, что всѣ остальные егеря подлецы и воры, а всѣхъ хуже Софронъ Поликарпычъ.

— Ужо, все узнаешь,—говорилъ онъ, под-

Digitized by Google

мигивая.—Около богатыхъ господъ живемъ, а у хлѣба не безъ крохъ... Правдой вѣкъ не проживешь.

Было, вообще, что-то недосказанное, и Адамъ чувствовалъ, что всѣ его какъ будто опасаются и при немъ чего-то не договариваютъ. Войдетъ Адамъ въ избу, и всѣ замолчатъ, что его обижало.

Положеніе Адама сразу улучшилось, когда черезъ недѣлю пріѣхалъ Чадовъ съ „адамовой головой" на гусиный перелетъ. Адамъ въ первый разъ пошелъ на барскую охоту и цѣлый день таскалъ охотничью сумку и ружье. Чадовъ задыхался на ходу, охалъ и часто садился отдыхать.

— Охъ, смерть моя...—повторялъ онъ, хватаясь за грудь.

„Адамова голова" былъ легокъ на ногу и вышагивалъ по болоту, какъ журавль. Охота выдалась удачная,—Чадовъ убилъ трехъ гусей, а „адамова голова" промазалъ. Послѣднее привело Чадова въ какой-то дѣтскій восторгъ, и онъ хохоталъ своимъ тоненькимъ голоскомъ до слезъ.

— Ну, что, Аркашка, твои гуси полетѣли умирать?—повторялъ онъ.—Охъ, смерть моя!...

Адамъ по своему былъ радъ за удачу Павла Игнатьича и тоже улыбался, пока „адамова голова" не накинулся на него.

— А ты чему обрадовался, чучело гороховое?

— Я ничего, Аркадій Иванычъ.

— Молчать, болванъ!

Эта сцена довела веселье Чадова до зенита,

Digitized by Google

и онъ, растянувшись на травѣ, только махалъ короткою пухлою ручкой.

— Охъ, уморили!... Охъ, смерть моя!... Аркаша, другъ, довольно! Умираю.

Лицо Чадова надулось какой-то параличною синевой, такъ, что Адамъ испугался за него. Вотъ-вотъ барина кондрашка хватитъ, долго ли до грѣха... Человѣкъ рыхлый, закормленный, духъ въ немъ короткій—сразу конецъ.

Вечеромъ господа долго сидѣли за самоваромъ и хвастались по части охоты. Тутъ ужъ очень первенствовалъ „адамова голова", разсказывавшій самые удивительные случаи изъ своей охотничьей практики. Адамъ стоялъ у двери и старался не смѣяться. Онъ въ первый разъ видѣлъ, какъ настоящіе господа ѣдятъ и пьютъ. У Чадова былъ дорожный погребокъ со всевозможными консервами. Адаму въ первый разъ пришлось откупоривать жестянки съ омарами, шпротами, сардинками и т. д. Изъ любопытства онъ нюхалъ изъ каждой коробки и въ первое время подумалъ, что вся барская ѣда испорчена. А когда дѣло дошло до разныхъ мудреныхъ сыровъ, Адамъ окончательно потерялся. Каждый сыръ такъ вонялъ, что съ души воротило А тутъ еще „адамова голова" началъ приставать. Чадовъ быстро захмѣлѣлъ и только хихикалъ, а „адамова голова" пилъ рѣшительно безъ всякихъ послѣдствій,—хлопаетъ рюмка за рюмкой, и ни въ одномъ глазу.

— Ну-ка, идолъ, подходи,—приглашалъ онъ

Digitized by Google

Адама, наливая серебряный стаканчикъ джиномъ.—Вотъ тебѣ за твои труды.

Господская водка обожгла Адаму горло, и онъ закашлялся до слезъ.

— А вотъ тебѣ закуска,—предлагалъ „адамова голова", дѣлая тартинку изъ лимбургскаго сыра.

Адамъ попробовалъ взять въ ротъ господскую закуску, но сейчасъ же выбѣжалъ изъ избы и долго плевался, вытирая ротъ полой своего пальтишка. Ему было обидно, что долговязый чортъ въ глаза смѣется надъ нимъ, а съ другой стороны ему не хотѣлось обижать хохотавшаго Павла Игнатьича, и Адамъ отплевывался уже въ угоду ему.

— Хочешь еще? — предлагалъ „адамова голова".

— Нѣтъ, ужъ увольте, Аркадій Иванычъ...— взмолился Адамъ, теперь уже отъ чистаго сердца.—Съ души претъ...

Господа долго потѣшались надъ Адамомъ, заставляя его ѣсть омары, сыръ рокфоръ и разныя другія вонючія закуски А когда дѣло дошло до устрицъ, Адамъ отказался наотрѣзъ.

— Да ты попробуй, идолъ, — уговаривалъ „адамова голова".—Что это по твоему?

— По-нашему, баринъ, это ваше кушанье на манеръ лягушки. Даже похуже лягушки будетъ.

— Да онъ комикъ,—рѣшилъ „адамова голова".—Ей Богу, комикъ... Посмотри, Павелъ, какая у него рожа. Прямо на сцену... И улы-

Digitized by Google

бается углами рта—настоящій комикъ. Ротъ у него, какъ у огорченнаго налима. Ну, Адамъ, разскажи, какъ вышло у тебя дѣло съ Дарьей ..

— Да, вѣдь, вы, баринъ, знаете все...

— А ты все таки разскажи... Что-жъ, дѣло житейское. Кто Богу не грѣшенъ...

Адамъ помялся, но второй стаканчикъ джина развязалъ ему языкъ. Онъ понялъ, что нужно господамъ, и разсказалъ исторію своей женитьбы въ смѣшномъ видѣ.

— Комикъ, рѣшительно комикъ!—восторгался „адамова голова". —У него талантъ .

— Просто негодяй. . мямлилъ Чадовъ, икая.— Всѣ егеря негодяи. Адамъ, вѣдь, ты—негодяй?...

— Какъ вамъ будетъ угодно, Палъ Игнатичъ...

Отъ выпитаго джина у Адама начала кружиться голова, и онъ, какъ сквозь сонъ, видѣлъ главнаго егеря Софрона Поликарпыча, который приносилъ какую то рыбу, потомъ егеря „цыгана", который ее жарилъ, заснувшаго за столомъ Павла Игнатьича, когда рыбу подали,— все точно вертѣлось въ головѣ Адама. Рыбу ѣлъ одинъ Аркадій Иванычъ, а ему прислуживалъ „цыганъ".

— Ты воръ, „цыганъ"?—спрашивалъ „адамова голова", подавая егерю стаканчикъ джину.

— Для васъ стараемся, Аркадій Иванычъ... Можно сказать, кожи своей не жалѣемъ.

Когда господа уѣзжали на другой день домой, „цыганъ" цѣловалъ руки у „адамовой головы",

Digitized by Google

что удивило Адама. Когда экипажъ съ господами скрылся изъ глазъ, „цыганъ“ съ ожесточеніемъ плюнулъ и проговорилъ:

— Всѣ этому подобные господа—сволочь...

XIV.

Особенное вниманіе, которое Чадовъ проявилъ по отношенію къ Адаму, для послѣдняго имѣло громадное значеніе. Главный егерь хотя и продолжалъ не замѣчать его, но это дѣлалось только для видимости, изъ политики. Подвыпивъ, „цыганъ“ ругалъ всѣхъ и особенно Софрона Поликарпыча.

— Вотъ я изъ него какъ-нибудь всѣ кишки выпущу,—повторялъ онъ.—Все хватаетъ всего ему мало.. У, идолъ!... Вотъ будетъ на облавахъ наживать... Усчитай его, попробуй. Тоже другіе господа на водку даютъ всѣмъ егерямъ, а онъ зацѣпитъ одинъ. Я его ужо произведу какъ-нибудь... Онъ меня будетъ помнить!

Въ трезвомъ видѣ „цыганъ“ отличался излишней угодливостью и смотрѣлъ въ глаза Софрону Поликарпычу, какъ дрессированная собака.

— Пропащій я человѣкъ, и больше ничего,— коротко объяснялъ онъ Адаму, мучаясь съ похмѣлья.—Развѣ это жизнь? Конечно, у меня есть жена, въ Питерѣ кухаркой служитъ... одежа у ней всякая, цѣлый сундукъ, потомъ деньжонки откладываетъ въ сберегательную кассу,

Digitized by Google

отъ господъ подарки имѣетъ... Конечно, дѣвченка у насъ есть, этакъ по восьмому году,—ну, она у тетки живетъ, которая, конечно, за сапожникомъ замужемъ. Я имъ посылаю свой промыселъ: то глухарька, то рыбки, то зайчика. Нельзя, долженъ воспитывать всю семью... Сапожникъ-то мнѣ пріятель, вмѣстѣ по трактирамъ ходимъ. Какъ пріѣду въ городъ, сейчасъ въ трактиръ. Машина играетъ, уваженіе тебѣ, закуска.

— Почему ты съ женой не живешь?—спрашивалъ Адамъ.

— Я-то?...

На этомъ пунктѣ „цыганъ" какъ-то терялся, начиналъ моргать, безпомощно разводилъ руками и несъ околесную. Оказывалось, что онъ очень любилъ свою жену, хотя и бивалъ подъ пьяную руку. Она и до женитьбы жила горничной у штатскаго генерала съ деревянной ногой. Ну, конечно, гдѣ же на людяхъ дѣвушкѣ соблюсти себя, а тутъ подъ носомъ камердинъ. Ну, конечно, вышелъ бабій грѣхъ, а все-таки Аграфена скопила цѣлыхъ триста рублей. Красивая была дѣвушка, и самъ генералъ припадалъ къ ней и дарилъ подарки. А потомъ, какъ Аграфена вышла замужъ, сейчасъ, напримѣръ, дите и сейчасъ, напримѣръ, Аграфена пошла на линію кормилки. Тутъ ужъ была лафа цѣлый годъ... Отъѣлась Аграфена на хозяйскихъ харчахъ, какъ холмогорская корова, мамошную одежу всю завели ей,—ну, а только черезъ полгода молоко потеряла.

Digitized by Google

— Моя была промашка, - каялся „цыганъ“.— Не надо было трогать Аграфену, хоша и жена... Ну, конечно, не утерпѣлъ, а она возьми да молоко и потеряй. Я тоже безъ мѣста шлялся... Ну, деньги, которыя накопила Аграфена, и розовые сарафаны, все къ чорту и пошло. Съ горя-то я началъ по трактирамъ шляться...

Подъ пьяную руку „цыганъ любилъ разсказывать о женѣ, а о дочери Устѣ, говорилъ со слезами на глазахъ.

— Ежели бы не теперешняя моя собачья служба, сейчасъ бы взялъ обѣихъ къ себѣ, и жену, и Устю. А всѣ господа—сволочь...

Эти разговоры о семьѣ сильно волновали Адама. Онъ каждый разъ уносился мыслью въ свои родные Вихры, и его сердце начинала сосать тяжелая тоска. Какъ-то перебивается безъ него Дарья, какъ Енафа... Адама такъ и тянуло къ родному пепелищу, лучше котораго, конечно, ничего на свѣтѣ не было. Надо бы было послать деньжонокъ домой, но жалованья впередъ никто не платитъ, и приходилось ждать. То ли дѣло въ Вихрахъ: свезъ того же Павла Игнатича на машину и получай три рубля. Да и сама по себѣ жизнь егеря представлялась Адаму совсѣмъ пустымъ и нестоющимъ дѣломъ. Ни назади, ни впереди, ни около—ничего нѣтъ. Но зиму нужно было проболтаться въ егеряхъ, а то, все равно, работы не найдешь. По ночамъ Адамъ долго не могъ заснуть, передумывая свою мужицкую думу,

Digitized by Google

и нѣсколько разъ приходилъ въ полное отчаяніе. У него являлась даже мысль бросить все и уйти въ Вихры голодать вмѣстѣ съ Дарьей. Но утромъ мысли въ головѣ Адама мѣнялись, какъ стрѣлки на часахъ. Живутъ же другіе егеря,—ну, и онъ будетъ жить, только бы перетащить какъ нибудь Дарью.

Верстахъ въ шести отъ охотничьяго дома пряталась въ болотѣ деревушка Горки, гдѣ былъ кабакъ, и куда егеря навѣдывались съ особеннымъ удовольствіемъ. „Цыганъ" за стаканъ водки ходилъ туда, чтобы принести бутылку. И самъ кабатчикъ Ѳомка навѣдывался въ гости къ егерямъ. Это былъ кривой и сгорбленный мужикъ, считавшій своей обязанностью въ качествѣ кабатчика щеголять въ кумачныхъ рубахахъ. У него были какія-то таинственныя дѣла съ Софрономъ Поликарпычемъ Они запирались въ каморкѣ и подолгу о чемъ то шептались.

— Два сапога-пара, объяснялъ „цыганъ" съ обычной злостью и начиналъ ругаться, хотя чего то и не договаривалъ

— Это у васъ что за птица проявилась?— спросилъ какъ-то Ѳомка, тыкая пальцемъ на Адама.

— Такъ, Палъ Игнатичъ приспособилъ...— брезгливо объяснялъ Сафронъ Поликарпычъ.— Хлѣба не знаетъ куда дѣвать.

— Да-да-а...—протянулъ Ѳомка, оглядывая Адама своимъ единственнымъ окомъ съ ногъ до головы.—Да, воопче...

Digitized by Google

Другіе егеря переглядывались и улыбались, а Адамъ чуствовалъ себя совершенно чужимъ.

Деревня Горки засѣла въ своемъ болотѣ, точно на зло своему названію. Всѣхъ дворовъ было около полусотни, половина русскихъ, половина чухонскихъ. Жили всѣ одинаково бѣдно и всѣ завидовали другимъ деревнямъ, гдѣ по лѣтамъ жили дачники. Въ Горкахъ никто не желалъ жить. Пріѣдутъ, посмотрятъ и уѣдутъ. Земли было мало да и та плохая—то болото, то камни. Горкинскіе мужики промышляли въ Питерѣ извозомъ, околачивались около господъ на Сиверской и, вообще, жили скверно. Адамъ былъ раза два здѣсь, и ему послѣ Вихровъ не понравилось. Какая это деревня, если разобрать,—какъ есть не у чего жить. Какъ жили горкинскіе мужики — являлось неразрѣшимой загадкой даже для нихъ самихъ. Одной изъ доходныхъ статей, между прочимъ, являлась охота, т.-е. облавы, когда требовались десятки загоньщиковъ, обкладчики на крупнаго звѣря и т. д. Въ Горкахъ были свои знаменитости по этой части, какъ чухонецъ Кулайне, соперничавшій въ храбрости съ „цыганомъ“.

Адамъ съ особеннымъ вниманіемъ присматривался къ Горкамъ, соображая, какъ бы ему упомѣстить здѣсь Дарью. Шесть верстъ не велики, въ недѣлю раза два можно сходить въ гости къ женѣ Адамъ прицѣнился къ квартирамъ, и дѣло выходило подходящее. Рубля за

Digitized by Google

два въ мѣсяцъ отдавалъ заднюю избу медвѣжатникъ Кулайне. У кабатчика Ѳомки тоже можно было снять на дворѣ избенку.

— Все равно, такъ пустуетъ,—объяснялъ онъ.—А тебѣ бы въ самый разъ. Скушно безъ жены, хоть и считаешься егерь... Д-да.

Ѳомка продолжалъ присматриваться къ Адаму и имѣлъ такой видъ, что все хочетъ что-то сказать и не рѣшается. Между прочимъ, черезъ Ѳомку пришла и вихровская кличка Адама „богомолецъ". Ѳомка часто ѣздилъ на станцію и тамъ встрѣчалъ вихровскихъ мужиковъ, отъ которыхъ и вызналъ все. Всѣ егеря хохотали надъ Адамомъ до слезъ, особенно Софронъ Поликарпычъ, на время утратившій свою солидность.

— Такъ вотъ ты какой, Адамъ?...—повторялъ онъ.—Тебѣ бы въ самый разъ въ монастырь идти, а не по нашей волчьей части.

— И вамъ это самое дѣло не вредно,—подзуживалъ Ѳомка.—Всѣ ваши грѣхи Адамъ отмолитъ. Ему это за обычай...

Разъ Ѳомка встрѣтилъ Адама на дорогѣ, и они пошли вмѣстѣ. Адаму эта встрѣча была непріятна, потому что Ѳомка постоянно смѣялся надъ нимъ.

— Ну, что, голубь, каково поживаешь?—покровительственно спрашивалъ Ѳомка.—Сколько жалованья то получаешь?

— А не знаю... Какъ Палъ Игнатичъ обозначитъ.

— Однимъ словомъ, все твое жалованье бу-

Digitized by Google

детъ четыре недѣли въ мѣсяцъ, пятую—спать... На пятнадцать-то рублей не далеко ускочишь.

— Другіе живутъ...

Ѳомка ухмыльнулся и замѣтилъ:

— Какія это деньги, Адамъ... Прежде пятнадцать рублей, дѣйствительно, были деньгами, а теперь—наплевать, и только. Вотъ и вся музыка... Другіе то, дѣйствительно, живутъ, только не на свое жалованье.

Адамъ ничего не понималъ.

Эхъ- ты ..—обругался Ѳомка.—Ничего, какъ есть, не понимаешь!... Не бойсь, всѣ помалкиваютъ. Народъ прахтикованный... Тотъ же „цыганъ" съ тобой дружитъ, а хлѣбцомъ вмѣстѣ—табачкомъ врозь.. Хе, хе... Жаль мнѣ тебя, потому какъ ужъ очень ты простъ. Другіе... они, не бойсь, знаютъ свою линію въ лучшемъ видѣ... Что-то я притомился, присядимъ малость перевести духъ.

Они присѣли около дороги. Ѳомка досталъ папиросы и угостилъ ими Адама. Ѳомка нѣсколько разъ вздохнулъ и все присматривался къ Адаму. Потомъ онъ засмѣялся и, хлопнувъ Адама по плечу, проговорилъ:

— Ты на меня не сердись, Адамушка, а ты того... не то, чтобы совсѣмъ дуракъ, а около этого самаго. Егеря-то вотъ какъ ловко подъ тебя тѣнь наводятъ... хе, хе!... А сами боятся... Знаетъ кошка, чье сало съѣла. Понялъ?

Адамъ продолжалъ ничего не понимать. Ѳомка

Digitized by Google

всталъ на колѣни и, откладывая палецъ за пальцемъ, принялся перечислять, сколько господа арендуютъ кругомъ земли подъ охоту.

— Всю округу господа захватили,—продолжалъ Ѳомка, уставъ считать —Для собственнаго удовольствія ничего не жалѣютъ... да. А гдѣ же наше, мужицкое? Не понимаешь? Хе, хе... Очень даже просто: въ недѣлю то я сколько переправлю дичи въ городъ. Лѣтомъ по дачамъ ее продаю... Понялъ?

— Теперь понялъ!

— На егеря-то никто не подумаетъ насчетъ такихъ дѣловъ. Да и дичинѣ это самое не душевредно.. Ей-Богу! Ежели бы ее развелось видимо-невидимо, такъ она другъ дружку бы ѣсть стала. Много ли господа перестрѣляютъ, а остальную все равно волки да лисы передушатъ Такъ я говорю? А рябчикъ-то въ Питерѣ на Сѣнной стоитъ гривенъ восемь, а сѣрая куропатка и весь рубль цалковый. Тоже утку возьми, глухаря, тетеревовъ, куликовъ разныхъ, которыхъ господа особенно обожаютъ,— и не сосчитаешь всего добра. А ты поставилъ тутъ силочикъ, въ другомъ мѣстѣ силочикъ, десятка два силочковъ— рубликовъ на пять и заработаешь въ одну недѣлю. Понялъ?

— А ежели поймаютъ?

— Ну, вотъ и вышелъ круглый дуракъ!...— возмутился Ѳомка. — Кто поймаетъ-то? Самъ себя будешь ловить? А у другихъ егерей у са-

Digitized by Google

михъ рыльце въ пушку... Одно ремесло-то у всѣхъ. Да... Напримѣрно, у тебя жена—должонъ ты ее воспитывать, али нѣтъ? А птичка Богомъ на потребу человѣку создана, такъ и въ Писаніи сказано. Однимъ словомъ, плодитесь и размножайтесь. Утокъ-то налетитъ къ вамъ на дачу не одна тыща, господа перестрѣляютъ сотни двѣ, а другія осенью и улетятъ домой. Ну, чего ихъ жалѣть? Не ты, такъ другой убьетъ. У волка въ зубѣ – Егорій далъ, такая и поговорка.

Адамъ нерѣшительно улыбался и крутилъ головой. А Ѳомка не унимался и проговорилъ уже шепотомъ:

— Дичина—одно, а тутъ недалеко отъ насъ Ордежъ выбѣгаетъ... ключи, мѣсто быстрое, зимой не замерзаетъ... Ну, тамъ форель—рыба такая - прямо стадами ходитъ. Положимъ, мѣсто казенное, кругомъ сторожа съ ружьями, а и тутъ у хлѣба не безъ крохъ... Ну, да объ этомъ послѣ. Твой-то „цыганъ"—ухъ!—ловокъ на это самое дѣло...

XV.

Въ Вихрахъ крестьяне много наживали около господъ, но чѣмъ ближе къ Питеру, тѣмъ нажива шла сильнѣе, пока дѣло не доходило до того, что мужики начинали жить однимъ бариномъ. Свое крестьянское хозяйство распуска-

Digitized by Google

лось, и вся жизнь сводилась только на то, чтобъ околпачить хорошаго, покладистаго барина, какъ Чадовъ. Адамъ быстро пошелъ именно по этой дорожкѣ и скоро освоился со всѣми способами и пріемами такого околпачиванья. „Правдой вѣкъ не проживешь“, „не я, такъ другой сорветъ“, „господская копеечка дикая“, „у хлѣба не безъ крохъ“,—это былъ цѣлый рядъ оправданій, причемъ и воровство теряло значеніе воровства, а принимало форму дѣйствія, въ юридическомъ смыслѣ безразличнаго.

— Все отъ господъ,—объяснялъ „цыганъ“.— Первые то воры господа и есть... Откуда у нихъ деньги? Ежели не самъ укралъ, такъ наворовано было родителемъ или дѣдушкой... Музыка извѣстная. Наглядѣлся я на господъ вполнѣ достаточно, когда еще въ доѣзжачихъ служилъ. У насъ въ Тамбовской губерніи баринъ настоящій природный, не то что здѣшніе господа— все какіе-то нѣмцы да анжинеры. Такъ, съ бору да съ сосенки, а названіе—господа.

За глаза всѣ перебивавшіеся около господъ считали своимъ долгомъ бранить ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ, точно этимъ выкупали свое мужицкое униженье, подлаживанье и всяческое „подражаніе подъ господъ“. Вѣроятно, на этомъ основаніи и воровство не считалось порокомъ, а чѣмъ-то вродѣ спорта, кто чище подведетъ и обманетъ барина.

Адамъ скоро понялъ, въ чемъ дѣло, и пошелъ

Digitized by Google

уже по торной дорожкѣ и даже превзошелъ по части браконьерства другихъ егерей, такъ что Ѳомка только похваливалъ его.

— Изъ тебя будетъ толкъ, Адамка,—хвалилъ кабатчикъ.—Старайся, человѣкомъ будешь...

Первыя деньги, полученныя за воровски убитую дичь, Адамъ переслалъ Дарьѣ и былъ глубоко счастливъ. Въ мѣсяцъ-то можно было и всѣ тридцать рублей заработать. Всѣ егеря работали втихомолку, скрывая другъ отъ друга свои плутни. Адамъ быстро наловчился въ новомъ промыслѣ и утѣшалъ себя только тѣмъ, что, все равно, если онъ не украдетъ, то украдутъ другіе, да и птички Божіи, никто ихъ не считалъ. Одно только смущало Адама: другіе господа—наплевать, а когда пріѣзжалъ Чадовъ—ему дѣлалось совѣстно. Ужъ очень хорошій и душевный баринъ, особенно, когда пріѣзжалъ одинъ. Адамъ скоро „привѣсился" къ Павлу Игнатьичу и выучилъ всѣ его повадки. Если пріѣхалъ въ компаніи—одно, а пріѣхалъ одинъ—другое. Въ послѣднемъ случаѣ онъ бралъ всегда Адама. Закладывали лошадь въ охотничьи сани на высокихъ копыльяхъ и отправлялись стрѣлять съ подъѣзда тетеревовъ изъ винтовки. Но Адамъ зналъ, что барину тетерева не нужны, а только бы убить время. Для видимости поѣздятъ по тетеревинымъ мѣстамъ, убьетъ Чадовъ штукъ пять, а потомъ и скажетъ:

— Развѣ у огонька, Адамъ, посидимъ?

Digitized by Google

— Въ лучшемъ видѣ, Палъ Игнатичъ...

Посидѣть въ лѣсу у огонька для Чадова было высокимъ наслажденіемъ. Они выбирали гдѣ-нибудь громадную ель, Адамъ разгребалъ подъ ней снѣгъ и устраивалъ костеръ. Чадовъ присаживался къ огоньку и проводилъ цѣлые часы въ какомъ то полуоцѣпенѣломъ состояніи. Сидитъ, смотритъ на огонь и долго молчитъ. Обыкновенно разговорчивый въ компаніи. любившій пошутить и посмѣяться, здѣсь Чадовъ дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ, и Адаму часто казалось, что баринъ какъ будто немного тронулся умомъ. Сидитъ, сидитъ у огня и вдругъ спроситъ:

— А что, Адамъ, бываетъ тебѣ скучно?

— Даже очень скучно завсегда, Палъ Игнатичъ, какъ раздумаешься о Дарьѣ.

— Ну, Дарья это совсѣмъ другое, а такъ... вообще .. Просто, скучно .. и конецъ Все у тебя есть, все идетъ хорошо—и вкругъ тоска, тоска!... Случается съ тобой?

Адамъ затруднялся что-нибудь отвѣтить на такой вопросъ, потому что никогда не испытывалъ безпредметной тоски, а тутъ надо еще потрафить барину, угодить въ самую точку. Вѣрный рабъ переминался, чесалъ въ затылкѣ и начиналъ нести что-то безсвязное и ни съ чѣмъ не сообразное.

— У насъ въ Вихрахъ такой случай, Палъ Игнатичъ, случился съ одной бабой... да...

Digitized by Google

Вотъ такъ то: скушно да скушно Мужъ ее и колотилъ не одинъ разъ, и знахарка отчитывала... да... конскимъ потомъ одинъ ее старичокъ отпаивалъ, потому, какъ говорятъ, у ней, у этой самой бабы, бѣлый червь завелся и сосетъ .. Тоже вотъ на станціи съ однимъ столяромъ у насъ было . Водкой онъ ошибался... да .. Какъ закутитъ, такъ все и съ себя до нитки пропьетъ. . А хорошій былъ плотникъ.. Тоже вотъ тосковалъ..

Чадовъ совсѣмъ не слушалъ этихъ объясненій, а только слышалъ самый ритмъ словъ, и когда Адамъ умолкалъ, говорилъ:

— Ну, ну, чего остановился? Разсказывай что-нибудь

— Что разсказывать-то, Палъ Игнатичъ?

— А что хочешь, то и разсказывай.

Сначала Адамъ стѣснялся зря болтать, а потомъ привыкъ и разсказывалъ, что взбредется въ башку. Чадовъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на огонь, какъ пламя охватывало дрова, какъ густой дымъ набивался въ хвою ели, какъ таялъ и шипѣлъ около костра снѣгъ Впереди разстилалась какая-нибудь лѣсная поляна, засыпанная ровнымъ слоемъ снѣга Тихо и безжизненно кругомъ, точно все притаилось и замерло О жизни говорили только заячьи слѣды на снѣгу да шелуха отъ еловыхъ шишекъ, которая валилась съ елки, благодаря жившимъ въ ней бѣлкамъ. Тоска еще сильнѣе охватывала мудренаго городского барина, и ему хотѣлось плакать.

Digitized by Google

— Ахъ, какая тоска, Адамъ! . Такъ какъ плотникъ-то, ну, который пьянствовалъ.

— А въ водѣ его нашли, значетъ, утопился въ Лугѣ...

— Ну, тебя... Тоже и разскажешь А тебѣ не хотѣлось утопиться?

— Что вы, баринъ... Плотникъ-то и крестъ съ себя снялъ, какъ пошелъ топиться.

Когда Чадовъ пріѣзжалъ особенно скучный, Адамъ старался его развеселить и разсказывалъ что нибудь о мужикахъ, какъ они обманываютъ господъ. Чадовъ хохоталъ тоненькимъ голосомъ, хлопалъ себя коротенькой ручкой по колѣнкѣ и, захлебываясь, повторялъ:

— Ахъ, негодяй, Адамъ... да, негодяй!... Ну, а ты кого обманываешь?

Этотъ вопросъ сначало сильно смущалъ Адама, и ему казалось, что баринъ все знаетъ и только притворяется, что будто ничего не понимаетъ У Адама на совѣсти лежало много погубленныхъ имъ птичьихъ жизней.

— Я-то простъ, Палъ Игнатичъ,—объяснялъ онъ, оправившись.—Изъ за своей простоты вотъ сюда попалъ.

— А чѣмъ тебѣ худо здѣсь, негодяй?

— Худого нѣтъ, да и хорошаго тоже не много. Какой я есть правильный крестьянинъ, ежели у меня ни кола, ни двора, ни живота. Вотъ ежели бы сколотиться деньжонками, купить лошадку рублей за семьдесятъ, ну, лѣтній

Digitized by Google

экипажъ около того же, ну, и сталъ бы сразу человѣкомъ. Въ Вихрахъ то мнѣ не жить, потому кличка у меня тамъ, а вотъ на Сиверской можно бы оборотиться Въ мѣсяцъ-то на худой бы конецъ рублей сорокъ заработалъ... И даже очень просто. Годика бы три поработалъ, глядишь, избушку бы себѣ купилъ, потомъ приспособилъ бы дачку для господъ.

— И всего только нужно полтораста рублей?

— Даже заглаза довольно... Дарья бы ягоды продавала, грибы, ну, по стиркамъ ходила. Она вполнѣ можетъ подражать подъ господъ. Господа-то еще не успѣли бы подумать, что имъ требуется, а моя Дарья ужъ тутъ. Пожалуйте... Смышлястая баба, однимъ словомъ...

— А ты ее любишь?

Этотъ вопросъ всегда смущалъ Адама. Ему казалось, что Павелъ Игнатьичъ смѣется надъ нимъ.

— Какъ же не любить, ежали родная жена.

— Такъ всего полтораста рублей?— повторялъ Чадовъ, забывая о Дарьѣ.—И на всю жизнь былъ бы счасливъ?

— Всякій человѣкъ, Палъ Игнатичъ, будетъ счастливъ.

Чадовъ долго смотрѣлъ на добродушное лицо Адама, и ему дѣлалось какъ-то немного совѣстно. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ предложить эти деньги Адаму, но все откладывалъ, какъ вообще откладываются добрыя дѣла.

Digitized by Google

— Адамъ, а ты хотѣлъ бы быть бариномъ?— спрашивалъ онъ.

Адамъ ухмылялся, чесалъ въ затылкѣ и ничего не могъ отвѣтить.

— Почему же ты завидуешь господамъ? Вѣдь баринъ не надѣнетъ на себя двѣ или три шубы, не съѣстъ двухъ обѣдовъ, не поѣдетъ въ двухъ экипажахъ?... Потомъ, у барина и настоящаго аппетита никогда не бываетъ, и настоящаго сна тоже. Вотъ я иногда смотрю на тебя и завидую... да, завидую. Если бы хоть одну ночь выспаться по настоящему, какъ ты спишь... Вѣдь ты незнаешь безсонныхъ ночей, Адамъ? Ахъ, какъ это ужасно. . И тоска, тоска, тоска!... Готовъ убѣжать отъ самого себя, еслибъ это было возможно.

По временамъ на Чадова нападала ничѣмъ не объяснимая болтливость, и онъ разсказывалъ откровенно про себя рѣшительно всю подноготную, начиная съ интимныхъ семейныхъ дѣлъ и кончая своей бывшей службой и настоящимъ положеніемъ.

— Если говорить правду, такъ я на Аннѣ Ивановнѣ женился подъ пьяную руку,—разсказывалъ Чадовъ, глядя на огонь.—Да, это было свинство... Она мнѣ совсѣмъ не нравилась. Я люблю бѣлокурыхъ, жирныхъ жинщинъ, у которыхъ на затылкѣ вьются золотые волосики. А моя Анна Ивановна всегда была какая-то костлявая и... не вкусная. Единственное, что

Digitized by Google

мнѣ въ ней нравилось, такъ это то, что когда она смѣялась, у нея такъ мило морщился носикъ. Ну, а потомъ я привыкъ къ ней, какъ привыкаешь къ своимъ туфлямъ или халату. Притомъ, у Анны Ивановны особенный характеръ... Она какъ-то умѣетъ покорить человѣка, окружить каждый его шагъ такими мелочами, изъ которыхъ не вырвешься. Иногда я ее обижалъ, но она умѣетъ прощать съ достоинствомъ, какъ умѣетъ отдаваться, тоже съ достоинствомъ. Въ этомъ весь секретъ непоколебимаго вліянія женщины на мужчину, когда приходится постоянно ее завоевывать. Теперь я ее ужасно люблю... Она для меня ни красива, ни бозобразна, ни молода, ни стара, а только человѣкъ. Вѣдь это самое главное... Что такое красивая женщина? О, сколько сотенъ прошло ихъ черезъ мои руки... Нѣмки, француженки, испанки, итальянки, англичанки, венгерки... А сколько денегъ на нихъ выброшено,—и не сосчитать. Но все это не то, не настоящее, а только одно свинство, о которомъ стыдно вспомнить. Была одна шведочка, такая бѣлокуренькая, глазки голубенькіе, какъ васильки, коса тяжелая... Да... Какъ она любила меня, какъ плакала .. Тогда я былъ молодъ... гм...—однимъ словомъ, ты меня не поймешь.

Чадовъ закрывалъ глаза и предавался воспоминаніямъ, точно его уносила волна. Адамъ сидѣлъ у огня напротивъ, изъ вѣжливости на корточкахъ. Онъ не рѣшался сѣсть въ присут-

Digitized by Google

ствіи барина на обрубокъ дерева или на полѣно.

— Адамъ, а ты боишься смерти?

— Чего ее бояться, Палъ Игнатичъ... Всѣ помремъ.

— А я боюсь, Адамъ... Вообще, скверно Былъ Палъ Игнатичъ и вдругъ—нѣтъ Палъ Игнатича. А для чего жилъ Палъ Игнатичъ, по-твоему? Ѣлъ, пилъ, наживалъ капиталъ... У меня тысячъ четыреста есть. Ну, и что же? У тебя ихъ нѣтъ, а умремъ одинаково, за милую душу.

— Съ собой не возьмете ничего, Палъ Игнатичъ, ужъ это дѣло извѣстное.

— Вотъ то-то и есть. Ахъ, тоска, тоска, тоска... А все думаешь, что все это только пока, а потомъ что-то такое будетъ, что-то новое, радостное, и счастливое, и что ты проживешь жизнь не даромъ. Да... А въ сущности получается одно свинство, и никому ты и не нуженъ, и никто о тебѣ не пожалѣетъ. .

XVI.

Мысль о женѣ не давала покоя Адаму. Домой въ Вихры ему не удавалось попасть, потому что стояло самое охотничье время и господа наѣзжали часто. Когда кончилась охота „по черноступу“, начались облавы. Особеннаго дѣла не было, а уйти нельзя.

— Что, братъ, видно самъ простъ да при-

Digitized by Google

вязанъ хвостъ,—подшучивалъ надъ Адамомъ черномазый „цыганъ“.—Такое ужъ наше охотницкое положеніе ..

Разъ только баринъ Чадовъ вызвалъ Адама письмомъ въ городъ. Опять дѣла никакого не было, а просто со скуки барину захотѣлось поговорить объ охотѣ: сколько куропачьихъ выводковъ, сколько тетеревиныхъ, не видать ли лисьихъ слѣдовъ и т. д. Къ удивленію Адама, Анна Ивановна отнеслась къ нему почти враждебно и даже не дала поѣсть, хотя Адамъ просидѣлъ въ кухнѣ нѣсколько часовъ и видѣлъ, сколько всякаго добра варилось, пеклось и жарилось. Хорошо, что кухарка Маланья удобрилась и сунула ему потихоньку остатки какого-то вчерашняго пирога.

— Поди, скушно безъ жены-то, Адамка?— участливо спросила она.

— Вотъ какъ скушно, Маланья... Кажется, все брошу и уйду домой.

— Идти-то тебѣ, горюнъ, не къ чему. Домъ-то у тебя, какъ разбитый горшокъ... Надо обзаводиться новымъ. Ужо, около господъ, сколотишься деньжонками.

Чадовъ разговаривалъ съ Адамомъ у себя въ кабинетѣ, лежа на диванѣ. Адамъ стоялъ у двери, повертывая въ рукахъ шапку, которая точно помогала ему говорить.

— Ну, такъ какъ, Адамъ...— тянулъ Чадовъ, не зная, что бы еще спросить.

Digitized by Google

— Какъ прикажете, Палъ Игнатичъ...

— А ты хорошо стрѣляешь, Адамъ?

— А не случалось... Главная причина — ружья нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у тебя нѣтъ ружья.

Чадовъ поднялся, снялъ со стѣны бельгійскую двустволку и, оглядываясь на дверь, проговорилъ:

— Это я тебѣ подарю... да... Только, чтобъ Анна Ивановна ничего не знала. Понимаешь? Учись пока стрѣлять .. Можетъ быть, на медвѣдя придется идти, а ты ружья въ руки не умѣешь взять. Ты боишься медвѣдя?

— А чего мнѣ его бояться, когда я его въ глаза не видалъ.

— Совершенно вѣрно. А ты медвѣдя прямо въ лобъ...

— Прямо въ лобъ, Палъ Игнатичъ...

— Ты нарисуй медвѣдя на стѣнѣ избы и жарь въ него пулей.

Чадовъ прочиталъ цѣлую лекцію, какъ нужно держать ружье, цѣлиться, спускать курокъ и заставилъ продѣлывать Адама разные охотничьи артикулы. причемъ Адамъ огорчалъ его каждый разъ, когда спускалъ курокъ, потому что зажмуривалъ глаза. Послѣднее раздражало Чадова, и онъ началъ кричать на Адама тонкимъ голосомъ.

— Какой ты охотникъ, Адамъ? Ты хуже бабы... Ну, еще разъ: разъ.. два... три!. .

Digitized by Google

Опять, негодяй, глаза зажмурилъ?!.. Ну, еще...

Анна Ивановна застала ихъ за этимъ скромнымъ занятіемъ и, остановившись въ дверяхъ, только покачала головой.

— Неужели вамъ не надоѣла эта дурацкая комедія?—сказала она строго мужу.

Но Чадовъ уже вошелъ въ ражъ и заговорилъ совсѣмъ тонкимъ бабьимъ голосомъ:

— Анюта, пойми: жму-ритъ глаза... а? Вотъ возьми ружье и попробуй...

— Этого еще не доставало, Павелъ Игнатьичъ... Довольно. Мнѣ противно со стороны смотрѣть и Адама жаль Испортится онъ окончательно на вашей охотѣ. Какой онъ сейчасъ человѣкъ?—ни мужикъ, ни баринъ, а такъ и будетъ болтаться цѣлый вѣкъ около ничего. Вѣдь такъ, Адамъ?

— Это вы правильно, Анна Ивановна...— заговорилъ Адамъ, набираясь смѣлости — Совсѣмъ даже и не человѣкъ... У настоящаго человѣка и земля, и скотина, и разное обзаведенье.

— Вѣдь не вѣкъ же ты будешь егеремъ, Адамъ?

Адамъ переминался съ ноги на ногу, вертя шапку.

— Я считаю всѣхъ егерей дармоѣдами,— быстро заговорила Анна Ивановна, начиная раздражаться.—Не работаютъ, живутъ подачками, подлаживаются къ господамъ... Фу, какая гадость!

Digitized by Google

— Я барыня, безпремѣнно лошадь куплю и буду на станцію господъ возить ..

— А гдѣ денегъ на лошадь возьмешь?

— Не знаю ..

Шапка Адама завертѣлась съ особенной быстротой, перегоняя его мысли.

— Что же, это хорошо, купить лошадь,— вступился Чадовъ.—Какъ ты думаешь, вѣдь я бы могъ тебѣ купить лошадь, Адамъ? И экипажъ, и сбрую... Ну, всего какихъ нибудь полтораста рублей

— Даже очень просто, Палъ Игнатичъ...Человѣкомъ бы сдѣлали на всю жисть.

— Я и самъ думалъ объ этомъ, Адамъ... Могу и не могу. Деньги для меня не велики, а какъ-то нехорошо. Ну, съ какой стати я тебѣ отвалю такой капиталъ! Никакого резона нѣтъ... Самъ же потомъ посмѣялся бы надо мной... „Вотъ, дескать, попался шалый баринъ, у котораго и деньги-то шалыя". Вѣдь подумалъ бы?

— Послушай, это уже истязаніе,—по-французски замѣтила Анна Ивановна и прибавила по-русски:—Ну, отправляйся, Адамъ, домой... Довольно глупостей.

Когда Адамъ выходилъ изъ кабинета, Чадовъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Главное—не жмурься, когда спускаешь курокъ. Это самое главное въ жизни...

Кухарка Маланья не утерпѣла и догнала Адама уже на лѣстницѣ.

Digitized by Google

— Это тебѣ баринъ ружье подарилъ? И барынѣ наказывалъ ничего не говорить? Вотъ-вотъ... Добрѣющій у насъ баринъ. А лошадь тебѣ не покупаетъ? Лучше бы лошадь вмѣсто ружья подарилъ.. Оно, вѣдь, на худой конецъ, рубликовъ пятьдесятъ дадено.

Кухарка Маланья, кажется, знала все на свѣтѣ, хотя и и не выходила изъ своей кухни. Адамъ стоялъ передъ ней съ ружьемъ въ рукахъ и не зналъ, что ему отвѣтить пробойной питерской кухаркѣ. Маланьѣ сдѣлалось его жаль и она заговорила:

— Ахъ, горюнъ, горюнъ... А хочешь научу, какъ добыть лошадь? Вѣрно тебѣ говорю...Хоша и баба кругомъ, а понимать могу вполнѣ. Ты-то вотъ сидишь у себя на кордонѣ, да мухъ ловишь, а другіе вотъ какъ стараются...

— Господскую дичь воруютъ? Знаемъ...

— Это само собой, у хлѣба не безъ крохъ. А вотъ вашъ кабатчикъ Ѳомка раза по два на недѣлѣ гоняетъ въ городъ и эту самую рыбу привозитъ, которую господа больше всего уважаютъ. Ну, какъ ее зовутъ-то?

— Ну, форель... Слыхали.

— То-то, слыхали. А твой Ѳомка разѣ самъ пойдетъ воровать рыбу? Нѣ-ѣтъ, не таковскій-чтобы спину подставлять... Ваши же егеря воруютъ да ему и сдаютъ, и всѣ таятся друга отъ дружки. Да... Я-то ужъ все поневолѣ должнъ

Digitized by Google

знать, потому какъ я варю для господъ эту рыбину. Другая рублей семь стоитъ...

— А ежели рыбные сторожа изъ ружей стрѣляютъ? А поймаютъ, сейчасъ къ мировому и на высидку...

— А ты не попадайся, миленькій. Рѣчка-то, сказываютъ, мелкая, а ночи бываютъ темныя— гдѣ тутъ поймать живого человѣка? Какъ наживешь лошадь, тогда и воровать не зачѣмъ будетъ, а не пойманъ—не воръ. Послушайся, Адамушка, моихъ-то бабьихъ словъ.

Адамъ былъ совершенно пораженъ. Бабьи слова попали въ самое больное мѣсто.

XVII.

Къ себѣ на кордонъ Адамъ вернулся въ такомъ веселомъ настроеніи, что строгій егерь Софронъ Поликарповичъ только покачалъ головой.

— Хлѣбнулъ въ городѣ, богомолецъ?—спросилъ онъ.

— Ни-ни, Софронъ Поликарповичъ,—оправдывался, ухмыляясь, Адамъ — Ни капельки... Вотъ баринъ ружье подарилъ. Ужъ такое ружье— прямо на медвѣдя...

Старшій егерь презрительно смѣрилъ Адама съ ногъ до головы и только проворчалъ сквозь зубы:

— Нечего сказать, похожъ на медвѣжатника

Digitized by Google

какъ свинья на пятиалтынный... У чадовскихъ-то денегъ давно глазъ нѣту.

Подарокъ Адама возбудилъ и зависть, и негодованіе всѣхъ егерей, причемъ всѣ считали своимъ долгомъ обругать его и хаяли на всѣ корки ружье.

— Онъ, Палъ-то Игнатичъ, только хотѣлъ посмѣяться надъ тобой: ружье на рябчиковъ, а онъ тебя на медвѣдя съ нимъ посылаетъ. На медвѣдя-то съ штуцеромъ ходятъ, значитъ, цволъ въ середкѣ нарѣзной, а у тебя цволы гладкіе, для дроби. Заряди ка пулей—сразу разорветъ, да еще тебѣ полскулы отхватитъ по пути.

Но всѣ эти шутки и ругань не производили на Адама никакого впечатлѣнія, потому что еще дорогой онъ сообразилъ, что ружье можно продать, по крайней мѣрѣ, рублей за двадцать. Вотъ тебѣ половина лошади и готова... Да, ружье—пустяки, а вотъ бабьи Маланьины слова-то главное. Сейчасъ для Адама совершенно все было ясно и все такъ просто. Ежели бы не Маланья, такъ и остался бы дуракомъ. Адамъ долго не могъ заснуть въ эту ночь и, лежа съ открытыми глазами, все улыбался. Онъ даже подсчиталъ, сколько рыбинъ надо будетъ ему поймать,—ну, этакъ штукъ съ пятьдесятъ. Вотъ тебѣ и вся лошадь. Да штукъ тридцать на экипажъ. Вихры стояли на томъ же Ордежѣ, и Адамъ сызмальства умѣлъ добывать рыбу и

Digitized by Google

удочкой, и на подольники, и мережкой. Конечно, мережкой всего лучше—съ вечера закинулъ, а утромъ получай.

— А егеришки какіе подлецы,—ругался про себя Адамъ, прислушиваясь, какъ храпѣлъ на полу «цыганъ».—Сами воруютъ, а мнѣ бы хоть одно словечко. .

По пути Адамъ припомнилъ, какъ кабатчикъ Ѳомка обхаживалъ его, а до настоящаго не договорился. Ходитъ кругомъ, да около .. Конечно, оно не совсѣмъ хорошо воровать господскую дичь и даже грѣшно, только для господъ все это занятіе одно баловство, а ему спасенье. И Дарью бы выписалъ... Сперва бы она пожила пока въ Горкахъ, ну, а потомъ и на Сиверскую бы переѣхали. Временами у Адама являлась смутная мужицкая тоска, что все это легкое житье, безъ настоящей крестьянской работы, какъ будто даже совсѣмъ пустяки, и онъ припоминалъ крутыя слова дѣдушки Андроныча, который ругалъ отбившихся отъ крестьянской работы мужиковъ. Дѣдушка Андронычъ являлся сейчасъ какимъ-то укоромъ, и Адамъ впередъ оправдывался передъ нимъ. Что же, не всѣмъ же землю пахать да сѣно ставить, надо кому-нибудь и господъ со станціи возить.

Проснувшись утромъ, Адамъ сообразилъ, что сдѣлалъ вчера глупость—былъ въ городѣ и на пути не купилъ мережки. Онъ отправился въ Горки къ Ѳомкѣ. Тотъ съ перваго слова его по-

Digitized by Google

нялъ, не сталъ ни о чемъ распрашивать, а далъ мережку и проговорилъ:

Какъ-нибудь сосчитаемся... А только я ничего не знаю и никакой мережки тебѣ не продавалъ.

Всѣ кабатчики умные, какъ замѣчалъ Адамъ и раньше, а Ѳомка, пожалуй, и Маланьѣ носъ утретъ. Безъ слова все понимаетъ. Положимъ, мережка была старая, и нужно было ее чинить, зато безъ денегъ взята. Къ себѣ на кордонъ Адамъ не понесъ эту снасть, чтобы не выдавать себя, а спряталъ ее въ лѣсу. Теперь нужно было вызнать все по части рыбы, которая водилась въ самомъ верховьѣ Ордежа, гдѣ рѣка выбивалась изъ-подъ земли тысячами «ройниковъ», т.-е. выбуривала студеными ключиками, не замерзавшими и зимой. Мѣсто было болотистое, непривѣтливое. Засѣвшая въ самомъ истокѣ деревушка Зарѣчье тоже не отличалась красотой. Земли было мало, крестьяне перебивались кое какъ. Конечно, рыба была подъ носомъ, но ловить ее нельзя,—сторожа знали на перечетъ всѣхъ мужиковъ и впередъ могли сказать, кто подверженъ „художеству“ по части запретной рыбки.

Для отвода глазъ Адамъ прикинулся, что ему нужно положить заплатку на прорванный сапогъ.

— А въ Горкахъ не стало у васъ сапожника?—накинулся на него какой-то большебородый мужикъ.

Digitized by Google

— Да у нашего сапожника рука болитъ,— совралъ Адамъ.

— Такъ, такъ, знаемъ мы васъ, хахалей Не бойсь, на облавы такъ изъ Горокъ берете ребятъ, а сапоги лѣзишь чинить къ намъ.

Оглядѣвъ Адама съ ногъ до головы, ядовитый мужикъ неожиданно прибавилъ.

— Да ты, парень, не рыбу ли пришелъ воровать къ намъ? Смотри, какъ разъ дробью закусишь. . У насъ сторожа-то на это самое простоваты.

Сапожникъ оказался неразговорчивымъ, но Адама выручилъ его подмастерье, у котораго болѣла съ похмѣлья голова. Онъ догналъ Адама въ сѣняхъ и шепнулъ:

— Ты ужо приходи ко мнѣ, такъ мы вмѣстѣ такую уху поймаемъ, чертямъ будетъ тошно. Меня то сторожа знаютъ и близко къ рѣкѣ не подпустятъ, а ты человѣкъ чужой. Я буду стоять на караулѣ, а ты въ это время орудуй съ мережкой. Одному-то ничего не подѣлать...

Для перваго знакомства Адамъ купилъ новому пріятелю полбутылки водки. Его звали Антономъ. Раньше онъ жилъ не хуже другихъ, но помаленьку „потерялъ себя“ у кабацкой стойки и тащилъ въ кабакъ все, что только можно. Однимъ словомъ, пропащій человѣкъ. .

По уговору они выбрали зимній день потеплѣе. Ворамъ, дуракамъ, пьянымъ и дѣтямъ, какъ извѣстно, сопутствуетъ счастье. Ночь выдалась

Digitized by Google

темная, съ легкимъ снѣжкомъ. Егеря часто уходили по ночамъ осматривать свою дачу, и Адамъ воспользовался этимъ предлогомъ. Отъ кордона до Зарѣчья было около двухъ часовъ ходу, и онъ постучалъ въ окно проваленной избенки Антона часа въ три ночи

— Въ самый разъ!—похвалилъ Антонъ, впуская гостя. — Сейчасъ самый крѣпкій второй сонъ. Сторожа то на рѣкѣ вотъ какъ спятъ... Ну, дай Богъ.

Антонъ повелъ пріятеля не улицей, а гдѣ то огородами, потомъ перешли мостъ и побрели берегомъ рѣки прямо по снѣгу. Антонъ нѣсколько разъ останавливался, прислушиваясь къ доносившемуся изъ деревни сабачьему лаю. Благодаря сыпавшемуся снѣгу, ничего не видно было въ двухъ шагахъ. Не покрытая льдомъ рѣка казалась совсѣмъ черной.

— Вонъ подъ тѣмъ деревомъ есть омутокъ, —шепотомъ объяснялъ Антонъ. — По зимамъ рыба тамъ и стоитъ. Она сейчасъ смирная, хоть прямо руками бери... Ты орудуй, а я буду караулить Чуть што—я свисну, ну, тогда только убирай ноги.

Адаму случалось по зимамъ не разъ спускаться въ проруби, когда бабы мочили льны, и онъ смѣло направился къ омуту. Закинуть сѣть около омута было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Адамъ зналъ, что спугнутая сонная рыба пойдетъ вверхъ по рѣкѣ, противъ струи,

Digitized by Google

и его разсчетъ оправдался. Вода не показалась ему отъ волненія даже холодной. По дрожавшей въ рукѣ веревкѣ онъ почувствовалъ, что добыча попалась изрядная. Дѣйствительно, въ мережкѣ запуталось цѣлыхъ шесть форелей, вѣсившихъ вмѣстѣ больше пуда. Антонъ запрыгалъ отъ восторга. Домой они вернулись бѣгомъ. У Адама стучали зубы.

— Ухъ, студяно! — повторялъ онъ, подпрыгивая.

— Ничего, согрѣемся. Ѳомка отвалитъ ужо цѣлый красный билетъ...

Дома Адамъ переодѣлся во все сухое Роспили цѣлую бутылку водки и сварили похлебку изъ корюшки. Адамъ долго не могъ согрѣться и потомъ на него напалъ страхъ. А вдругъ рыбаки-сторожа придутъ и накроютъ прямо съ поличнымъ? Захмѣлѣвшій Антонъ только хохоталъ.

— Нѣ-тъ, теперь, братъ, шабашъ, — повторялъ онъ.—Главная причина, снѣжкомъ-то всѣ слѣды затруситъ .. Ха-ха! Тамъ есть одинъ вредный старичонко, тотъ унюхаетъ...

Кабатчикъ Ѳомка, дѣйствительно, далъ за рыбу десять рублей, и Адаму ужасно было жаль отдавать половину Антону.

VXIII.

Первый успѣхъ совершенно опьянилъ Адама. Въ какую-нибудь недѣлю онъ заработалъ около

Digitized by Google

двадцати рублей, — сумма по его ариѳметикѣ громадная. Лиха бѣда заключалась въ томъ, что приходилось барыши дѣлить съ пьянчугой Антономъ. Правда, Адамъ, продавая рыбу Ѳомкѣ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ обсчитывалъ своего сотрудника, но все-таки было жаль напрасно травить деньги. Жадность въ Адамѣ все разрасталась, и онъ скоро дошелъ до того, что началъ платить Антону прямо водкой, причемъ разбавлялъ послѣднюю водой чуть не на половину. Работать одному было немыслимо, особенно зимой, когда прямо изъ воды пришлось-бы всему мокрому бѣжать до Горокъ верстъ семь. Всѣ надежды Адама были теперь на лѣтнее время.

Рыбные сторожа въ свою очередь тоже не дремали. По слѣдамъ на снѣгу они видѣли, что кто то воруетъ рыбу и устраивали засады, но ловкій воръ точно чуялъ носомъ ихъ коварство и увертывался изъ подъ носа самымъ дерзкимъ образомъ. По пріемамъ воровства сторожа видѣли, что это не своя зарѣченская работа, гдѣ всѣ воры были на перечетъ, а что воръ навязался со стороны. Одинъ воръ, конечно, не Богъ знаетъ сколько выкрадетъ рыбы, но было задѣто самолюбіе. Въ одно прекрасное утро на кордонѣ появился тотъ самый „вредный старичонко“, о которомъ предупреждалъ Антонъ. Его звали Спиридономъ Косымъ. Старикъ дружилъ съ Сафро-

Digitized by Google

номъ Поликарпычемъ и завернулъ къ нему побаловаться чайкомъ.

Адамъ сразу сообразилъ, зачѣмъ пожаловалъ „вредный старичонка“ и подслушалъ часть разговора.

— А это у васъ что за сахаръ? — спрашивалъ Косой, прихлебывая горячій чай съ блюдечка.—Что-то раньше не видать было...

— Чадовъ приспособилъ,—пренебрежительно отвѣчалъ Софронъ Поликарпычъ, вздыхая. — Такъ, никчемный человѣкъ... Лодырь.

— Такъ, такъ...

Старики пили чай въ отдѣльной каморкѣ старшаго егеря, и Адамъ могъ подслушать только часть разговора, который подъ конецъ перешелъ почти въ шепотъ. Косой, очевидно, на что-то жаловался.

— Не ладно у насъ, Софронъ Поликарпычъ... Воръ объявился и совсѣмъ даже отчаянный

— Мало ли у васъ въ Зарѣчьи своихъ воровъ?

— Нѣтъ, это не та работа Мы ужъ своихъ-то вызнали до тонкости, а этотъ какой то безстрашный... Только какъ не издохнетъ въ ледяной водѣ. Прямо человѣкъ на отчаянность идетъ и себя не жалѣетъ...

— У хлѣба не безъ крохъ, — уклончиво отвѣчалъ Софронъ Поликарпычъ, сообразившій, куда гнетъ Косой.

— Ну, а у васъ какъ?

Digitized by Google

— А ничего все въ аккуратѣ... Вотъ облавы начнемъ. Что-то нынче господа мало наѣзжаютъ. Сѣрыхъ куропатокъ много, два козьихъ слѣда намедни видѣлъ, а зайца уйма. Хоть руками лови...

Когда Косой уходилъ домой, Адамъ проводилъ его глазами до поворота лѣсной дорожки и подумалъ:

— Проваливай, Косой. . Не вамъ Адама поймать, полоротымъ. Ишь, какъ подкинулъ хвостъ, старый колдунъ.

„Вредный старичонко“ въ свою очередь думалъ о томъ, что некому воровать рыбу, кромѣ вотъ этого самаго Адамки Богомольца. Такой ужъ у него вороватый видъ. Эхъ, поймать бы да поучить хорошенько, чтобы и другимъ было не повадно...

Адамъ и самъ рѣшилъ оставить пока свой промыселъ. Пусть сторожа краулятъ вчерашній день. Къ тому же начались настоящіе зимніе морозы, и стали наѣзжать господа на облавы. Послѣдняя господская забава не понравилась Адаму, какъ самое пустое дѣло. Этакая важность зайцевъ гонять... Чадовъ пріѣзжалъ обыкновенно съ „адамовой головой“ и привозилъ другихъ пріятелей — Хереса, Ершова и барина, который въ газетахъ ругается. Народъ былъ все веселый; и послѣ облавы устраивался охотничій ужинъ, причемъ господа напивались, врали напропалую и шутили другъ надъ другомъ. Па-

Digitized by Google

велъ Игнатичъ хохоталъ своимъ тоненькимъ голоскомъ и повторялъ:

— Охъ, уморили, отцы!.. На выставку бы васъ куда-нибудь...

Особенно потѣшалъ всѣхъ Ершовъ, который къ каждому слову прибавлялъ: о! и всѣ находили это необыкновенно смѣшнымъ. Чадовъ теперь не обращалъ на Адама никакого вниманія, точно его и на свѣтѣ не существовало. Адамъ боялся, какъ бы онъ не спросилъ про ружье, но Чадовъ, повидимому, совсѣмъ и забылъ о своемъ подаркѣ. Учиться стрѣлять въ цѣль Адамъ, конечно, и не думалъ.

Другіе егеря относились къ облавамъ равнодушно, какъ и Адамъ. Всѣ разговоры въ свободное время сводились на медвѣжью охоту. Это была безконечная тема, и всѣ знали массу интересныхъ случаевъ. Лучше всѣхъ разсказывалъ „цыганъ", который изъ какого то мистическаго уваженія называлъ медвѣдя звѣремъ и увѣрялъ, что онъ поумнѣе будетъ всякаго человѣка.

— Ужъ онъ знаетъ все,—разсказывалъ „цыганъ". — Ты еще не успѣлъ подумать, а ужъ онъ учуялъ...

Выходило почти такъ, что медвѣдь позволяетъ себя убивать только изъ вѣжливости.

Адамъ скоро познакомился съ массой спеціально охотничьихъ выраженій: какъ лежитъ медвѣдь „на слуху", какъ „отсѣкаютъ кругъ" у берлоги, какъ гонятъ медвѣдя въ пяту, и т. д.

Digitized by Google

Всѣ эти подробности его ужасно интересовали, тѣмъ болѣе, что егерю, который находилъ медвѣжью берлогу, полагалась особенная награда.

— Только ты лучше и не ищи,—предостерегалъ его „цыганъ".—Только время напрасно потеряешь. У насъ по этой части Кулайне мастеръ, потому какъ такое слово знаетъ. Они всѣ чухны по этой части мастероваты ..

Дѣйствительно, въ декабрѣ на кордонъ пришелъ чухонецъ Кулайне и объявилъ, что *„она* лежитъ",—онъ называлъ медвѣдя *она*. Это извѣстіе заставило всѣхъ встрепенуться. Значитъ, будетъ настоящая пожива. Медвѣжья облава штука не изъ дешевыхъ. Однихъ „кричанъ" нужно было человѣкъ тридцать. Кричанами называются мужики, которыхъ ставятъ съ трехъ сторонъ берлоги и обязанность которыхъ заключается въ томъ, что они должны кричать все время. Каждый такой загонщикъ вооруженъ толстой дубиной. Четвертая, подвѣтренная сторона предоставляется охотникамъ, на которыхъ кричане стараются выгнать звѣря. Кричане и охотники составляютъ кругъ, оцѣпляющій берлогу, и „отсѣчь" его составляетъ не малое искусство со стороны главнаго егеря.

Всѣ егеря страшно волновались, а больше всѣхъ Адамъ, которому приходилось участвовать въ медвѣжьей облавѣ еще въ первый разъ. Вмѣстѣ съ „цыганомъ" онъ ходилъ осматривать

Digitized by Google

берлогу, которая была устроена въ глухой еловой чащѣ.

— Вѣдь вотъ сколько разъ по этому самому мѣсту хаживалъ,—ропталъ „цыганъ“,—и слѣдъ медвѣжій какъ-то видѣлъ, а поискать берлогу не хватило толку.

— И у меня тоже...—прибавилъ Адамъ.

— Обоимъ намъ чухна глаза отвелъ, вотъ и только...

На облаву пріѣхалъ Чадовъ съ своими пріятелями да еще два офицера. Всѣ были разодѣты какими то гороховыми шутами, какъ требовалъ охотничій этикетъ: бѣлыя тужурки на мѣху, бѣлыя шапки, какіе-то бѣлые балахоны, оленьи сапоги и т. д. Получался настоящій охотничій маскарадъ, только безъ обычнаго охотничьяго балагурства. Охотники держались серьезно, какъ заговорщики.

— Не хорошо, господа трусятъ,—шепнулъ Адаму „цыганъ“.—А все отъ перваго выстрѣла зависитъ: какъ промахнутъ по звѣрю, онъ безпремѣнно уйдетъ. Вся надежда на Палъ Игнатича...

День выдался теплый, съ легкимъ снѣжкомъ. Охотники шли на лыжахъ. Адамъ несъ ружье Павла Игнатьича и рогатину. Послѣдняя его интересовала особенно, потому что стоила сорокъ рублей, и Адамъ никакъ не могъ понять, за что только господа деньги платятъ. Чадовъ скоро усталъ и нѣсколько разъ садился отдыхать.

Digitized by Google

— А ты учился стрѣлять, Адамъ? — вспомнилъ онъ.

— Въ лучшемъ видѣ, Палъ Игнатичъ... — совралъ Адамъ безъ малѣйшей запинки. — Каждый разъ прямешенько въ лобъ попадалъ...

Когда уже подходили къ номеру, на который Софронъ Поликарпычъ поставилъ Чадова, послѣдній обратилъ еще разъ свое вниманіе на болтавшееся за спиной Адама ружье. Оно оказалось незаряженнымъ.

— Да ты, негодяй, съ ума сошелъ?!... — вспылилъ Чадовъ. — Идешь съ голыми руками на медвѣдя...

Адамъ только чесалъ въ затылкѣ. Полученные отъ Чадова патроны онъ разрядилъ, а вынутый изъ нихъ порохъ и дробь продалъ Кулайне.

— Ахъ, негодяй, негодяй!... — ругался Чадовъ.

«Цыганъ», боявшійся, чтобы медвѣдь не ушелъ подранкомъ, выбралъ Чадову самое лучшее мѣсто, «на пятѣ», чего другіе охотники не могли знать. Адамъ остался около Чадова съ рогатиной въ рукахъ и шепотомъ сообщилъ:

— А я его, звѣря, рогатиной прямо по лбу такъ благословлю...

— Ахъ, негодяй, негодяй! — шипѣлъ Чадовъ и даже толкнулъ Адама кулакомъ въ бокъ.

Адамъ отоптал снѣгъ для барина, прислонилъ лыжи къ соснѣ, у которой онѣ стояли и подрубилъ нѣсколько сучковъ, чтобы Чадову виднѣе была небольшая узкая полянка, на которую,

Digitized by Google

долженъ былъ выйти звѣрь. Кругъ былъ отсѣченъ и наступила тяжелая пауза. Адамъ замеръ.

— Закрой ротъ, негодяй!—шипѣлъ Чадовъ. —Ахъ, ты, ворона!

Софронъ Поликарпычъ подалъ условный сигналъ, и загонщики подняли страшный крикъ.

У берлоги оставались Кулайне и «цыганъ». Они длинными жердями тыкали въ «лазъ». Послышалось отвѣтное ворчанье, и нѣсколько разъ въ лазу показывалась лобастая медвѣжья голова.

— Матерый звѣрина... — опредѣлилъ «цыганъ».

Въ этотъ моментъ громадный медвѣдь выскочилъ изъ берлоги и трусцой побѣжалъ прямо на загонщиковъ. По усиленному крику загонщиковъ Чадовъ понялъ, что звѣрь обходитъ кругъ и высматриваетъ, гдѣ лучше прорваться. Это значило, что медвѣдь старый и опытный, молодые бѣгутъ отъ крика и выходятъ прямо на линію охотниковъ.

— Смотри, Адамъ, не робѣй,—предупреждалъ Чадовъ — Попался старикъ и съ нимъ будетъ много хлопотъ.

Медвѣдя пришлось ждать долго, почти цѣлый часъ. Онъ обошелъ всю облаву раза три, высматривая мѣсто, гдѣ бы прорваться. Иногда онъ останавливался и нюхалъ воздухъ. Видимо, онъ больше всего боялся окружавшей берлогу чащары, гдѣ могли укрываться охотники.

Звѣрь вышелъ на охотниковъ въ тотъ мо-

Digitized by Google

ментъ, когда его меньше всего ожидали. Адамъ видѣлъ, какъ Чадовъ быстро прицѣлился, грянулъ выстрѣлъ и что-то страшно зарычало почти надъ самымъ ухомъ. Второй выстрѣлъ, и Адамъ видѣлъ только, какъ что-то громадное бросилось на Павла Игнатьича, точно бросили шубу. Не отдавая себѣ отчета что дѣлаетъ, Адамъ бросился на медвѣдя и всадилъ ему рогатину въ бокъ. Звѣрь страшно взревѣлъ и бросился на него, стараясь вырвать рогатину.

— Нѣтъ, постой... ты, постой... куда прешь?! —оралъ Адамъ, налегая на рогатину всѣмъ тѣломъ.

Воспользовавшись этимъ моментомъ, Чадовъ успѣлъ заложить новый патронъ и выстрѣлилъ медвѣдю прямо въ ухо. Громадный звѣрь такъ и рухнулъ, какъ подкошенный.

XIX.

Передъ Рождествомъ Адамъ объявился у себя въ Вихрахъ. Онъ былъ въ охотничьей мѣховой тужуркѣ, въ оленьихъ охотничьихъ сапогахъ, въ оленьей шапкѣ съ ушами и съ ружьемъ. Теща Матрена такъ и ахнула, когда увидѣла зятя въ такомъ нарядѣ, но сразу сообразила въ чемъ дѣло, и сказала:

— Это тебя Палъ Игнатичъ нарядилъ, Адамъ?

— Онъ самый.

Костюмъ былъ Адаму не въ пору, но всѣ

Digitized by Google

ему завидовали. Адамъ привезъ всей роднѣ дешевыхъ подарковъ: бабамъ платковъ и ситцу, мужикамъ—кому опояску, кому рукавицы. Брату жены, маленькому Петру, онъ привезъ новую шапку, что особенно тронуло Дарью.

— Видно, недавно разбогатѣлъ, что швыряешь деньгами-то,—замѣтилъ дѣдушка Андронычъ, разсматривая дареную опояску.

— Ничего, дѣдушка, на нашъ вѣкъ хватитъ, — хвастливо отвѣчалъ Адамъ. — Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Дарья была счастлива до слезъ. Подарки ее заняли меньше всѣхъ, и она только смотрѣла на мужа счастливыми, влюбленными глазами. Вечеромъ, когда всѣ улеглись спать, Адамъ досталъ изъ кармана кошелекъ и показалъ женѣ сторублевую бумажку. Дарья ничего не понимала.

— Сотельный билетъ, глупая, — объяснилъ Адамъ.—Понимаешь: цѣлая лошадь въ сбруѣ. Вотъ оно куда пошло.

Это открытіе даже испугало Дарью, и она со страхомъ посмотрѣла на мужа. Адамъ понялъ нѣмой вопросъ и объяснилъ:

— Ты думаешь, я укралъ деньги? Нѣ-ѣтъ, братъ, Палъ Игнатичъ подарилъ, когда я его изъ-подъ медвѣдя вызволилъ... Сейчасъ же добылъ деньги изъ кармашка: на, получай, Адамъ. Я ему жисть ухранилъ супротивъ медвѣдя... „Цыганъ“-то бѣжитъ, руками машетъ: ай-ай!

Digitized by Google

ой-ой! Баринъ Ершовъ тоже бѣжитъ... „Цыганъ“ на грѣхъ еще упалъ, снѣгъ потому глубокій... Ну, а я медвѣдя какъ поддѣну въ бокъ рогатиной... Барыня Анна Ивановна даже поцѣловала меня и всю одежу подарила. Раньше то ругалась, а тутъ плачетъ.

Дарья тоже плакала, хотя и не понимала, въ чемъ дѣло, кромѣ того, что и богатые господа даромъ не платятъ по сту рублей. Ей гораздо понятнѣе было то, что изъ Вихровъ она переѣдетъ въ Горки, причемъ съ бабьей проницательностью сейчасъ же выбрала квартиру у Кулайне, а не у кабатчика Ѳомки.

Появленіе Адама въ Вихрахъ, конечно, произвело нѣкоторую сенсацію. И его охотничій костюмъ, и дареное ружье, и подарки, — все обсуждалось односельчанами на тысячу ладовъ. Особенно старались сосѣди, какъ Парфенъ съ Митревной.

— Адамкѣ-то Богъ счастья послалъ,—язвила Митревна — И раньше дешево покупалъ, да только домой не доносилъ, а тутъ на, получайте подарочки... Видно, хозяина въ лавкѣ не было, когда покупалъ.

Въ сущности говоря, всѣ вихровскіе мужики завидовали Адаму, который попалъ на легкій хлѣбъ. Къ нему заходили самые степенные мужики и говорили:

— Ну, что, Адамушка, устроился? Мы-то вотъ тутъ по зимамъ матушку-рѣпку поемъ,

Digitized by Google

а ты свой пропиталъ получаешь... Оченно даже превосходно, ежели кто привѣсится около настоящихъ господъ.

Въ деревнѣ тайнъ нѣтъ, и поэтому всѣ знали, что Адамъ увозитъ жену на Сиверскую. Самые проницательные мужики говорили даже о томъ, какую лошадь Адамка купитъ. Своего-то, даденаго родителемъ одра не поведетъ, конечно. Подробно обсуждали, какой экипажъ себѣ купитъ Адамка на Сиверской, какъ онъ легко, вообще, заживетъ, и т. д. Молчалъ одинъ дѣдушка Андронычъ. Адамъ нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ разговоръ, но безполезно. Старикъ, видимо, крѣпился, пока, по-стариковски, не разрѣшился сразу.

— Оченно даже хорошо, Адамушко, — говорилъ старикъ съ обычною ядовитостью. — На что лучше: выплылъ на свѣжую воду, какъ дикій гусь... Свое-то все горькое показалось. Тебѣ бы въ самый разъ бариномъ быть.

Старикъ всегда отличался ядовитостью, но тутъ Адама задѣло за живое.

— Дѣдушко, я никому дурного ничего не дѣлаю,—замѣтилъ Адамъ.

— А про себя-то забылъ, милый? Сегодня Палъ Игнатичъ, завтра Палъ Игнатичъ, послѣ завтра Палъ Игнатичъ, — а потомъ то что? И вышелъ ты ни къ шубѣ рукавъ... Охвасталъ себя подарками, а настоящаго-то и нѣтъ... Ну-ка, укулупни баринъ настоящаго крестьянина когда

Digitized by Google

у него земля и все хозяйство по-настоящему? Вотъ то-то и оно-то.

Адамъ промолчалъ на дѣдушкину обиду. Какую ему землю отецъ выдѣлилъ? Разѣ около такой земли можно воспитываться да еще съ семьей? Съ другой стороны, Адамъ чувствовалъ, что все таки дѣдушка правъ.

Какъ то онъ заманилъ старика къ себѣ въ избушку, выставилъ водочки, заказалъ яичницу—вообще, хотѣлъ ублаготворить старичка. Дѣдушка Андронычъ отъ угощенья не отказался, выпилъ рюмочки три, а потомъ и отвѣсилъ.

— Адамко, а вѣдь ты воръ.

— Какъ воръ, дѣдушка?

— А такъ... Кругомъ воръ, какъ тебя ни поверни. Въ легкую жисть ушелъ... Каковское это дѣло. чтобы медвѣдей ловить? Для господъ подражаешь, да еще съ господами въ мѣстахъ и пропадешь? Э, меня-то ты не проведешь .. Опояской хотѣлъ купить? Нѣтъ, еще молодъ, материно молоко на губахъ не обсало... Дикія-то господскія денежки и мы видали, даже очень видали, только онѣ не къ числу... Какъ прошли, такъ и ушли. Можешь ты это самое дѣло понимать?

— А у чего я здѣсь-то буду жить, дѣдушка? Землишку мнѣ плохую отвели, избы нѣтъ, лошадь—только одно названье, что лошадь.

Адамъ не понималъ хорошенько, почему такъ

Digitized by Google

дѣдушка злобится на него. Вонъ отецъ Евсей молчитъ и братъ Николай тоже. Мать Агаѳья все присматривалась къ Адаму, точно старалась по лицу вызнать, что у него на душѣ а потомъ какъ-то расплакалась и начала кричать:

— Жалости въ тебѣ нѣтъ никакой, Адамка... Хоть бы ты матери то четвертной билетъ подарилъ. Жена-то все рукавомъ растрясетъ, а мать надо и пожалѣть... Гдѣ старухѣ взять.

Дѣла Агаѳьи, послѣ выдѣла Адама, дѣйствительно были плохи. Прежде Адамъ отдавалъ ей всѣ деньги, заработанныя на станціи, а солдатъ Николай и не думалъ.

— У меня, мамынька, свое собственное семейство,—коротко объяснилъ онъ.—А васъ долженъ воспитывать вашъ собственный супругъ...

Для пущей ядовитости солдатъ Николай говорилъ матери „вы", чѣмъ изводилъ ее до слезъ. Съ Адамомъ онъ былъ изысказано вѣжливъ и называлъ его Адамомъ Евсеичемъ.

— Для чего тебѣ ружье, Адамъ Евсеичъ? Вѣдь ты и стрѣлять не умѣешь... А солдату оно было бы въ самую пору Вещь, можно сказать, самая военная.

Это ружье засѣло въ головѣ солдата клиномъ, но Адамъ не хотѣлъ его дарить, ссылаясь на то, что егерю нельзя безъ ружья да и Павелъ Игнатичъ можетъ спросить, гдѣ ружье.

Всѣ эти родственные подходы и вымогательства не привели ни къ чему. Адамъ и не думалъ

Digitized by Google

раскошеливаться. Не вступался одинъ Евсей, и Адаму почему-то дѣлалось жаль старика.

У себя дома Адамъ больше всего занимался съ своей дочерью Енаѳой, которая сильно выросла и начинала понимать кое-что.

— А мы лошадку купимъ, Наѳка,—говорилъ Адамъ, подкидывая дѣвочку.—Хочешь лошадку? И телѣжку купимъ... Будемъ господъ возить, а господа намъ будутъ денежки платить.

Переѣздъ Адама съ семьей печалилъ только старую Матрену, которая оставалась съ своей разваливавшейся избенкой и малышомъ Петрунькой. Старуха потихоньку плакала по ночамъ и просила у Бога смерти.

XX.

Адамъ не представлялъ себѣ, какъ трудно разставаться съ роднымъ гнѣздомъ. Еще съ вечера старуха теща навела на него тоску своими причитаньями. Она провожала Дарью точно на смерть. А тутъ еще ввязалась мать Агаѳья, когда узнала, что Адамъ отдалъ и лошадь и телѣгу тещѣ, и начала требовать обратно. Матрена и Агаѳья сцѣпились прямо на улицѣ, доставляя даровую потѣху всѣмъ сосѣдямъ.

— Я его прокляну, змѣеныша! — кричала Агаѳья. Онъ хочетъ посмѣяться надъ родной матерью...

Остальные всѣ хранили молчаніе и не всту-

Digitized by Google

пались. На станцію повезъ отецъ Евсей, что тоже не понравилось Агаѳьѣ, и она по пути обругала мужа.

— Подладиться хочешь къ сынку? Въ кучера поступилъ къ нему на старости лѣтъ...

У Адама отлегло на душѣ, только когда они выѣхали за околицу Всѣ молчали. Евсей сидѣлъ на облучкѣ и тяжело вздыхалъ. Дарья потихоньку вытирала слезы. Разговорились только на станціи, гдѣ Адамъ угостилъ отца водкой и пивомъ.

А ты не слушай бабъ, Адамъ,– говорилъ старикъ —Не каждое лыко въ строку. Извѣстно, бабы... Пока что, поживешь въ егеряхъ, а потомъ видно будетъ. На Сиверской-то по лѣтамъ много господъ наѣзжаетъ, жить можно, ежели лошадь и телѣжка..

— Пріѣзжай, родитель, на святкахъ въ гости,— приглашалъ Адамъ, продолжая жалѣть отца.— Вотъ какъ угощу...

— Ужо пріѣду...—соглашался Евсей.—А ты, Адамъ, того... мали ли што бабы болтаютъ .. Бабье сердце расходится, такъ и не уймешь. Агаѳья-то, вѣдь, тебѣ родная мать, ну, и того... Тоже и дѣдушка, онъ правильно. . А того не понимаетъ, што не всякому быть крестьяниномъ. Не таковскія времена... Ну-ка, заработай крестьянствомъ тѣ же три цалковыхъ. Денъ шесть, не разгибаючись, проработаешь за три-то рубля,

Digitized by Google

а тутъ единымъ часомъ получилъ. Всякому это даже очень любопытно...

Евсей не успѣлъ высказать все, какъ бы этого хотѣлъ, но Адамъ отлично его понималъ. Въ этомъ простомъ разговорѣ происходила одна изъ тѣхъ житейскихъ драмъ, которыя рѣшаютъ всю жизнь человѣка. Адамъ навсегда прощался съ своимъ крестьянствомъ, и его смутно томила тоска именно по этой настоящей крестьянской жизни, о которой всегда говорилъ дѣдушка Андронычъ. Егерство не Богъ знаетъ какое сладкое житье, но, благодаря ему, можно было выбиться въ люди.

Они, не заѣзжая на кордонъ, проѣхали прямо въ Горки и остановились у чухонца Кулайне. Это было первое путешествіе въ жизни Дарьи, и она радовалась и боялась въ одно и то-же время. Квартира помѣщалась въ задней избѣ и состояла, конечно, всего изъ одной комнаты. Дарья сразу вошла въ роль хозяйки и, не отдыхая съ дороги, принялась чистить, мыть и скрести. Маленькая Енаѳа долго присматривалась къ новой обстановкѣ и кончила тѣмъ, что разревѣлась.

— Бабушку вспомнила,—объяснила Дарья, глядя на мужа виноватыми глазами.—Ничего, пріобыкнетъ понемногу ..

На кордонѣ положеніе Адама послѣ медвѣжьей облавы сразу измѣнилось. Конечно, человѣку счастье повезло, что звѣрь подмялъ барина,

Digitized by Google

все-таки и Адамъ ловко запустилъ рогатину.

— Посмотрѣть, такъ дуракъ дуракомъ,— ругался Софронъ Поликарпычъ, обиженный успѣхомъ Адама.—А тутъ откуда прыть взялась... Кабы не Адамко, такъ Палъ Игнатичу жарачунъ. «Цыгану» бы не добѣжать во-время...

Однимъ словомъ, Адамъ вошелъ въ егерскую семью полноправнымъ членомъ и почувствовалъ себя на кордонѣ дома. Случай съ Чадовымъ попалъ даже въ газеты, и пріѣзжавшіе на охоту господа заставляли Адама десятки разъ разсказывать, какъ вышло дѣло.

— А ты не испугался?—спрашивали его.

— Чего пугаться: вижу, звѣрь навалился на Палъ Игнатича, ну, я его въ бокъ рогатиной. Ну, онъ на меня .. башкой вертитъ... пѣна изо рта идетъ ..

Всѣхъ больше была довольна, конечно, Анна Ивановна, которая нарочно вызвала Адама въ городъ и расцѣловала его. Адамъ разсчитывалъ, что она подаритъ ему деньжонокъ, но барыня подарила только охотничью одежу.

— Денегъ тебѣ Павелъ Игнатичъ далъ достаточно,—говорила Анна Ивановна.—Да и куда тебѣ деньги въ лѣсу? Вотъ перевези поскорѣе жену, а то еще научишься пить. Всѣ егеря-пьяницы ..

Анна Ивановна серьезно боялась за Адама, какъ бы онъ не испортился въ егерской средѣ, и разсчитывала на Дарью, какъ женщину

Digitized by Google

простую, но разумную, которая поддержитъ немного простоватаго мужа. У нея составился цѣлый планъ, какъ устроить эту оригинальную «начинающую» семью.

Анна Ивановна чувствовала, что она должна что-то сдѣлать для семьи Адама и что между ея семьей и его семьей возникаетъ какая-то странная связь. Въ самомъ дѣлѣ, не подвернись Адамъ съ своей рогатиной или растеряйся—Альфредъ остался бы сиротой. На этомъ послѣднемъ основаніи, по спеціально женской логикѣ, Анна Ивановна приняла особенное участіевъ судьбѣ маленькой Енаѳы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ странно складывается жизнь, и благодаря какимъ страннымъ случайностямъ происходятъ удивительнѣйшія комбинаціи. Не имѣй они дачи въ Вихрахъ, не будь романа Дарьи, не ввяжись въ это дѣло Павелъ Игнатьичъ по своей безхарактерной добротѣ и т. д., и т. д. По своему дѣятельному и энергичному характеру Анна Ивановна сосредоточила все вниманіе на маленькой Енаѳѣ, причемъ рѣшила использовать свои обязанности къ ней при посредствѣ Альфреда. Да, мальчикъ былъ уже въ своемъ критическомъ возрастѣ и долженъ былъ проявить себя въ этомъ дѣлѣ активно. Анна Ивановна всего меньше желала насиловать дѣтскую волю и повела дѣло окольными путями. Но, на ея горе, Альфредъ проявилъ полное рав-

Digitized by Google

нодушіе ко всему случившемуся и рѣшительно ничего не понималъ.

— Ты помнишь, Альфредъ, маленькую дѣвочку, которую къ намъ на дачу приносила Дарья?

— Помню...

— Папа этой дѣвочки спасъ жизнь твоего Папы. Понимаешь, что это значитъ?

— Нѣтъ...

Мать стремилась проявить въ дѣтской душѣ ту дѣятельную любовь, которая въ жизни составляетъ все, но душевный аппаратъ Альфреда работалъ такъ вяло, что ничего не получалось. Приходилось утѣшаться тѣмъ, что мальчикъ вступилъ въ тотъ неблагодарный дѣтскій возрастъ, когда получается перевѣсъ эгоизма. Оставалось выжидать время, когда дѣтская душа проснется.

Обдумывая разныя средства и способы, какъ реализировать свои добрыя чувства по отношенію къ маленькой Енаѳѣ, Анна Ивановна наткнулась на неразрѣшимую соціальную задачу. Для маленькой Енаѳы не было мѣста на пиру жизни... Кажется, чего бы проще взять ее къ себѣ и воспитать, но именно это-то и не было просто. Енаѳа гимназистка, Енаѳа-курсистка, Енаѳа замужемъ за интеллигентнымъ человѣкомъ—однимъ словомъ, Енаѳа навѣки оторванная отъ родной семьи, и еще вопросъ, болѣе ли счастливая, чѣмъ была бы дома. Главный вопросъ для корректной Анны Ивановны заклю-

Digitized by Google

чался въ томъ, имѣетъ ли она право вырывать Енаѳу изъ ея семьи. Она предлагала этотъ вопросъ мужу, но тотъ пожималъ только плечами и несъ какую-то околесную:

— Я, матушка, плохой спеціалистъ по женскому вопросу, да и вообще въ нашемъ желѣзнодорожномъ мірѣ пока разработанъ основательно только вопросъ о француженкахъ, которыя кутятъ по отдѣльнымъ кабинетамъ.

— Какъ вамъ не стыдно говорить такія глупости...—возмущалась Анна Ивановна.

— Что же дѣлать... Старъ я сталъ по женскому вопросу.

Можно было бы, кенечно, воспитать Енаѳу въ другомъ направленіи, т.-е. сдѣлать изъ нея бѣлую кухарку, барскую горничную, бѣлошвейку. Но вѣдь это значило уже прямо погубить дѣвочку, втолкнувъ ее въ тотъ міръ услужающихъ женщинъ, которыя навсегда оторваны отъ родного угла, и вся жизнь которыхъ теряетъ всякій самостоятельный смыслъ, пріурочиваясь къ требовательному барскому обиходу. Въ концѣ концовъ получался такой выводъ, что лучше простой вихровской бабы ничего не придумать...

Перебирая всѣ эти возможности и комбинаціи, Анна Ивановна невольно оглядывалась на собственную жизнь и приходила къ заключенію, что хорошаго въ ней рѣшительно ничего не было. Въ сущности, даже вспоминать не о чемъ, а такъ какъ-то шелъ одинъ день за другимъ.

Digitized by Google

XXI.

Благодаря Дарьѣ, жизнь Адама пошла совсѣмъ по новому. Она иногда приходила на кордонъ и что-нибудь починивала егерямъ. Особенно хорошо къ ней относился «цыганъ». Онъ мастерилъ игрушки Енаѳѣ и вообще сразу вошелъ въ роль друга дома. Изрѣдка онъ приходилъ въ Горки и былъ счастливъ, что можетъ поѣсть настоящихъ щей, настоящаго домашняго хлѣба и запить ѣду домашнимъ квасомъ. Когда пріѣзжали охотники, Дарья готовила ужинъ и вообще прислуживала по своему бабьему дѣлу.

Адамъ время отъ времени воровалъ рыбу, но скрывалъ это отъ жены. Только разъ ночью онъ вернулся весь въ крови и страшно напугалъ Дарью.

— Ничего, пустяки...—оправдывался онъ.— Это меня Спирька Косой угостилъ. Чуть не съ версту за мной гнался, а потомъ какъ запалитъ мнѣ прямо въ спину.

Дарьѣ пришлось выковыривать изъ спины мужа около десятка дробинъ. На его счастье, благодаря полушубку, дробь засѣла не глубоко, и особенныхъ послѣдствій не было. Дарья узнала, что мужъ воруетъ рыбу, и сильно плакала.

— О чемъ ты, глупая, ревешь? — не понималъ Адамъ.—Спина заживетъ, а Спирьку Косого я вотъ какъ еще самъ произведу...

Digitized by Google

— Да я не о томъ...—хныкала Дарья. — Какая же это жисть, ежели надо воровать. Сегодня укралъ, завтра укралъ, а тамъ и поймаютъ...

— Ну, это еще старуха надвое сказала, поймать-то... А что касаемо воровства, такъ вѣдь всѣ воруютъ. Правдой вѣкъ не проживешь, а я не украду - другой украдетъ. Да это и не воровство, ежели разобрать по настоящему. Рыбка-то Божья...

Дарья все таки не понимала и продолжала хныкать. Это непониманіе даже разсердило Адама. Баба такъ баба и есть, ничего ей въ башку не вобьешь.

— Боюсь я до смерти...—повторяла Дарья.— Ужъ дучше уйти отсюда. Вѣдь есть деньги на лошадь, проживемъ какъ нибудь... Будешь господъ возить.

— Маловато денегъ-то, Дарья, а то бы я и самъ бросилъ. Потерпи маленько...

Адаму было и стыдно передъ женой, и обидно, что она ничего не понимаетъ своимъ бабьимъ умомъ. Ужъ, кажется, чего проще, а баба уперлась, какъ коза, и ничего не хочетъ понимать. У Адама даже являлось желаніе побить жену, какъ учатъ бабъ другіе мужики.

О покупкѣ лошади разговоры велись давно, и Адамъ прицѣнивался къ каждой лошади, которую видѣлъ. Лошадь являлась чѣмъ-то вродѣ недосягаемой мечты, да и Дарья видѣла все спа-

Digitized by Google

сеніе въ лошади. Какой же мужикъ безъ лошади? Чтобы растравить жену, Адамъ иногда говорилъ:

— Ну, хорошо, ну, будетъ лошадь, а все-таки безъ обмана и съ лошадью не проживешь. Посадилъ непонимающаго барина и бери съ него, что хочешь. Развѣ это не воровство? Бабы господъ обманываютъ и молокомъ, и яйцами, и грибами—музыка одна. Господскія-то денежки несчитанныя... Можетъ даже ему, барину, лучше, ежели онъ въ другой разъ и переплатитъ. Я его обманулъ, а ему на спасеніе души зачтется.

—А совѣсть?

Адамъ только хохоталъ Какая тутъ совѣсть?.. Развѣ у господъ есть совѣсть? Тоже и скажетъ Дарья... Это дѣдушка Андронычъ про совѣсть-то любитъ говорить. Въ прежнія времена дѣйствительно, сказываютъ, что была эта самая совѣсть и даже очень, а какъ пошли вездѣ господа—все, какъ языкомъ слизнуло.

— А вотъ накажетъ тебя Богъ, Адамка, такъ и узнаешь тогда, какая совѣсть-то бываетъ.

Но и этотъ резонъ не подѣйствовалъ на Адама.

— Очень даже хорошо понимаемъ, что касаемо Бога,—старался онъ что-то объяснить, путаясь въ словахъ.—Такъ вѣдь Богъ-то не для меня одного. Ежели Богъ найдетъ, такъ всѣ кругомъ виноваты, а господа-то побольше насъ...

Digitized by Google

Будь у меня деньги, разѣ я пошелъ бы воровать? А по нуждѣ и Богъ проститъ...

Въ сущности, у Адама достаточно было денегъ, но его охватила жажды наживы. Еще бы этакъ сотенный билетъ сколотить—оно бы въ лучшемъ видѣ. Потомъ и егерская служба ему нравилась. Все-таки не мужикъ вахлакъ, а вродѣ чиновника Адамъ постепенно привыкалъ къ охотничьему бездѣлью, къ барскимъ подачкамъ и вообще легкому житью. Браконьерство являлось въ видѣ спорта.

— Господа охотятся, ну, и мы тѣнь подъ нихъ наводимъ,—объяснялъ Адамъ женѣ.—Меня Палъ Игнатичъ какъ-то спрашивалъ насчетъ дичины и только пальчикомъ погрозилъ... Только одно нехорошо, что у насъ въ членахъ теперь объявился мировой изъ Гатчины. Буде что влопаешься, къ нему потащатъ судиться... Знакомый баринъ, ну, оно какъ будто и совѣстно, когда подумаешь. „Ахъ, это ты, богомолецъ... Не хорошо, милый другъ, воровать чужую рыбу“

Господа были подѣлены между егерями и почему-то назывались „предметами“. У Адама главнымъ „предметомъ“ былъ Павелъ Игнатьичъ съ его пріятелями. Мировой судья достался „цыгану“, который этимъ былъ крайне недоволенъ.

— Ну, этакого предмета знакомому чорту подарить, такъ и назадъ отдастъ,—ворчалъ онъ.—Вотъ у меня раньше было два предмета:

Digitized by Google

одинъ штатскій генералъ, а другой въ томъ родѣ, какъ около полковника. Очень сосредоточенно себя держали и меньше рублевки на водку не давали...—Тоже былъ одинъ адвокатъ. Тотъ по трешницѣ дарилъ, ежели потрафить. Главное—надо умѣть уважить характеръ.

Охотничій сезонъ заканчивался тягой вальдшнеповъ, и только потомъ господа иногда пріѣзжали пострѣлять селезней, когда утки разсѣлись по гнѣздамъ, да линялыхъ косачей по чащарѣ. До половины іюля оставалось время совсѣмъ свободное, кромѣ жалованья никакого заработка не было. Именно въ это свободное время Адамъ опять и занялся ловлей форели, причемъ, точно Дарья напророчила, сразу и попался въ лапы Спиридона Косого. Сторожа отняли, конечно, пойманную рыбу, пребольно избили и составили протоколъ. Когда Адамъ предсталъ передъ судьей, онъ взглянулъ на него, видимо узналъ и только поморщился. На первый разъ дѣло ограничилось штрафомъ въ пятнадцать рублей, причемъ судья предупредилъ, что, въ случаѣ повторенія преступленія, наказаніе будетъ увеличено.

— Я тебѣ говорила...—замѣтила Дарья, когда мужъ вернулся съ судбища, но онъ такъ толкнулъ ее въ бокъ, что она полетѣла въ уголъ.

— Ты еще у меня поговори, чортова кукла.—ругался Адамъ.—Накаркала, ворона.

Первая неудача, вмѣсто того, чтобы образумить Адама, послужила источникомъ для слѣду-

Digitized by Google

ющихъ приключеній. Адамъ точно сбѣсился и пускался на отчаянность, чтобы только насолить Спирькѣ Косому. Это уже было не простое воровство, а игра въ опасность. Адамъ кралъ рыбу подъ самымъ носомъ вреднаго старичонки. Разъ онъ выкинулъ такую штуку, что всѣ ахнули. Надѣлъ женинъ сарафанъ и среди бѣла дня наловилъ рыбы на глазахъ у всѣхъ. Кто же подумаетъ, что баба рѣшится на такую отчаянность.

Такъ прошло цѣлое лѣто въ самой отчаянной борьбѣ. Дарьѣ не разъ приходилось выковыривать дробь изъ мужниной спины. Зато его репутація, какъ отчаяннаго и безстрашнаго человѣка, утвердилась прочно. Даже Софронъ Поликарпычъ говорилъ:

— Да, у нашего Адамки два ума...

Однако, осенью Адамъ опять попалъ подъ протоколъ и опять заплатилъ штрафъ.

— Если вы, Адамъ Мореновъ, попадетесь въ третій разъ, то я васъ посажу на три мѣсяца въ тюрьму,—предупредилъ судья.

Теперь Адама уже трудно было запугать. Что же, три мѣсяца такъ три мѣсяца, а то штрафъ въ двадцать пять рублей. Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Въ какой-нибудь годъ Адамъ сдѣлался неузнаваемымъ. У него, дѣйствительно, явился тотъ второй умъ, о которомъ говорилъ старшій егерь.

Въ концѣ концовъ Адамъ, какъ говорится,

Digitized by Google

доигрался. Дѣло было незадолго до Рождества. Стояли морозы, доходившіе до двадцати пяти градусовъ. Въ разсчетѣ, что сторожамъ и въ голову не придетъ мысль о возможности воровства рыбы въ такую погоду, Адамъ смѣло отправился на промыселъ. Ночь выдалась настоящая волчья. Въ водѣ казалось теплѣе, чѣмъ на воздухѣ. Адамъ наловилъ до десятка форелей, завязалъ рыбу въ свою мережку и только хотѣлъ вылѣзать изъ воды, какъ съ берега послышался торжествующій голосъ Спирьки Косого.

— Ну-ка, вылѣзай, Адамушко... Студено тебѣ въ водѣ-то, а мы тебя согрѣемъ.

Адамъ совершенно растерялся и ничего не могъ отвѣтить вредному старичонкѣ. А на берегу собрались уже другіе сторожа. Принесли фонарь.

— Выходи, голубь сизокрылый, — издѣвался Спирька Косой.

— А вотъ и не выйду, — неожиданно отвѣтилъ Адамъ, рѣшившійся дѣйствовать отчаянно.—Не выйду, и конецъ тому дѣлу.

— Не хвастай, идолъ.

При свѣтѣ фонаря можно было разсмотрѣть только одну голову Адама.

— Адамко безпутный, выходи, а то околѣешь...

— И околѣю, а вы за меня отвѣчать будете, ироды.

Digitized by Google

Сторожа были сконфужены героической рѣшимостью отчаяннаго Адама, постояли минутъ десять, поругались и ушли.

XXII.

Холодная ванна обошлась Адаму дорого. Сторожа выпустили его изъ воды и все-таки накрыли. Онъ защищался отчаянно и даже кусался, но сила ломитъ солому. Составленъ былъ протоколъ, рыба отобрана, и Адамъ вернулся домой избитый и продрогшій до костей.

Весь кордонъ ахнулъ, когда узнали, какую отчаянную штуку выкинулъ Адамъ. А онъ лежалъ у себя въ Горкахъ, охваченный страшнымъ жаромъ. Большую часть дня онъ въ состояніи безпамятства никого не узнавалъ и все бредилъ. Ему казалось, что сторожа преслѣдуютъ его по пятамъ и что Спирька Косой все цѣлится въ него изъ ружья. Бывали и свѣтлые промежутки, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ Адамъ, къ своему удивленію, увидѣлъ стоявшую надъ нимъ Анну Ивановну. Она случайно узнала о болѣзни Адама и привезла изъ города собственнаго доктора. Дарья стояла у печки и говорила:

— Ужъ вы его, барыня, оставьте... не мучьте... Все равно: помретъ.

— И то помру, — спокойно соглашался Адамъ.—Дарья правильно говоритъ...

Digitized by Google

Докторъ, молодой еще человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ, думалъ то-же самое, хотя, конечно, и бываютъ удивительные случаи въ медицинской практикѣ. Анна Ивановна была въ отчаяніи и умоляла доктора спасти больного съ спеціально дамской логикой. Докторъ только пожималъ плечами. Да, конечно, бываютъ удивительные случаи и т. д.

— Будемъ бороться, — уклончиво отвѣчалъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

Анна Ивановна просидѣла въ Горкахъ дней пять и дождалась, когда кризисъ миновалъ. Адамъ былъ спасенъ, и Анна Ивановна плакала отъ радости. Въ порывѣ великодушія она говорила ему:

— Адамъ, когда ты поправишься совсѣмъ, я тебѣ подарю лошадь и телѣгу, и ты будешь жить на Сиверской, о чемъ мечталъ.

Адамъ посмотрѣлъ на жену, криво усмѣхнулся, и отвѣтилъ, подбирая слова:

— Нѣтъ, Анна Ивановна... оно не подойдетъ... Испортился я въ конецъ около господскаго легкаго хлѣба... Какой же я теперъ правильный мужикъ, когда у меня въ башкѣ совсѣмъ наоборотъ? Вѣрно, ужъ на роду написано быть мнѣ егеремъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Digitized by Google

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Очеркъ.

I.

Гаврило Ермолаевъ проснулся рано, какъ всегда. Въ казармѣ было темно и душно. Всѣ еще спали, и онъ, не надѣвая сапогъ, пошелъ къ выходу, чтобы отдышаться свѣжимъ воздухомъ. Казарма, построенная кое-какъ изъ дыряваго барочнаго лѣсу, въ холодные дни не держала тепла, а въ жаркіе въ ней наконлялся какой-то промозглый, гнилой духъ, какъ отъ прѣлаго дерева, которое гніетъ отъ сырости. Въ казармѣ жило человѣкъ шестьдесятъ рабочихъ, и всѣ размѣщались на деревянныхъ нарахъ, которыя тянулись около стѣнъ сплошнымъ накатомъ. Въ дальнемъ концѣ казармы помѣщались громадная русская печь, и было отгорожено помѣщеніе для артельной стряпухи.

Гаврилѣ Ермолаеву пришлось итти мимо стряпухиной каморки, и онъ вспомнилъ, что сегодня воскресенье, а она не выстирала ему рубахи,— значитъ, въ церковь нельзя итти.

Digitized by Google

— Этакая жирная тварь, обругался про себя Гаврило Ермолаевъ.—И дрыхнетъ до которой поры... Скоро всѣ подымутся, а она спитъ, какъ барыня. Въ деревнѣ-то бабы съ пѣтухами встаютъ и печки ужъ затопили...

Утро было яркое, солнечное, теплое, такъ что Гаврилѣ Ермолаеву пришлось заслонить рукой глаза отъ солнца. По привычкѣ онъ прежде всего оглядѣлъ все небо и обратилъ особенное вниманіе на полуденную сторону, гдѣ кучились грозовыя майскія облака. Гаврилу Ермолаева охватило радостное чувство: въ самый бы разъ прохватить дождичкомъ взявшіяся зелени. И для озимей, для яровыхъ вотъ какъ бы хорошо было. Его широкое русское лицо съ окладистой бородкой песочнаго цвѣта приняло какое-то особенное мягкое, умиленное выраженіе, но оно сейчасъ же смѣнилось другимъ, когда въ головѣ Гаврилы Ермолаева мелькнула мысль, что, вѣдь, все это ни къ чему. Не все ли равно, будетъ дождь или не будетъ, т. е. все равно для него лично. Даже наоборотъ: для него и его артели дождь доставляетъ однѣ непріятности— въ рабочую пору мокни, а въ праздники сиди въ казармѣ.

— Ахъ, ты, какая штука, выходитъ, братецъ ты мой! удивлялся Гаврило Ермолаевъ самому себѣ.—Ничего то-есть не надо, какъ барину,— ни тебѣ ведро, ни тебѣ ненастье... Вотъ до чего дошелъ. Охъ, грѣхи, грѣхи...

Digitized by Google

Гаврило Ермолаевъ думалъ какъ-то тяжело, какъ вообще тяжело двигался. Это былъ мужикъ выше средняго роста, широкій въ кости, сухой и мускулистый. Онъ работалъ по цѣлымъ днямъ, какъ хорошо сложенная машина, не проявляя ни ненужной торопливости, ни ненужной затраты энергіи. Такъ же медленно шли и мысли въ его головѣ, прилаженныя одна къ другой, какъ медленно катится по дорогѣ тяжело нагруженный возъ. Огорченный лично за себя, Гаврило Ермолаевъ началъ думать потомъ о другихъ, которымъ, можетъ-быть, и нуженъ дождь, какъ огородникамъ.

— Конечно, дождь нуженъ... рѣшалъ онъ, опровергая самого себя:—вонъ капустную разсаду высаживаютъ, разный овощь...

Онъ присѣлъ у двери на завалинку и началъ смотрѣть. Картина была та же, что и вчера и третьяго дня, но онъ могъ ее разсматривать цѣлыми часами и никакъ не могъ собраться съ тѣми мыслями, которыя она вызывала въ немъ. А этихъ мыслей было достаточно...

Казарма стояла недалеко отъ шоссе, которое слѣва пересѣкало торфяное болото. Направо вытянулась, какъ струна, линія желѣзной дороги, заканчивавшаяся вычурно построеннымъ вокзаломъ. Впереди, между шоссе и чугункой, высилась громадная свалка, куда свозились всѣ городскіе отбросы, снѣгъ и разный мусоръ. Эта свалка, несмотря на вторую половину мая, не

Digitized by Google

растаяла и на половину, заражая воздухъ міазмами и распространяя тяжелую сырость. Изъ-подъ нея выбивались вонючіе ручейки съ коричневой жижей, а одинъ изъ такихъ ручейковъ протекалъ въ двухъ шагахъ отъ рабочей казармы, распространяя тяжелые міазмы.

— Откуда только что беретея, недоумѣвалъ Гаврило Ермолаевъ, разглядывая свалку.—Сколько тутъ всякаго добра наворочено, ежели разобрать.

За свалкой тянулось сплошное поле до самаго Петербурга, который брезжился въ вѣчной дымкѣ, точно тамъ что-нибудь горѣло. Можно было разсмотрѣть золотую шапку Исакія, колокольни и цѣлый рядъ вѣчно дымившихъ фабричныхъ трубъ.

— Сколь этого самаго дыма напущено, удивлялся Гаврило Ермолаевъ, наблюдая фабричныя трубы, и ему начинало казаться, что этимъ дымомъ разносится по вѣтру какое-то напрасно спаленное добро, какъ напрасно пропадало всякое добро въ свалкѣ.

Былъ воскресный день, и свалка не проявляла никакихъ признаковъ жизни. Въ сторону рабочей казармы отъ нея шли капустные огороды, а направо, вдоль линіи желѣзной дороги, вытянулись черной сѣткой безконечныя гряды съ разнымъ овощемъ, парники, погреба и огородныя постройки. По ту сторону свалки начинались ягодные огороды. Однимъ словомъ, не оставалось вершка пустой земли, и только за

Digitized by Google

шоссе на бугрѣ стояла чухонская деревушка, обложенная тощими, плохо обработанными полями и съ крошечнымъ выгономъ, по которому бродилъ заморенный скотъ, напрасно отыскивавшій себѣ кормъ. Трава на торфяникѣ росла жесткая и кислая.

Эта чухонская деревня, наполовину заселенная русскими мужиками, представляла для Гаврилы Ермолаева неразрѣшимую загадку. Ужъ, кажется, кому бы не жить, какъ не этимъ подгороднымъ чухонцамъ и мужикамъ,—все подъ рукой. Земли, конечно, у нихъ мало, такъ зато всякая работа кругомъ. А главное,—всѣ у себя дома. Кто въ извозчикахъ ѣздитъ, кто поденщиной промышляетъ, кто разнымъ ремесломъ—и всѣ голь перекатная. Стройка плохая, пашня не вспахана, а расковыряна, скотина чахлая, сами перебиваются изо дня въ день. Дѣло дошло до того, что дрова покупаютъ въ мелочной лавочкѣ полѣньями, какъ ребята покупаютъ пряники.

— Трактиромъ они ушиблены, объяснялъ подрядчикъ Иванъ Семеновъ, въ артели у котораго работалъ Гаврило Ермолаевъ.—Что заработаютъ, то и снесутъ въ трактиръ... А бабы дома за самоварами пропиваются, однимъ словомъ, чайники и чайницы. Къ легкому хлѣбу привыкли сызмальства, ну, настоящая-то работа и валится изъ рукъ. Все черезъ пень-колоду идетъ... Охъ, бѣда съ этими подгородными мужиченка-

Digitized by Google

ми! Разѣ у него лошадь? Лошаденка.. Разѣ у него корова? Коровенка... Разѣ у него изба? Избенка. . И жену-то нельзя по настоящему правильной женой назвать, а просто сказать—женёшка. Такъ и живутъ... У волка въ зубѣ—Егорій далъ.

Подрядчикъ Иванъ Семеновъ былъ великій плутъ, но Гаврило Ермолаевъ его уважалъ, какъ смышленнаго и ловкаго мужика, который всю жизнь изворачивался со своими дѣлами, какъ блинъ на каленой сковородѣ. Легкое мѣсто держать ту же артель въ шестьдесятъ человѣкъ, которая мостила шоссе въ дачномъ городкѣ. Тоже, человѣкъ—не скотина, всякаго надо знать и со всякимъ нужно имѣть свое обращеніе и всѣхъ накорми да денежки заплати. Положимъ, харчи были не важныя, но такую араву всетаки надо было пропитать.

Подрядчикъ Иванъ Семеновъ, бородастый мужикъ съ толстымъ животомъ и вороватымъ выраженіемъ опухшаго лица, на которомъ безпокойно юлили вѣчно искавшіе чего-то темные глазки, въ свою очередь, тоже любилъ Гаврилу Ермолаева, часто разговаривалъ съ нимъ и объяснялъ причины своей симпатіи:

— Первое дѣло, ты у меня непьющій... Разъ!.. А второе, у тебя серьезное на умѣ... Два. Вытебская артель у меня за первый сортъ идетъ, потому какъ люди настоящіе и никакой работы не боятся. Однимъ словомъ, ты у меня, Гаври-

Digitized by Google

ло Ермолаевъ, какъ коренникъ въ тройкѣ—весь возъ везешь. Конешно, и олончане дѣла не подгадятъ, а только то да не то. Не тотъ каленкоръ... Ну, а ужъ объ остальныхъ прочихъ народахъ не стоитъ и говорить.

— Что же, и другіе ничего, защищалъ Гаврило Ермолаичъ товарищей по казармѣ.—Люди, какъ люди.

— Другіе?!..

Иванъ Семеновъ обязательно впадалъ въ бѣшенство, колотилъ себя въ грудь и выкрикивалъ какимъ-то бабьимъ голосомъ:

— Другіе?!.. Жилы они изъ меня всѣ вытянули... Вѣдь я каторжный для всѣхъ, отвѣчать долженъ за всѣхъ... Другіе?!.. Да я, Боже мой... Не вы для меня работаете, а я для васъ!

Гаврило Ермолаевъ не могъ понять, почему Иванъ Семеновъ умный человѣкъ, а хвалитъ его въ глаза, точно сваха жениха.

II.

Гаврило Ермолаевъ долго сидѣлъ на своей завалинкѣ, любуясь теплымъ весеннимъ утромъ, и незамѣтно его мысли, какъ вода по рѣчному руслу, утекли въ родную витебскую деревню. Охъ, управится ли тамъ старуха со всѣмъ хозяйствомъ... Какъ подняли пары, какъ обсѣялись, какъ всходы... Конечно, въ дому зять остался, мужикъ ничего себѣ, а все-таки настоящаго хо-

Digitized by Google

зяйскаго глаза нѣтъ. Можетъ, у нихъ тамъ весна выдалась засушливая и суховѣйная, а можетъ, и озими вымокли. Письма изъ деревни получались рѣдко, да и понять изъ нихъ ничего нельзя. Лошадь буланая принадала на правую заднюю ногу—какъ-то она выправилась? Корова пестрянка по одинадцатому теленку—тоже старо мѣсто, пожалуй, на нонѣшній годъ и не обгуляется. Овечка должна была объягниться около ѳоминой недѣли, стараго гусака пожалѣли и осенью не прирѣзали, у телѣги надо заднія колеса поправить и т. д., и т. д.

Эти хозяйственныя мысли были нарушены появленіемъ стряпухи Спиридоновны, которая тоже вышла отдышаться на вольномъ воздухѣ. Это была рябая толстая баба, здоровая, какъ лошадь. Она одѣвалась на городскую руку и носила кофты. Гаврило Ермолаичъ почему-то не любилъ ее и сказалъ:

— Подняла мясо-то свое?

Спиридоновна молчала и только громко зѣвнула.

— Какой у насъ сегодня день-то? не унимался Гаврило Ермолаичъ, припоминая свою рубаху.—Добрые люди въ церковь идутъ, а я безъ рубахи должонъ дома изъ-за тебя сидѣть...

—Отстань, сѣра горючая... Рубаха, рубаха—разорваться мнѣ на васъ? И то похуже другой каторжной... Бьешься, бьешься день-то деньской, свѣту Божьяго не видать, готова изъ своей кожи вылѣзти...

Digitized by Google

— Оно и похоже... Не много у тебя въ кожѣ то живого мѣста осталось. Того гляди, въ самомъ дѣлѣ лопнешь...

Спиридоновна, привыкшая въ артели отругиваться, накинулась на него съ обычнымъ ей азартомъ.

— Да ты что присталъ-то ко мнѣ, домовой? Другіе то спятъ, а ты торчишь на завалинкѣ, какъ сычъ... Не съ родной жены спрашивать-то. Много васъ тутъ обормотовъ... Вотъ ужо скажу Ивану Семенову: не хочу больше муку мученицкую принимать черезъ васъ. Ну, чего ты присталъ-то, сухая мозоль?

— А ты что подворотню-то растворила? Ступай, жалься Ивану Семенову... Тоже, нашла, чѣмъ напугать.

Спиридоновна обругала его еще какъ-то, а потомъ плюнула въ его сторону и скрылась въ дверяхъ.

— Колдунъ проклятый... слышалось ея удалявшееся ворчанье.

У Гаврилы Ермолаева были всегда нелады съ отчаянной артельной стряпухой. Конечно, она работала, какъ двужильная лошадь, а все-таки не настоящая баба, какъ ее не поверни. И въ годахъ баба, славу Богу, а тутъ еще какой-то двоюрдный солдатъ каждый праздникъ приходитъ... да еще огородникъ Петька. На послѣднемъ пунктѣ всѣ мысли Гаврилы Ермолаева кончились. Онъ относился къ бабамъ вообще съ

Digitized by Google

призрѣніемъ, а тутъ и думать-то не хорошо, не то что говорить. Добрые люди въ церковь, поди, собираются, а онъ со стряпухой на свѣжемъ воздухѣ ругается. Распослѣднее дѣло вообще...

Спиридоновна не успокоилась одной руганью. Когда вышли изъ казармы другіе рабочіе и присѣли на завалинку къ Гаврилѣ Ермолаеву, она выскочила и бросила ему его грязную рубаху.

— Вотъ тебѣ твоя рубаха, змѣй!.. Жилы изъ меня тянешь...

Гаврило Ермолаевъ ничего не отвѣтилъ, поднялъ рубаху и унесъ къ себѣ въ казарму. Выходка Спиридоновны вызвала хохотъ рабочихъ и соотвѣтствовавшія случаю шуточки.

— Не даромъ говорится, братцы, что бабье сердце, какъ худой горшокъ,—постоянно дребезжитъ.

— Ужъ баба разстервенится, такъ себя готова съѣсть.

Молодые парни любили подразнить Спиридоновну и не обращали вниманія на тумаки и затрещины, которыми она ихъ награждала. Казарменные остроумцы называли стряпуху скапидаръ-баба, и это выходило очень смѣшно, несмотря на частыя повторенія.

Праздники для казармы были самымъ скучнымъ временемъ, и всѣ не знали, куда дѣваться. Часть уходила въ городъ за покупками, при чемъ заработанные гроши часто оставались гдѣ-

Digitized by Google

нибудь въ трактирѣ, а покупка откладывалась до слѣдующаго раза. Впрочемъ, такихъ гулякъ было немного, да и тѣ всѣ были питерскіе, т. е. отбившіеся отъ своей деревни мужики и „ушибленные трактиромъ“, какъ говорилъ Иванъ Семеновъ. Большинство оставалось въ своей казармѣ, отсынаясь за цѣлую недѣлю или цѣлый день просиживая на казарменной завалинкѣ. День проходилъ, вообще, скучно, особенно для молодыхъ, которымъ вспоминалась своя деревня съ праздничными хороводами и разными игрищами. Всѣ бродили около казармы, какъ бродятъ по стеклу отравленныя мухи.

Больше всѣхъ скучалъ Гаврило Ермолаевъ, охваченный своими деревенскими думами. Въ праздникъ-то по дому мало ли работы наберется, особенно лѣтомъ, а тутъ сиди да гляди, какъ другіе мотаются безъ всякаго дѣла. Его охватывала настоящая тоска, когда онъ припоминалъ, что срокъ этой городской работы кончится только къ Покрову. Обидно ему было и за сына Петруньку, слабосильнаго, рябого и молчаливаго парня, который, того гляди, собьется на городскую руку. Другой сынъ, Степанъ, былъ на возрастѣ и точно вросъ въ землю, и его не ушибешь ни легкимъ городскимъ хлѣбомъ, ни трактиромъ. Въ артели были еще два племянника, тоже ничего ребята, да человѣкъ пять сосѣдей, а всѣхъ ровно десять человѣкъ.

Снесши рубаху въ казарму, Гаврило Ермо-

Digitized by Google

лаевъ вернулся въ накинутомъ на плечи и заплатанномъ и коробившемся отъ недавняго дождя полушубкѣ. По деревенской привычкѣ онъ и лѣтомъ любилъ посидѣть въ овчинѣ,—паръ костей не ломитъ. Захвативъ съ собой рваные, порыжѣвшіе безъ мазки сапоги, Гаврило Ермолаевъ долго вертѣлъ ихъ въ рукѣ, выбирая мѣсто, съ котораго лучше было начать починку. На работу вся артель выходила въ лаптяхъ или босикомъ, а сапоги составляли уже предметъ роскоши. Для починки Гаврило Ермолаевъ подобралъ на свалкѣ нѣсколько старыхъ обносковъ и цѣлыхъ лоскутьевъ кожи, но они оказались негодными, потому что разлѣзались въ рукахъ, какъ картонъ. Другіе рабочіе наблюдали за работой Гаврилы Ермолаева и только качали головами.

— Ничего не выйдетъ, Гаврило... Одно гнилье.

— Оно точно... соглашался Гаврило... Ермолаевъ, ковыряя сапоги, точно они были виноваты.

Дальше было рѣшительно нечего дѣлать. Почти всѣ рабочіе выползли изъ казармы и разбились на кучки. Въ праздники съ особенной силой сказывалась тяга однодеревенцевъ другъ къ другу. Кое-гдѣ начали ужь завтракать въ сухомятку, запивая ржаной хлѣбъ водой. Только одна артель питерскихъ каменьщиковъ баловалась чаемъ, который заваривался въ измятомъ и закопченномъ жестяномъ чайникѣ. Изъ-за го-

Digitized by Google

рячей воды всегда шла жестокая война съ Спиридоновной, которая грызлась изъ-за каждой капли кипятку. Сама она пила потихоньку отъ всѣхъ кофей, добываемый въ городѣ отъ знакомыхъ кухарокъ самымъ таинственнымъ образомъ.

— Что-то Петька огородникъ нейдетъ? слышалось уже нѣсколько разъ.

Рабочіе поглядывали на свалку и ждали. Петька каждый праздникъ являлся утромъ въ гости къ Спиридоновнѣ, угощался на ея счетъ, а потомъ ее же ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Это было даровое представленіе для всей казармы.

— Да вонъ, онъ легокъ на поминѣ..

Дѣйствительно, на свалкѣ показалась фигура въ пиджакѣ, въ картузѣ и сапогахъ. Это и былъ лихой огородникъ Петька. Онъ шелъ, слегка пошатываясь и ухарски сдвинувъ картузъ на одно ухо. Для шика онъ пиджакъ не надѣвалъ въ рукава, а носилъ его въ накидку, при чемъ всегда подъ мышкой таскалъ гармонику.

— Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ, замѣтилъ Гаврило Ермолаевъ, недолюбливавшій лихача.

Петька спустился со свалки, перешелъ капустныя гряды, саженныя разсадой, и, не доходя до казармы, заигралъ на гармоникѣ что-то залихватское.

Ну-ты, ну-ты,
Гдѣ ты, гдѣ ты...

Digitized by Google

Особенностью Петьки, смущавшей всю казарму, было то, что онъ всегда былъ при часахъ, а въ казармѣ ни у кого часовъ не было. По хохоту рабочихъ Спиридоновна догадалась, какой гость жалуетъ, и обругалась въ пространство.

— Почтеніе честной компаніи! раскланивался Петька, подходя къ казармамъ.—Каково прыгаете, братцы?

— Ничего... А ты чему обрадовался спозаранку?

— Такая линія подошла... Значитъ, на свои. Кто мнѣ можетъ препятствовать, ежели я самъ по себѣ?

Лицо у Петьки было самое озорническое—круглое, румяное, насмѣшливое, съ безстыжими, выпуклыми темными глазами... Впрочемъ, онъ былъ парень не злой, а такъ—питерскій забалуй.

— А гдѣ наша любезнющая ярославская скапидарная дама? спрашивалъ Петька, дѣлая гримасы.—Чуть-чуть не родня: на одномъ солнышкѣ онучи сушили...

— Перестань ты молоть-то, оговорилъ его Гаврило Ермолаевъ.

— Я? А ежели я всего больше уважаю свой собственный характеръ?.. Вотъ сейчасъ пойду къ любезнующей скапидарной ярославской дамѣ поздравлять...

III.

Дальше начиналось представленіе въ обычномъ порядкѣ. Петька отправлялся къ русской печи,

Digitized by Google

гдѣ возилась съ ухватами Спиридоновна, а за нимъ повалили толпой молодые ребята, довольные даровой потѣхой.

— Съ праздничкомъ, тетушка, говорилъ Петька, снимая картузъ и держа его на отмашь.

— Какая я тебѣ тетушка, лупоглазый?!..

— А такая, самая близкая родня: троюродная наплевать...

Вся казарма покатилась неистовымъ хохотомъ. Ужъ Петька, ужъ онъ отколетъ колѣнце...

— Ну, Петька, прибавь еще! поощряли его голоса изъ толпы.

— А ежели она ругается? Только нѣтъ, меня не проведетъ, продолжалъ Петька, поощренный успѣхомъ.—Это она вамъ, деревенщинѣ, страшна, а я знаю весь секретъ... Любезнующая скапидаръ-дама сердита только снаружи, какъ хорошая старая рѣдька, а вся середка у нея добрая... Самой себѣ, значитъ въ убытокъ.

Гаврило Ермолаевъ никогда не присутствовалъ при этихъ сценахъ и не позволялъ принимать въ нихъ участіе своимъ ребятамъ. Онъ зналъ, чѣмъ все кончится: Спиридоновна будетъ ругаться съ Петькой, а потомъ позоветъ его въ свою коморку и тамъ угоститъ водкой. Происходило что-то совершенно непонятное, тѣмъ болѣе, что въ отношеніяхъ Спиридоновны къ Петькѣ рѣшительно ничего не было дурного, да и самъ Петька не былъ дурнымъ человѣкомъ, кромѣ своей дурашливости и болтовни. Такъ, зря бол-

Digitized by Google

таетъ парень, чтобы потрезвонить. Покончивъ балагурство, Петька въ коморкѣ Спиридоновны долго о чемъ-то толковалъ съ ней уже серьезно, и Спиридоновна журила его, какъ путанную головку.

— Угостился? спрашивали Петьку рабочіе, когда онъ выходилъ.

— Даже выше макушки, отвѣчалъ Петька, впадая въ балагурство.

Очевидно, у него были какія-то дѣла со Спиридоновной, которыхъ никто не зналъ и которыя онъ покрывалъ своимъ шутовствомъ. Гаврило Ермолаевъ больше всего не любилъ, когда Петька, угостившись за счетъ Спиридоновны, усаживался гдѣ-нибудь на завалинкѣ принимался разводить свои непутевые разговоры.

— Эхъ, ты, Вытебская губернія, ничего-то не понимаешь, обыкновеннно начиналъ Петька.— Вотъ камень долбить ваше дѣло...

— А ты самъ попробуй, Петька, да подолби...

— Гдѣ ужъ намъ, ярославцамъ! У насъ своя линія, попроще... Мы, значитъ, около свалки стараемся. Кормилица она наша... Вотъ теперь я редиску да салатъ продавалъ, а потомъ пойдетъ огурецъ да ягода, да цвѣтная капуста, да томатъ... купимъ аршавскаго дешеваго овощу, помочимъ въ своей водѣ да за свой господамъ и продаемъ. На нашъ вѣкъ дураковъ хватитъ...

— А хорошо это? спрашивалъ Гаврило Ермолаевъ,—то есть обманомъ жить?

Digitized by Google

— Даже весьма превосходно, Гаврило Ермолаевъ. Еще старики говорили, что правдой вѣка не изживешь... Вѣдь мы не знаемъ, какъ господа-то свои деньги наживаютъ. Можетъ, еще похуже и нашего...

— Ихъ грѣхъ—ихъ и отвѣтъ.

— Въ самый разъ, Гаврило Ермолаевъ. Пусть отвѣчаютъ и за насъ, грѣшныхъ... Оно ужъ по пути будетъ.

Съ Петькой было, вообще, трудно разговаривать, потому что на каждое чужое слово, у него находилось десять своихъ. Гаврилу Ермолаева удивляло, что и слова-то у него были всѣ какія-то пустыя, какъ дождевые грибы, отъ которыхъ остается одна пыль. И все-таки молодые рабочіе слушали Петьку, разиня ротъ, и втайнѣ всѣ завидовали ему.

— Пустой колосъ голову кверху носитъ, говорилъ Гаврило Ермолаевъ, напрасно стараясь уронить наростав шій авторитетъ Петьки.

— Старичокъ-то посерживается на меня, объяснялъ, въ свою очередь, Петька, подмигивая въ сторону Гаврилы Ермолаева.—Однимъ словомъ, деревенщина, и никакого понятія, что и къ чему. Никакой настоящей ухватки... Одна темнота.

Петька глубоко презиралъ деревню и ядовито глумился и осмѣивалъ все, что напоминало ее, особенно, деревенскую, домашней работы одежу—сермяги изъ домашняго толстаго сукна, холще-

Digitized by Google

выя рубахи, пестрядиные штаны, и болѣе всего лапти и онучи.

— Стыдно на васъ смотрѣть-то, повторялъ Петька.—Просто рвань коричневая, и больше ничего...

— Ты хорошъ, спорилъ съ нимъ Гаврило Ермолаевъ, — совсѣмъ на господскую руку... Щеголь—хвостъ веретеномъ.

Но эти споры не приводили ни къ чему, и Гаврило Ермолаевъ чувствовалъ, что Петька забираетъ надъ нимъ перевѣсъ, и что его, Гаврилы Ермолаева, деревенскія правильныя слова точно мертвѣютъ въ этомъ зараженномъ городской свалкой воздухѣ. Главное, жаль молодыхъ ребятъ, которые еще не вошли въ настоящій разумъ и поддавались Петькинымъ пустымъ словамъ.

До обѣда въ праздники время проходило особенно медленно, точно ему и конца нѣтъ. Гаврило Ермолаевъ все смотрѣлъ на небо и расчитывалъ, куда плывутъ дождевыя тучки. Хорошо, ежели бъ въ Витебскую губернію...

Передъ обѣдомъ его разыскала Спиридоновна, которая вела за собой какую-то женщину, одѣтую по-городски.

— Вотъ твои витебскіе, Настя, коротко объяснила Спиридоновна, тыкая пальцемъ на Гаврилу Ермолаева.

Стряпухѣ было совѣстно за давешнюю свою выходку съ рубахой, и она старалась придать своему голосу нѣкоторую ласковость.

Digitized by Google

— Вытебскіе будете! спрашивала незнакомка и, не дожидаясь отвѣта, какимъ-то жалобнымъ голосомъ проговорила:—И я тоже вытебская... Сейчасъ-то въ кухаркахъ при господахъ стою.

Гаврило Ермолаевъ не зналъ, что ему говорить съ этой Настей, и что ей отъ него нужно. Но кухарка оказалась разговорчивой, и сама разсказала, изъ какого уѣзда и волости. Оказалось, что почти сосѣди. Гаврило Ермолаевъ точно встрепенулся.

— Такъ, такъ, совсѣмъ близко отъ нашей деревни, радостно повторялъ онъ.—Какъ тебя звать-то? Настасья Лукина? Что-то какъ будто не припомню такой...

— А давно я ушла изъ своей-то деревни, гдѣ же упомнить.

— По какой причинѣ ушла?

Настасья немного смутилась и, оглядѣвшись прибавила:

— Такъ, бабьимъ дѣломъ...

— Замужъ вышла?

— Около того...

Настасья засмѣялась и прибавила:

— Много насъ такихъ-то... Извѣстно, бабы-дуры.

— Ошибочка вышла?

— Былъ такой грѣхъ... Ну, а сейчасъ, слава Богу, не могу пожаловаться. Живу по господамъ, восемь рублей жалованья, къ празднику подарки, ну, изъ лавочки да отъ мясника пере-

Digitized by Google

падаетъ иной разъ. Ничего, слава Богу... Въ банкѣ сберегательномъ по книжкѣ сто сорокъ три рубля лежатъ, одежонка всякая, самоваръ свой купила...

Настасья имѣла сытый видъ, который красилъ ея скуластое лицо съ узкими темными глазками. И говорила она уже совсѣмъ по-городски, настоящими городскими словами.

— Такъ, такъ... соглашался Гаврило Ермолаевъ, прикидывая въ умѣ все, что говорила Настасья.—Значитъ, на всемъ готовомъ... Потомъ, значитъ, ни дождь тебя не мочитъ, ни холодъ на беретъ—сидишь, какъ тараканъ за печкой. Восемь рублей...

Эта цифра заставила его почесать въ затылкѣ. За такую уйму денегъ другая витебская баба на готовыхъ-то харчахъ цѣлый бы годъ работала... Да, кругленькая копеечка. Прикинувъ въ умѣ все, Гаврило Ермолаевъ неожиданно спросилъ:

— Ну, значитъ, все есть, а потомъ что?

Этотъ простой вопросъ смутилъ Настасью. Она какъ-то не думала о будущемъ.

— Пока что, а тамъ ужъ какъ Богъ...

— Такъ, такъ... Конечно, все отъ Бога. Значитъ, и подарки, и господскій харчъ... Тепло, поди, въ кухнѣ-то?

— Жарко до смерти, а не то что тепло... Цѣлый день плита топится.

Потомъ, улыбнувшись, Настасья проговорила жалобнымъ голосомъ:

Digitized by Google

— А я-то все смотрю на васъ, какъ вы мимо нашей дачи на работу и съ работы ходите. Сразу узнала своихъ вытебскихъ... Бѣдно живете тамъ у себя въ деревнѣ?

— Какъ случится... Есть и богатые мужички.

— Охъ, вотъ какъ я помню нашу-то вытебскую бѣдноту... Сама въ сиротствѣ росла, досыта наголодалась, пока въ возрастъ пришла. Отецъ-то на заработки вотъ такъ же ушелъ да и не воротился домой. Пришла потомъ бумага, что его гдѣ-то на работѣ землей задавило. Напринимались мы горя съ матерью, особенно по зимамъ: избенка нетопленная, со всѣхъ сторонъ дуетъ, одеженки — что на себѣ, а ѣли часто черезъ день... Вотъ, поглядываю на васъ и вспоминаю прежнее. Тоже свое, хоть и голодное да холодное...

Гаврилѣ Ермолаеву хотѣлось еще поговорить съ своей витебской бабой, но она заторопилась домой.

— Какъ-нибудь въ другой разъ заверну, говорила Настасья, прощаясь.—Наша жизнь хоть и хорошая, а все, какъ собака, на привязи сидишь... Народу у насъ въ домѣ-то достаточно. Баринъ одинъ, а около него, какъ около зерна, мякины... Двухъ поваровъ держимъ, швейцара, двухъ лакеевъ, кухоннаго мужика, выѣздного кучера, двухъ конюховъ... Вы супротивъ самой нашей дачи работаете.

— Всѣмъ деревни не выберешь, Настасьюшка.

Digitized by Google

Въ голосѣ Гаврилы Ермолаева слышались ласковыя ноты, что случалось рѣдко.

IV.

Утромъ по праздникамъ приходилъ въ казарму такъ называемый „физикъ", который околачивался гдѣ-то на свалкѣ, собирая битое стекло. Это былъ типичный золоторотецъ, оборванный, опухшій отъ пьянства и какъ-то по пьяному нахальный. „Физикъ" былъ все-таки необходимымъ человѣкомъ, потому что писалъ письма для всей казармы,—изъ шестидесяти рабочихъ грамотныхъ было всего пять человѣкъ, да и тѣ едва умѣли подписать свою фамилію. Учились грамотѣ, а потомъ забыли.

Написать письмо и отправить его, особенно денежное, составляло цѣлую исторію. Чего стоило итти на почту, ждать тамъ очереди и часто возвращаться домой ни съ чѣмъ, потому что пьяный физикъ или адресъ напутаетъ, или сумму отправляемыхъ денегъ поставитъ не ту, или вложитъ въ конвертъ чужое письмо. Сегодня физикъ пришелъ позже обыкновеннаго и привелъ съ собой со свалки другого золоторотца, котораго отрекомендовалъ „химикомъ".

— Мы сосѣди, объяснялъ онъ: — онъ живетъ гдѣ день, гдѣ ночь, а я насупротивъ него.

— Однимъ словомъ, Спиридоны-повороты, лишенные столицы, глумился огородникъ Петька.

Digitized by Google

Физикъ и химикъ не обращали на насмѣшки никакого вниманія. Оба тряслись со вчерашняго перепоя и ждали опохмѣлья, чтобы руки не такъ дрожали. Изъ за этого вышло маленькое недоразумѣніе: одному физику полагалась сороковка водки, а тутъ еще давай сороковку и химику. Рабочіе потолковали и согласились: въ четыре руки работа пойдетъ спорѣе.

— Пишутъ въ два пера, а дѣлежка не спора, язвилъ огородникъ Петька, считавшій своимъ долгомъ издѣваться надъ золоторотцами каждый разъ.—Господинъ физикъ, позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ вашъ уважаемый пріятель и другъ называется химикомъ?

— А вотъ сейчасъ... равнодушно отвѣтилъ физикъ, наливая дрожавшей рукой водку. — Химикъ, докажи имъ, что ты, дѣйствительно, есть настоящій химикъ...

Химикъ взялъ стаканъ водки, опрокинулъ его какъ-то особенно быстро и вмѣсто закуски взялъ щепоть соли и вынюхалъ ее, какъ нюхаютъ табакъ. Этотъ маневръ заслужилъ общее одобреніе, и послышались голоса:

— Что взялъ, Петька? Острамилъ тебя химикъ.

— Онъ и стекломъ умѣетъ закусывать, предлагалъ физикъ.

— Ну, ужъ, это вы оставьте! вступилась подвернувшаяся Спиридоновна. — Видывали достаточно, какъ рюмки да стаканы зубами-то разгрызаютъ...

Digitized by Google

Она отняла стаканъ и утащила его къ себѣ въ коморку. Бутылка была пустая, и золоторотцы приступили къ работѣ. По условію они за каждое письмо получали по три копейки, конечно, на хозяйской бумагѣ. Оказалось, что химикъ, вызвавшій сначала нѣкоторое подозрѣніе, писалъ и лучше, и быстрѣе, что сейчасъ же было оцѣнено по достоинству и поставлено на видъ физику.

— У меня слогъ краснорѣчивѣе, оправдывался тотъ.

— Да, совсѣмъ другой коленкоръ! подтвердилъ огородникъ Петька, у котораго явилась счастливая мысль поссорить золоторотцевъ и довести ихъ до драки.

У Петьки былъ цѣлый рядъ выраженій, которыя производили на деревенщину особенное впечатлѣніе, какъ неопровержимое доказательство высшей культуры: „не тотъ коленкоръ“, „неглеже съ отвагой“, „рвань коричневая“, „антикъ съ гвоздикой или англійское съ мыломъ“, и т. д.

Золоторотцы усердно проработали до самого обѣда, при чемъ химикъ написалъ двумя письмами больше, чѣмъ физикъ, слѣдовательно, получилъ больше на 6 копѣекъ, чѣмъ и воспользовался Петька, чтобы стравить ихъ. Но его планъ не удался, благодаря вмѣшательству Спиридоновны, всегда заступавшейся за несчастненькихъ.

Digitized by Google

— Ужъ съ кого взыскивать-то, прости, Господи! ворчала она, отталкивая Петьку.—Совѣсти въ тебѣ нѣтъ, лупоглазый...

Спиридоновна какъ-то особенно хорошо и просто умѣла жалѣть этихъ „лишенныхъ столицы“ и потихоньку совала имъ какую-нибудь закуску. Конечно, они отчаянные пропойцы, а какъ ихъ судить, ежели и безъ того ихъ Богъ убилъ... Въ праздники она усаживала физика за артельный столъ, хотя ей за это и доставалось отъ хозяина. Такъ было и сегодня, при чемъ опасность хозяйскаго нагоняя поднималось вдвое, два лишнихъ рта. Рабочіе ничего не имѣли, когда съ ними обѣдалъ физикъ, но при случаѣ всю вину сваливали на Спиридоновну. Это было страшное малодушіе со стороны большой артели, вызывавшее въ Спиридоновнѣ еще большую жалость.

Нѣсколько разъ Спиридоновна съ азартомъ нападала на Гаврилу Ермолаева.

— Ты-то что молчишь? Небойсь, всѣ вы мастера за кухаркину спину прятаться... Гдѣ васъ надо, такъ вы всѣ языкъ проглотили.

— Оно, конечно, тово... сбивчиво бормоталъ Гаврило Ермолаевъ, почесывая въ затылкѣ.— Это ты правильно, Спиридонова... Оно конечно, по человѣчеству ежели судить...

— То-то, правильно, а самъ передъ хозяиномъ въ кусты... Развѣ такіе настоящіе мужики бываютъ, чтобы за бабу прятаться? Экая бѣда,

Digitized by Google

подумаешь, что лишеннаго столицы артель накормила...

— Оно, конечно, Спиридоновна, ежели разсудить... А кто ихъ знаетъ, кто они такіе? Еще чего бы не вышло...

— Какіе такіе? Можетъ, получше насъ съ тобой... Такая болѣсть въ человѣка входитъ.

— Отъ себя болѣсть-то. За свои деньги ее покупаютъ въ кабакѣ...

— А ежели ихъ кто-нибудь испортилъ? Развѣ я побѣгу въ кабакъ, ежели у меня все правильно?.. Сосетъ ихъ, сказываютъ, такой бѣлый червякъ,—вотъ и бѣгутъ въ кабакъ. А ты осудилъ—грѣхъ-то и вышелъ на тебѣ.

Гаврило Ермолаевъ только почесывалъ въ затылкѣ и не спорилъ. Причинъ невмѣшательства у него было двѣ: первая — вообще не вмѣшиваться въ чужія дѣла, а вторая — онъ никакъ не могъ понять всѣхъ этихъ лишенныхъ столицы, которые околачивались на свалкѣ. Кто они такіе? откуда? какъ дошли до своего настоящаго положенія? почему не могутъ остепениться и работать, какъ всѣ другіе?

Конечно, и у нихъ въ деревнѣ были свои пропойцы: солдатъ Ефимъ, купецъ Евсеичъ, еще два-три человѣка. Да, они пили, но не доходили до такого униженія и позора, какъ промышлявшіе на свалкѣ золоторотцы, напоминавшіе собой какіе-то человѣческіе отбросы. Ежели повихнулся въ деревнѣ солдатъ, у котораго и хозяй-

Digitized by Google

ство нарушено, и жена убѣжала, и самъ онъ отвыкъ отъ крестьянской работы,—все это понятно. А тутъ, взять того же физика,—что такое? Самъ себя человѣкъ потерялъ—и все тутъ. Въ душѣ Гаврилы Ермолаева просыпалось тяжелое и недружелюбное чувство ко всѣмъ этимъ потеряннымъ людямъ, которые, вдобавокъ еще почти всѣ были грамотными. Онъ подолгу наблюдалъ приходившаго въ казарму физика и пробовалъ съ нимъ заговаривать, при чемъ получались удивительные результаты,—именно, самъ физикъ нисколько не считалъ себя потеряннымъ человѣкомъ.

— А вотъ брошу пить и другимъ человѣкомъ буду, увѣренно говорилъ физикъ.

— И брось...

— И брошу... Надоѣло... Думаешь, сладкая наша жизнь?..

— Сами виноваты, что довели себя до этого... Физикъ какъ-то смѣшно моталъ своей головой, въ которой вѣчно бродили винные пары, и говорилъ:

— Ежели бы я не бросилъ службу... Да... Гордъ я, а тутъ меня начали прижимать по службѣ. Другимъ награда къ Рождеству, а мнѣ нѣтъ ничего... Потомъ, чѣмъ другіе лучше меня?

— Какая служба-то была?

— А такая .. По письменной части... Это для васъ мы—золоторотцы, т. е. пропащіе люди, а вы не понимаете того, что тутъ и купцы и

Digitized by Google

доктора, и инженеры,—всякаго жита по лопатѣ. Вотъ какая компанія, можно сказать... Отдай все!

— Какіе же вы люди, ежели работать не умѣете? Развѣ это работа—на свалкѣ кости да тряпье да стеклышки подбирать?

Полная нетрудоспособность золоторотцевъ возмущала Гаврилу Ермолаева до глубины души. Какая тутъ работа, когда вся сила пропита по кабакамъ да по трактирамъ?.. А сколько такихъ „лишенныхъ столицы“ брело по шоссе изъ Питера безъ конца краю!.. Идутъ, выпрашиваютъ милостыню, а гдѣ плохо лежитъ—и скрадутъ что-нибудь. И такихъ пропащихъ людей, какъ сказываютъ, въ Питерѣ большія тысячи. Что же это такое?

V.

Праздничные обѣды въ казармѣ всегда были веселые. Подавались щи съ солониной и крутая пшенная каша съ прогорклымъ саломъ. Иванъ Семеновъ гордился, что его артель ѣстъ убоину, а въ кашѣ ложка стоитъ. Это не то, что у огородника Тихоныча, гдѣ подадутъ пустыхъ щей да картошки—вотъ и весь праздникъ.

И нынче было въ казармѣ, какъ всегда. Рабочіе разсаживались на три стола. Нашлось мѣсто и физику, и химику, и озорнику Петькѣ.

— Ишь, дармоѣды, точно за свое садятся!

Digitized by Google

подумалъ Гаврило Ермолаевъ, недружелюбно посматривая на золоторотцевъ.—Вотъ ужо придетъ Иванъ Семеновъ, такъ онъ вышибетъ изъ Спиридоновны всѣ потроха.

Спиридоновна и сама то же думала. Ну, Петька еще увернется какъ-нибудь и физикъ тоже, а химикъ подведетъ навѣрно. Опасенія Спиридоновны оправдались очень скоро, именно, когда въ казармѣ неожиданно появился самъ Иванъ Семеновъ. Онъ вошелъ не тѣмъ ходомъ, черезъ который ходили всѣ рабочіе, а маленькой дверкой около печи. Первымъ увидѣлъ его лихой огородникъ Петька и успѣлъ выскочить на улицу. Физикъ во-время замѣтилъ это и юркнулъ подъ столъ. Одинъ химикъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, потому что всецѣло занятъ былъ ѣдой. Иванъ Семеновъ чутьемъ слышалъ присутствіе чужого человѣка въ казармѣ, поэтому прямо подошелъ къ оторопѣвшему химику, положилъ ему руку на плечо и проговорилъ:

— Это еще что за образъ.

Химикъ совершенно растерялся. Онъ стоялъ передъ подрядчикомъ потный и красный, съ отдувшейся щекой, за которой застрялъ кусокъ подрядчиковой убоины. Рабочіе всѣ притихли. Молодые парни сдерживали смѣхъ, чтобы не выдать лежавшаго подъ столомъ физика. Кое гдѣ мелькнувшія улыбки взбѣсили Ивана Семенова, и онъ сначала обругалъ всѣхъ, а потомъ накинулся на Спиридоновну.

Digitized by Google

— Ты это что же смотришь, кувалда? Вотъ имъ смѣшно, какъ ты хозяйское добро травишь всякимъ прощалыгамъ... Обязанъ развѣ я всю свалку кормить? Одинъ такой образъ сколько сожретъ.

Спиридоновна сначала чувствовала себя виноватой и даже хотѣла пустить слезу, а потомъ, когда Иванъ Семеновъ очень ужъ насѣлъ на нее одну, въ свою очередь разсердилась.

— Да ты что на меня то-накинулся, Иванъ Семеновъ? Кому письмы-то писалъ цѣльное утро вотъ этотъ самый образъ?! Небойсь, всѣ молчатъ и уши прижали... А мнѣ што, не велика корысть, что голоднаго человѣка покормила. Вся тутъ,— нечего съ меня взять!..

— Да ты что подворотню-то растворила?!. заоралъ Иванъ Семеновъ, топая ногами. — Да я тебя сейчасъ, какъ кошку — за хвостъ да объ стѣну!

— Меня?!. Руки коротки... Снявъ передникъ и бросивъ имъ въ хозяина, Спиридоновна проговорила:—Вотъ тебѣ хомутъ и дуга, а я тебѣ не слуга...

— Ай-да Спиридоновна, молодецъ! послышался въ дверяхъ казармы ласковый старческій тенорокъ. — Хорошо ты разговариваешь съ хозяиномъ... форменно!.. Ахъ, лягушка тебя заклюй!..

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ огородникъ Ефимъ Тихонычъ, сѣденькій, благообраз-

Digitized by Google

ный старичокъ, извѣстный у ягодницъ и капорокъ подъ кличкой „пирожника“. Одна нога у Ефима Тихоныча была короче, и онъ ходилъ, опираясь на палку, что придавало ему еще больше старческаго благообразія. Съ Иваномъ Семеновымъ онъ состоялъ въ давнишней дружбѣ. Изъ-за спины Ефима Тихоныча выставлялась улыбавшаяся и подмигивавшая рожа Петьки. Иванъ Семеновъ немного смутился, а потомъ топнулъ ногой на Спиридоновну и проговорилъ:

— Брысь подъ печку, скапидаръ!..

Ивану Семеновичу не нравилось вообще, что Тихонычъ ходитъ къ нему въ казармы и точно подглядываетъ. Мало ли что по семейному дѣлу выйдетъ въ другой разъ, какъ сегодня, напримѣръ! А тутъ еще зубоскалъ Петька присунулся.

— Ты чего здѣсь потерялъ, путаникъ? накинулся онъ на Петьку, здороваясь съ улыбавшимся Ефимомъ Тихонычемъ.

— А мы, значитъ, съ хозяиномъ... бойко отвѣтилъ Петька, встряхивая головой.—Всякое, значитъ, уваженіе господину хозяину...

Ефимъ Тихонычъ всегда улыбался, поглаживая сѣденькую козлиную бородку.

— Ну, Иванъ Семеновъ, а я въ гости къ тебѣ пришелъ, говорилъ онъ, оглядывая казарму. — Дай, думаю, зайду,—можетъ, хозяинъ дома. Да въ самую пыль и попалъ... А мнѣ какъ разъ до твоей Спиридоновны дѣльце есть.

Digitized by Google

Прихрамывая Тихонычъ отправился въ кухонную коморку, гдѣ Спиридоновна сидѣла у стола и голосила.

— Ну, будетъ тебѣ! ласково проговорилъ старикъ, хлопая ее по жирной спинѣ.—Москва слезамъ не вѣритъ...

— Отстань, пирожникъ!..

— А ты не брыкайся... Дѣло есть.

— Знаемъ твои-то дѣла... Отваливай!

Тихонычъ присѣлъ на лавочку къ окну, оглядѣлъ коморку—это была его привычка, все оглядывать, — благочестиво вздохнулъ и, подавая Спиридоновнѣ серебряный рубль, проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— На вотъ тебѣ... На дорогѣ нашелъ.

Спиридоновна сердито посмотрѣла на ласковаго старичка и, не принимая рубля, отвѣтила:

— Видно, Мотька опять дуритъ?

— И не говори!.. Совсѣмъ сбѣсилась дѣвка!.. На стѣну лѣзетъ...

— Ну, а чего смотритъ твоя-то Анфиса? И укоротила бы... Большую волю далъ Мотькѣ, вотъ она и дуритъ...

— Главное, страмитъ передъ всѣми. Такую тѣнь напустила... И всякія слова выговариваетъ. А что касаемо Анфисы, такъ она тоже вполнѣ себя круглой дурой обозначила... Пень березовый!

Спиридоновна взяла рубль, вытерла глаза и отвѣтила уже дѣловымъ тономъ.

Digitized by Google

— Ужо вечеркомъ заверну... Дѣвка-то вонъ какая карахтерная! Не по себѣ дерево согнулъ...

Тихонычъ продолжалъ угнетенно вздыхать и какъ-то жалостливо моргалъ глазами. Конечно, Спиридоновна утихомиритъ, ежели взялась. Не чета полоротой Анфисѣ. Со Спиридоновной у него дѣла велись не одинъ годъ, и она его постоянно выручала. Смотрѣть, такъ дерево деревянное, а какъ умѣетъ глупыхъ капорокъ разговорить! Вѣдь совсѣмъ глупыя слова говоритъ, а тѣ ее слушаютъ, какъ овцы.

— А съ Иваномъ Семеновымъ я поговорю, заискивающе говорилъ Ефимъ Тихонычъ поднимаясь.—Такъ онъ пыль-то напустилъ зря...

— Змѣй онъ, вотъ что! опять заголосила Спиридоновна. — Я тутъ какъ двужильная лошадь вытягиваюсь, а онъ убогому человѣку пожалѣлъ корочки... Прямо, змѣй.

— Ладно, ладно, я поговорю ..

Иванъ Семеновъ очутился въ довольно глупомъ положеніи, пока шли эти переговоры. Когда Тихонычъ вышелъ, онъ сейчасъ же потащилъ его изъ казармы.

— Пойдемъ, въ трактиръ чайку попьемъ, говорилъ онъ, не глядя на проходившую мимо Спиридоновну.

Когда они отошли шаговъ двадцать, въ казармѣ раздался общій хохотъ.

— Ахъ, подлецы! это они надо мной хохочутъ... озлился опять Иванъ Семеновъ, повертывая назадъ.

Digitized by Google

— Оставь, брось!.. говорилъ Тихонычъ, подхватывая его подъ руку.—Это мой Петька какое-нибудь колѣно выкинулъ. Отъ него станется, отъ идола...

Иванъ Семеновъ ошибался. Вся казарма хохотала не надъ нимъ, а надъ вылѣзавшимъ изъ-подъ стола физикомъ. Петька, дѣйствительно, не удержался и выкинулъ колѣнце.

— Изволили на кульерскомъ поѣздѣ пріѣхать, ваше высоко-ничево? говорилъ онъ, раскланиваясь съ физикомъ.—Значитъ, мы вмѣстѣ ѣхали, только я въ другой вагонъ ушелъ.

Послѣ обѣда наступало самое скучное время. Рабочіе постарше укладывались спать, а молодежь уходила въ городъ погулять и на людей посмотрѣть. Гаврилу Ермолаева самъ по себѣ городъ совершенно не интересовалъ — что же, городъ, какъ городъ, — а онъ уходилъ къ желѣзнодорожной станціи и выстаивалъ у желѣзнодорожнаго полотна цѣлые часы въ какомъ-то оцѣпенѣломъ состояніи. Дачные поѣзда неслись мимо него каждые полчаса — одни въ Питеръ, другіе изъ Питера. Въ окна смотрѣла разряженная по праздничному публика, а Гаврило Ермолаевъ чувствовалъ себя такимъ жалкимъ ничтожествомъ. Сколько каждая машина проволокетъ такихъ господъ—и не сосчитаешь. Всѣ нарядные, всѣ богатые, всѣ счастливые. И откуда только столько богатаго народу берется? И за машину заплати, и извозчику заплати, и за дачу за

Digitized by Google

плати, и въ буфетѣ заплати... Деревенская ариѳметика Гаврилы Ермолаева здѣсь кончалась, какъ онъ ни прикидывалъ въ умѣ и ни старался хоть приблизительно подсчитать летѣвшее мимо него на всѣхъ парахъ богачество. Ему дѣлалось даже какъ-то страшно. Одна машина сколько дровъ сожретъ въ одинъ конецъ...

Нѣсколько разъ Гаврило Ермолаевъ дѣлалъ попытку пробраться на вокзалъ, чтобы посмотрѣть на настоящихъ господъ вблизи; но его гналъ жандармъ.

— Куда прешь, сиволапый?!.

Потомъ уже научилъ его пьяненькій стрѣлочникъ, что нужно итти въ третій классъ,—оттуда никто не прогонитъ. Гаврило Ермолаевъ такъ и дѣлалъ теперь каждый праздникъ. Обойдетъ вокзалъ и черезъ третій классъ выйдетъ на платформу. Сегодня онъ тоже ушелъ туда и сидѣлъ часа три.

— И куда только, подумаешь, народъ ѣдетъ? заговорилъ онъ съ однимъ мужичкомъ, робѣя и стѣсняясь.

— Куда нужно, туда и ѣдутъ, нехотя отвѣтилъ тотъ, а потомъ оглядѣлъ Гаврилу Ермолаева и прибавилъ:—Не здѣшній будете?

— А мы Вытебской губерніи, значитъ...

— Мостовщики или камобойцы?

— Камобойцы...

— Значитъ, все для васъ удивительно?

— Какъ есть, ничего не понимаешь...

Digitized by Google

Мужичокъ засмѣялся и, тряхнувъ головой прибавилъ:

— Вотъ то-то вы, деревня!.. Поди, думаете, что все господа да все богатые по машинѣ ѣдутъ? А у другого барина только и капиталу, что на себѣ... Видъ на себя господскій принимаетъ— вотъ и вся музыка. И даже сколько угодно... Прямо сказать, прохвосты есть. Одинъ баринъ такъ-то вотъ мнѣ рупь семь гривенъ не заплатилъ да и за дачу тоже. А смотрѣть—баринъ... И цилиндра на немъ, и перчатки, и тросточка, и трухмальная рубаха...

Гаврило Ермолаевъ слушалъ и не вѣрилъ. Одна одежда на барыняхъ чего стоитъ. На каждой кофта, ботинки, платье,—небойсь, въ лавкѣ-то даромъ ничего не дадутъ... Все купи да купи... У господъ, почитай, у каждаго золотые часы,— и это денегъ стоитъ. И всѣ торопятся, точно на пожаръ. Между прочимъ, Гаврило Ермолаевъ видѣлъ, какъ по платформѣ торопливо пробѣжалъ Ефимъ Тихонычъ:—бѣжитъ, а самъ оглядывается. Потомъ въ толпѣ мелькнула красная рожа Спиридоновны. Она нагнала „пирожника" и что-то шепнула ему.

— Охъ, грѣхи!.. подумалъ Гаврило Ермолаевъ, наслышанный о «пирожникѣ» и его дѣлахъ.— Не даромъ наша Спиридоновна вертитъ хвостомъ.

Вечеромъ въ казармѣ все шло своимъ чередомъ. Петька игралъ на гармоникѣ, кто-то плясалъ босикомъ, взбрасывая кверху руками, по-

Digitized by Google

томъ тренькала балалайка, потомъ горланили свои деревенскія пѣсни. Праздникъ закончился жестокой дракой озорника Петьки съ «двоюроднымъ солдатомъ», который приходилъ къ Спиридоновнѣ. Солдатъ былъ гвардеецъ, высокій и сухой въ кости, и почти всегда молчалъ; а Петька его по своему озорству задиралъ. Выведенный изъ терпѣнія „двоюродный солдатъ" какъ-то необыкновенно ловко схватилъ Петьку, бросилъ его о-земь и пиналъ ногой. Петька отчаянно кричалъ, а солдатъ продолжалъ молчать. Его звали Ильей, и онъ обиралъ Спиридоновну до послѣдней копейки.

Лежа на нарахъ, Гаврило Ермолаевъ думалъ:

— А навѣрно, завтра дождичкомъ хватитъ... Вотъ бы хорошо-то!

VI.

У Спиридоновны были постоянныя дѣла со свалкой, т. е. съ работавшими на ней золоторотцами и всевозможнымъ бабьемъ, работавшимъ у самой свалки на огородахъ, гдѣ царилъ хромой „пирожникъ". У себя дома она цѣлый день вертѣлась колесомъ, потому что вездѣ нужно было управиться и поспѣть одной, и удосуживалась только вечеркомъ, когда старики укладывались спать, и около казармы галдѣла одна молодежь. Сегодня она особенно торопилась уйти на огороды къ Анфисѣ, но пришелъ проклятый

Digitized by Google

солдатъ и поднялъ драку съ Петькой. Они дерутся, а худая слава на Спиридоновну. Еще Иванъ Семеновъ узнаетъ. Чтобы избавиться отъ солдата, который послѣ драки пришелъ къ ней въ коморку, она сунула ему полученный отъ „пирожника“ рубль и проговорила:

— На, подавись, ненасытная утроба!

Солдатъ молча взялъ деньги, погрозилъ ей кулакомъ и ушелъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ убрался во-время, потому что изъ города вернулись подгулявшіе рабочіе и, когда узнали, какъ солдатъ раздѣлалъ огородника Петьку, подняли шумъ.

— Ишь тоже выискался, солдатская кислая шерсть!.. А вы чего смотрѣли, ребята? Въ колья его... Не тронь Петьку у насъ!.. Петька всю казарму веселитъ.—не дадимъ его въ обиду...

Нашлось нѣсколько охотниковъ бѣжать за солдатомъ въ догонку и побить его.

— Подождите слѣдующаго праздника, уговаривали пьяныхъ серьезные мужики.—Самъ придетъ въ казарму. Тогда видно будетъ...

Досталось отъ галдѣвшихъ рабочихъ и на долю Спиридоновны. Зачѣмъ, старая кожа, двоюроднаго солдата подманиваетъ? Любитъ съ солдатами хороводиться, такъ и подставляй свои бока. Пусть только придетъ, крупа несчастная!.. Спиридоновна слышала, какъ грозятся рабочіе на солдата, и про себя даже радовалась. Охъ, хорошо было бы, ежели бы его поучили, да такъ

Digitized by Google

поучили, чтобы онъ и дорогу въ казарму забылъ!.. Солдаты вообще обижали кухарокъ и горничныхъ, выматывая изъ нихъ послѣдніе гроши. Фасонъ вездѣ былъ одинъ. Сначала все какъ будто и по хорошему: и такая, и сякая, выйду изъ службы— женюсь. Молодыя дѣвушки охотно вѣрили этимъ обѣщаніямъ, да и бабы постарше тоже. За свои лестные слова солдатъ получалъ угощеніе, потомъ подъ случай прихватывалъ деньжонокъ взаймы, а потомъ ужъ безъ стыда и совѣсти забиралъ и все жалованье, какъ свое. Такъ было и со Спиридоновной, которая ужъ четвертый годъ платила своему солдату „дикую пошлину".

Подъ этими впечатлѣніями она, накинувъ старую шаль, въ сумерки прибѣжала на свалку къ Анфисѣ, которую рабочіе въ шутку называли: „капорская мать-честна". Отъ волненія Спиридоновна расплакалась и разсказала Анфисѣ всѣ свои бѣды.

— Охъ, и не говори! жалѣла Анфиса, качая своей сплющенной на вискахъ, какъ у щуки, головой. — Охъ, много ихъ, иродовъ, развелось!.. Не даромъ молвится, что у каждой бабы седьмая часть солдату принадлежитъ.

— Вотъ ужо моего-то сахара выучатъ... повторяла Спиридоновна.—Витебскіе смирные, а есть олончане... Тѣ выворотятъ наоборотъ.

Анфиса была рябая и длинноносая баба со впалой грудью. Она постоянно умирала отъ

Digitized by Google

какой-нибудь болѣзни и работала за четверыхъ, какъ Спиридоновна. Жила она у „пирожника“ уже лѣтъ семь и каждый годъ собиралась отходить, а потомъ смилуется и останется. Со Спиридоновной у нея были свои давнишнія бабьи дѣла, неизсякаемымъ источникомъ которыхъ служила свалка.

У „пирожника“ было около свалки громадное дѣло, выросшее годами. Онъ и свалку арендовалъ и постепенно развелъ подъ ней свои огороды, сначала капустный, потомъ овощный, наконецъ, ягодный. Кругомъ свалки кормились сотни людей. На мокромъ мѣстѣ, куда отъ свалки шелъ стокъ, заведены были капустные огороды, дававшіе самую вѣрную прибыль; они выходили къ рабочей казармѣ, и работа на нихъ шла только ранней весной и поздней осенью, а все лѣто было тихо,—капуста сама растетъ на сыромъ мѣстѣ. Овощный огородъ былъ разбитъ уже по ту сторону свалки, гдѣ у „пирожника“ была устроена своя конторка, т.-е. избушка на курьихъ ножкахъ, обставленная со всѣхъ сторонъ какими-то сарайчиками и амбарушками. Овощъ любитъ мѣсто посуше и мѣсто было выбрано для него на окончательно осѣвшей и высохшей старой свалкѣ. Земля была хорошая, хотя овощъ и родился годомъ, потому что, какъ говорилъ „пирожникъ“, „такой ужъ климатъ сурьезный“. Годами овощъ давалъ большіе барыши, а годами концы съ концами

Digitized by Google

дай Богъ свести. Еще меньше давалъ дохода ягодный огородъ, который начинался сейчасъ за овощнымъ; но у Ефима Тихоныча была къ нему какая-то особенная слабость.

— Кормилица моя! говорилъ Ефимъ Тихонычъ про свою свалку.—Да и другіе протчіе народы около нея-же прокормятся. А вотъ ягодка меня ѣстъ,—не могу на нее потрафить. Любезное самое дѣло, кажется, акуратное, а видно, ягодка-то по выбору кормитъ, не то, что капустка-матушка, которая безъ разбору всѣхъ воспитываетъ.

Около „конторки" рядами вытянулись парники и гряды со всевозможнымъ овощемъ, кромѣ картофеля, который свалочной жирной земли „не уважалъ". Отдѣльно горбились изъ земли длинные погреба, гдѣ хранился овощъ.

У Анфисы въ конторкѣ была отгорожена небольшая кухонка, гдѣ она и орудовала. Ефимъ Тихонычъ насчетъ пищи былъ строгъ и не баловалъ рабочихъ.

— Первое дѣло, у меня больше бабы, бабѣ много ѣсть вредно, объяснялъ онъ.—А вторая причина—работа у меня легкая, не то что у Ивана Семенова. Капусту-то поливать—не камень долбить...

Рабочіе за глаза ругали его скаредомъ и подолгу не заживались, кромѣ пяти-шести человѣкъ, какъ лихой разносчикъ Петька, которому и у „скареда" жилось хорошо, потому что онъ наживалъ на сторонѣ.

Digitized by Google

— Видѣла нашего-то? спрашивала Анфиса раздувая самоваръ.

— Какъ же, былъ у меня сегодня, нехотя отвѣчала Спиридоновна.—Рупь подарилъ... А я его, рупь то, своему проклятущему солдату стравила, только бы уходилъ. Ужъ такъ мнѣ жаль этого самого рубля, такъ жаль!..

Доканчивая послѣднія слова, Спиридоновна поняла, что сболтнула второпяхъ лишнее. Анфиса, хоть и глупая, а тоже счетъ деньгамъ вотъ какъ, отлично знаетъ. Да и обидно ей, что Ефимъ Тихонычъ стороннимъ куфаркамъ деньги швыряетъ. Чтобы поправиться, Спиридоновна прибавила:

— Еще съ прошлаго года обѣщалъ подарить твой-то скаредъ; ну, а деньги-то и вышли совсѣмъ не къ числу.

Анфиса только ухмыльнулась. Она страдала недовѣріемъ къ роду человѣческому вообще, а слова-то у Спиридоновны, какъ изъ проткнутаго мѣшка сухой горохъ, сыплются. Угощая гостью, Анфиса, и вида не подала, что знаетъ зачѣмъ эта птица прилетѣла и, только выпивъ чашекъ десять чаю, проговорила:

— А у насъ-то, у насъ-то, что только и дѣлается, Спиридоновна!..

— Слышала я стороной, что будто у васъ Мотька бунтуется. Какъ-то видѣла ее у тебя-то: бѣлокуренькая такая и веснушки на носу...

— Она самая и есть...

Digitized by Google

— Ничего, гладкая дѣвушка, какъ огурчикъ. Хоть бы и не въ капоркахъ быть...

— Еще вымостится, дай срокъ, и намъ всѣмъ носъ утретъ. Ужъ дѣвка, однимъ словомъ...

Анфиса сдѣлала скорбное лицо и прибавила уже шопотомъ:

— Припадочный до бабъ нашъ-то Тихонычъ, даромъ, что сѣденькій. Ну, и вышелъ такой грѣхъ... Не въ первой это, положимъ, да Мотька-то вонъ какая занозистая оказалась. Такъ на стѣну и лѣзетъ... Я, гритъ, и до суда дойду, ежели что. Вотъ она какая!..

Спиридоновна молчала, покачивая головой, а когда Анфиса разсказала все, проговорила:

— Оно, дѣйствительно... Мало ли грѣха по огородамъ бываетъ. Грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ, да еще добрыми-то людьми, какъ вѣникомъ, трясетъ. Ужо мнѣ бы поговорить съ Мотькой этой самой...

— Не велико кушанье, — сейчасъ позову. Наши капорки въ сараѣ спятъ... У васъ-то казармы, —все-таки тепло; а у нашего Тихоныча не разгуляешься. „Бабамъ, гритъ, холодъ въ самую пользу“... Угловатый старичонко!.. Такъ я ее позову...

Оставшись одна, Спиридоновна раздумалась, припоминая прежніе случаи. Сколько она съ этой самой свалки дѣвокъ въ городъ переправила и людьми сдѣлала. А и весь-то разговоръ: десять рублей. Да и тѣ еще получать надо.

Digitized by Google

Мотька скоро явилась. Это была бѣлокурая плотная дѣвушка съ еще не остывшей деревенской красотой. Она была въ какой-то дурацкой желтой кофтѣ и босая. Переминаясь съ ноги на ногу, она исподлобья смотрѣла на Спиридоновну. Анфиса политично вышла изъ комнаты. Спиридоновна оглядѣла Мотьку съ ногъ до головы и точно про себя замѣтила:

— Такъ ты и есть Мотька? Какъ есть патретъ...

Мотька молчала. Бѣлокурые спутанные волосы лѣзли ей на глаза, и она ихъ оправляла привычнымъ взмахомъ руки.

— Да, какъ есть патретъ, думала вслухъ Спиридоновна и прибавила уже ласковымъ тономъ:—Ну, садись рядкомъ, птаха, да поговоримъ ладкомъ...

Стоя въ сѣняхъ и потирая отъ холода одной босой ногой другую, Анфиса слышала, какъ завыла Мотька, и какъ заговаривала ее Спиридоновна, заговаривала ровно, увѣренно и спокойно, точно повторяла хорошо выученный урокъ. Потомъ Мотька совсѣмъ смолкла, а Спиридоновна все говорила и говорила, точно журчалъ ручеекъ.

— Ну, и баба! удивлялась Анфиса. — Не баба, а прямо, приворотное зелье. Вонъ какъ зачитала Мотьку...

Анфисѣ, наконецъ, надоѣло стоять въ сѣняхъ, да она и прозябла порядкомъ. Когда она вер-

Digitized by Google

нулась, то увидѣла, какъ Спиридоновна обнимала сидѣвшую рядомъ съ ней на лавкѣ Мотьку и наговаривала:

— Не ты первая, не ты послѣдняя такая-то, дѣвушка... Охъ, много васъ тутъ по огородамъ околачивается! А потомъ: „Голубушка, Спиридоновна, выручи!“ Что же подѣлаешь, и выручаешь... Много хлопотъ, а какъ не выручить! Потомъ этакія то подобныя дуры Спиридоновну вотъ какъ благодарятъ... Ну, примѣрно, такъ скажемъ, къ Михайлову дню это самое наше дѣло вырѣшится...

Мотька закрыла глаза рукой и всхлипывала.

— Перестань!.. уговаривала ее Спиридоновна. — Поговорка такая есть, что безъ стыда лица не износить, а другая, пожалуй, и почище поговорка-то: „Бываетъ и на старуху проруха и на дѣвушку бабій грѣхъ“. Такъ я говорю?

Анфиса стояла и только удивлялась, откуда это у Спиридоновны слова берутся. Какъ по писаному такъ и отчитываетъ.

— Это ежели въ деревнѣ съ дѣвушкой грѣхъ случится, не унималась Спиридоновна, — ну, хоть въ прорубь головой. Сами деревенскія и отлично это самое дѣло можемъ понимать... А Питеръ великъ,—никто то тебя не знаетъ, никому-то дѣла до тебя нѣтъ, и все для тебя ужъ готово. Ты еще не подумала, а ужъ тамъ все приготовлено... Прямо изъ родильнаго дому дитя сдадимъ въ воспитательный, въ лучшемъ видѣ,

Digitized by Google

а потомъ я тебя на такое мѣсто кормилкой опредѣлю.

Дальше Спиридоновна по пальцамъ начала откладывать, сколько кормилкѣ полагается у господъ всякаго добра: и мамошные сарафаны, и кокошникъ, и душегрей, и полдюжины всякаго бѣлья, и сундукъ, а жалованье само собой! Да еще какъ господа-то будутъ ухаживать: хорошо ли ѣстъ кормилка, да хорошо ли спитъ, да не скушно ли ей. Масленица, а не житье.

— Ну, оболванишься около господъ въ лучшемъ видѣ, развивала свою мысль. Спиридоновна,—а тамъ ужъ скатертью дорога. Одежда всякая выправлена, деньжонки въ рукахъ, — куда хочешь, туда и повернешься. Бога будешь потомъ молить.

Мотька затихла и слушала все, сонно мигая опухшими отъ слезъ вѣками.

VII.

Самыми тяжелыми днями были понедѣльники и вообще дни послѣ праздниковъ. Вся казарма просыпалась позже обыкновеннаго, рабочіе одѣвались долго и нехотя, слышалась кряхтѣнье и оханье, сказывалось вчерашнее похмѣлье, и корявыя руки долго чесали лохматыя головы. Особенно долго происходило обуванье. Обувь, вообще, являлась больнымъ мѣстомъ въ жизни

Digitized by Google

всей казармы, особенно для пришлыхъ изъ деревни рабочихъ. Они приходили въ своихъ деревенскихъ лаптяхъ и калишкахъ, и только у рѣдкихъ, какъ у Гаврилы Ермолаева, были сапоги. Для молодыхъ деревенскихъ парней сапоги являлись завѣтной мечтой, какъ для племянниковъ Гаврилы Ермолаева. Впрочемъ, для камобойцевъ сапоги имѣли значеніе только въ праздникъ, а на работу выходили въ калишкахъ, обертывая ноги толстыми онучами. Послѣднее было необходимо, потому что разбиваемый молотомъ въ мелкую щебенку камень приходилось придерживать ногами. Съ непривычки Мишутка и Спирька часто попадали молотомъ, вмѣсто камня, по ногѣ.

Въ послѣпраздничный день Гаврило Ермолаевъ былъ особенно строгъ и не давалъ своимъ проклажаться безъ пути. Онъ точно хотѣлъ наверстать потерянный ради праздника рабочій день.

— Теперь дядя-звѣздочетъ зарядилъ пилить на цѣлый день, ворчалъ черноволосый Мишутка.

Племянники боялись дяди и про себя называли его звѣздочетомъ, потому что старикъ постоянно присматривалъ небо—какъ идутъ облака, откуда дуетъ вѣтеръ, гдѣ поманиваетъ дождичкомъ. Но Гаврило Ермолаевъ про себя очень жалѣлъ племянниковъ, которые были еще молоды для тяжелой камобойной работы. „Кость еще въ нихъ была жидкая“, какъ объяснялъ про себя старикъ дѣтское безсиліе.

Digitized by Google

Гаврило Ермолаевъ работалъ съ своей артелью на городской площади, гдѣ былъ разбитъ небольшой садикъ. Вокругъ зеленой садовой рѣшетки еще съ зимы были заготовлены саженки бутоваго камня, который нужно было разбить въ щебенку. Мѣсто артели выходило какъ разъ противъ богатой дачи, гдѣ жила витебская кухарка Настя. Еще раньше Гаврило Ермолаевъ видѣлъ ее десятки разъ, какъ она, по-городски, накинувъ шаль какъ-то на одно плечо, ходила въ мелочную лавочку и подолгу толковала гдѣ-нибудь на углу съ другими кухарками.

Этакое кошачье житье этимъ самымъ куфаркамъ! возмущался Гаврило Ермолаевъ, прикидывая все на свой деревенскій аршинъ.—Тоже, работа называется... Ежели-бъ деревенскія бабы такъ-то торчали по угламъ, да за это бы имъ еще такое жалованье платили... За восемь-то рублей попробовала бы цѣлую сажень въ щебенку разбить, а тутъ на, получай голенькія денежки! Точно языкомъ слизнетъ свои восемь рубликовъ...

Кухарочное житье являлось для Гаврилы Ермолаева неразрѣшимой загадкой. Помилуйте, восемь-то рублей жалованья извозчикъ получаетъ, а сколько онъ мокнетъ на дождѣ, стынетъ на холоду и живетъ у хозяина, какъ въ арестантскихъ ротахъ! И кормится у хозяина-то коекакъ, и одежда у него на дождѣ да на солнцѣ тлѣетъ, и въ трактирѣ другой разъ погрѣется

Digitized by Google

со стужи, да онъ же пошли въ деревню въ годъ-то рублей семьдесятъ на худой конецъ. А съ кухарки какой спросъ? Послала къ празднику деревенской роднѣ подарки—и вся тутъ музыка. Съ этого-то житья дикій-то бабій жиръ вотъ какъ заиграетъ...

Камобойная работа тяжелая, но Гаврило Ермолаевъ считалъ ее очень выгодной. За кубическую сажень щебенки подрядчикъ платилъ шестнадцать рублей, а были рабочіе, которые выколачивали ее въ недѣлю. Одинъ олончанинъ вышибалъ такую сажень въ четверо сутокъ, но бѣдняга скоро надорвался и померъ въ больницѣ. Въ артели Гаврилы Ермолаева было пять человѣкъ, трое большихъ мужиковъ и два подростка. Въ день они работали на полсажени, когда побольше, когда поменьше. Въ общемъ получалась порядочная сумма, тѣмъ болѣе, что она шла въ одно гнѣздо. Такихъ денегъ въ деревнѣ и во снѣ не видывали. Самъ Гаврило Ермолаевъ съ сыновьями управлялся съ работой ничего себѣ. Конечно, тяжело, къ вечеру спины не разогнешь, но все-таки ничего. А вотъ племяши—тѣ живо сдали. Сначала какъ будто ничего, бодрились, а потомъ начали хирѣть. Кажется, и ѣда хорошая, а мальчонки на глазахъ хирѣли, особенно Спирька. Гаврило Ермолаевъ наблюдалъ за мальчикомъ и только качалъ головой. Какой-то черный сталъ мальчонко, щеки ввалились, по ночамъ кашляетъ. Оба племянника были дѣти

Digitized by Google

родной сестры Гаврилы Ермолаева, вдовѣвшей четвертый годъ, и онъ боялся, какъ они выдержатъ до осени. Главнымъ образомъ, донимала пыль отъ камня, и старые камобойцы говорили, что рѣдкій выдержитъ ее года три-четыре. Приходилось во время работы дышать этой каменной пылью.

Деньги за всю артель Гаврило Ермолаевъ получалъ одинъ, и въ мѣсяцъ приходилось 60—70 рублей. За полгода работы должна была получится громадная сумма, какой у него еще не бывало въ рукахъ. Младшій, неженатый сынъ Петрунька не входилъ въ эти разсчеты. А большакъ Степанъ про себя уже давно все высчиталъ и что-то соображалъ. Хотя семья была дружная, но у Степана были уже свои отдѣльныя мысли, какъ у семейнаго человѣка. Тоже и жена и ребятишки — было о комъ подумать. Разъ Степанъ замѣтилъ отцу:

— А какъ ты будешь расчитывать Мишутку со Спирькой?

— А чего ихъ расчитывать: сыты—и слава Богу...

— А тетка Анисья взъѣстся...

— Ну, дадимъ трешницу ей въ зубы—и все тутъ.

За вычетомъ всѣхъ расходовъ, по вычисленіямъ Степана должно было очиститься около трехсотъ рублей. Если бы отецъ далъ ему сотню, онъ бы сейчасъ пошелъ въ отдѣлъ. Въ своей-то

Digitized by Google

деревнѣ на сотню вотъ какую избу можно сообразить. Жена Степана давно мечтала о выдѣлѣ, чтобы быть въ дому полной хозяйкой, а не высматривать каждый кусокъ изъ рукъ свекрови. Да и ребятишки, того гляди, подрастутъ. Степанъ зналъ, что на заработанныя деньги отецъ мечтаетъ женить Петруньку, и женилъ бы, если бы впереди у него не было солдатчины. Гаврило Ермолаевъ почему-то считалъ нужнымъ прятать деньги даже отъ сыновей, и Степанъ не зналъ, сколько у него наличныхъ. Старикъ былъ крѣпокъ на деньгу и домой посылалъ самую малость.

Сегодня, въ понедѣльникъ, артель вышла на работу, какъ всегда. Спирька, впрочемъ, жаловался, что у него поясница болитъ и въ ушахъ шумъ; но Гаврило Ермолаевъ прикрикнулъ на него:

— Другіе пьянствуютъ, а у тебя будетъ въ головѣ шумѣть? Вотъ я тебя опохмелю хорошей палкой... Вонъ и кабакъ подъ рукой.

На углу площадки красовался трактиръ «Хива», который по понедѣльникамъ былъ биткомъ набитъ жаждавшими опохмелиться. Здѣсь было главное пристанище «лишенныхъ столица», какъ физикъ и химикъ. Золоторотцы кучками цѣлый день толпились у воротъ, вызывая у Гаврилы Ермолаева цѣлый рядъ ядовитыхъ замѣчаній.

— Отдохнуть собрались, христовы работнички? То-то утрудились...

Были и изъ своихъ камобойцевъ такіе, ко-

Digitized by Google

торые раннимъ утромъ бѣжали въ «Хиву» на починку, какъ говорилъ Гаврило Ермолаевъ. Старикъ только качалъ головой. Какой же это порядокъ: тутъ тебѣ работа, и тутъ же подъ самымъ носомъ кабакъ! Съ весны какъ будто народъ немного стыдился, а чѣмъ ближе къ лѣту, тѣмъ чаще бѣгали въ «Хиву», какъ скотина на водопой. Нѣкоторые, впрочемъ, еще стѣснялись и объясняли похмелье нутромъ.

— Знаю я васъ, ворчалъ Гаврило Ермолаевъ.— Вся ваша болѣзнь, что съ похмелья подъ колѣнками вздыхать не даетъ...

Дачный городъ просыпался медленно. Первыми появлялись дворники съ метлами, потомъ выѣзжали заспанные извозчики, потомъ начинали шмыгать по тротуарамъ кухарки и горничныя, выѣзжали молочницы-чухонки, разносчики и т. д. Все приходило въ движеніе; начиналась дневная работа, и спали только дачные господа, поднимавшіеся къ одинадцати часамъ, когда камобойцы шабашили. Какъ жили эти господа — Гаврило Ермолаевъ рѣшительно не могъ себѣ представить. Откуда деньги берутся, чтобы такъ жить!.. Встанутъ въ одиннадцать часовъ, напьются кофію и поѣдутъ куда-то на службу, а барыни остаются дома. Въ садикѣ на площади появлялись няньки и мамки съ господскими ребятишками и прохлаждались до двѣнадцати часовъ. Этимъ ужъ совсѣмъ было не житье, а масляница. Кухарки еще какъ будто и работали, а эти ужъ прямо

Digitized by Google

безъ всякаго дѣла по саду гуляютъ. И жалованье какое у господъ обираютъ — не выговоришь сразу.

А всѣхъ мудренѣе жилъ баринъ, у котораго дача была напротивъ камобойцевъ. Дача была богатая, баринъ за квартиру платилъ въ годъ шесть тысячъ, и жилъ въ ней одинъ, какъ перстъ: ни жены, ни дѣтей, а только прислуга— швейцаръ, два лакея, два конюха, выѣздной кучеръ, кухарка и т. д. Самъ баринъ никуда не показывался и сидѣлъ круглый годъ въ своей комнатѣ. На дачу пріѣзжали только доктора — сегодня одинъ, завтра другой, послѣзавтра третій! Домъ стоялъ совсѣмъ мертвый, и только иногда въ окнѣ барскаго кабинета показывалось блѣдное и худое лицо съ рыжеватыми усами. Это и былъ самъ баринъ, скитавшійся въ своей квартирѣ какъ тѣнь. Камобойцы знали, что баринъ милліонщикъ и получаетъ въ годъ одного доходу больше шестисотъ тысячъ, что у него есть вездѣ имѣнія: на Волгѣ, подъ Москвой, на Кавказѣ, и что онъ лѣчится вотъ уже пятнадцать лѣтъ. Эти свѣдѣнія получались главнымъ образомъ черезъ кухарку Настю, бѣгавшую въ казарму къ Спиридоновнѣ.

Говорили, что баринъ получалъ дохода въ день близко двухъ тысячъ, чему Гаврило Ермолаевъ при всемъ желаніи не могъ повѣрить. Вѣдь это легко сказать: двѣ тысячи. За двѣ-то тысячи надо сто двадцать пять кубическихъ са-

Digitized by Google

женъ щебенки наколотить... Ариѳметика Гаврилы Ермолаева упиралась въ эту наглядную несообразность и не двигалась дальше. Таинственный милліонщикъ-баринъ занималъ воображеніе всѣхъ рабочихъ, какъ что-то ни съ чѣмъ несообразное.

Въ это утро кухарка Настя, когда шла изъ мелочной лавочки, завернула къ камобойцамъ, чтобы перекинуться словечкомъ. Ее такъ и тянуло къ Гаврилѣ Ермолаеву, воплощавшему въ себѣ деревню.

— А, сахарница, пошутилъ кто-то изъ камобойцевъ, когда Настя пробиралась межъ камней.—Смотри, ножку не зашиби...

— Отвяжитесь, черти! огрызалась Настя не безъ кокетства.—Стыда въ васъ нѣту...

Гаврило Ермолаевъ отнесся къ ней тоже довольно сурово и продолжалъ желѣзной балдой разбивать крупный камень.

— Охъ, и тяжелая ваша работа! пожалѣла Настя.—Нѣтъ ея хуже...

— Ничего, мы люди привышные, отвѣчалъ Гаврило Ермолаевъ, не оставляя работы.—Вотъ Спирька у меня жалуется...

— И то я смотрю на него: измотался мальчонко на работѣ. Въ чемъ душенька...

— Ничего, зима долгая, отдохнетъ...

— Ужо, я какъ-нибудь калачика принесу да вареной говядинки, участливо говорила Настя.— Малъ еще паренекъ-то...

Digitized by Google

Гаврило Ермолаевъ чувствовалъ, что Настя завернула не спроста, какъ и оказалось. Поговоривъ ни о чемъ, она указала головой на показавшагося на парадномъ крыльцѣ дачи швейцара и проговорила:

— Вотъ и змѣй нашъ проснулся... Тоже вылѣзъ дышать свѣжимъ воздухомъ. Растерзала бы я его...

— Обижаетъ?..

— Ну, гдѣ ему обидѣть меня, а только слова такія говоритъ... Вечеромъ я, грѣшнымъ дѣломъ, сболтнула, что, молъ, наши вытебскіе камобойцы-то, а онъ тоже вытебскій и навѣрно притащится къ вамъ. Вы ужъ ему, Гаврило Ермолаичъ, не вѣрьте, ни одному слову не вѣрьте, потому какъ во всемъ городѣ самый вредный человѣкъ...

VIII.

Швейцаръ Арсентичъ, высокій старикъ съ солдатскимъ лицомъ, стоялъ въ подъѣздѣ и покуривалъ коротенькую трубочку. Онъ сразу замѣтилъ среди камобойцевъ Настю и только улыбнулся.

— Ишь, куда хвостомъ подкинулась! ворчалъ онъ.—Тоже, канпанія, нечего сказать...

Онъ дождался, когда Настя пошла домой, и когда она подходила къ калиткѣ, крикнулъ ей:

— Настасьѣ Ивановнѣ, наше нижайшее...

Digitized by Google

Никакъ, вы нанялись въ камобойцы поступать? Даже очень превосходно...

— А васъ никто не спрашиваетъ, кажется? огрызнулась Настя. — Чѣмъ даромъ-то торчать въ дверяхъ, шли бы къ нимъ и подолбили для аппетиту..

— Покорнѣйше благодаримъ... Съ насъ и своей собачьей службы по горло довольно, да и годами мы не вышли.

Старикъ любилъ подразнить разбитную питерскую кухарку просто такъ, отъ нечего дѣлать. Все-таки маленькое развлеченіе, а то въ подъѣздѣ торчать идоломъ по цѣлымъ днямъ живому человѣку и надоѣстъ. Впрочемъ, они не всегда ссорились, а бывали и полосы перемирія, когда Настя чинила Арсентичу его бѣлье и, вообще, приводила въ порядокъ весь швейцарскій гардеробъ. Правда, что Арсентичъ не считалъ нужнымъ платить Настѣ за эти услуги и разсуждалъ такъ, что баба для того и сотворена, чтобы шить да кроить, чистить, убирать и наводить порядокъ. Взять кошку, и та сидитъ да лапой моется.

Витебскихъ камобойцевъ Арсентичъ видѣлъ давно, и ему хотѣлось съ ними познакомиться и поговорить о деревнѣ, но дѣло все какъ-то не выходило. Самому какъ то неловко итти къ нимъ и навязываться на знакомство. На что дворникъ Игнатій, кажется, не великъ человѣкъ, а и тотъ брезгуетъ съ мужланами заводоть знакомство. А хорошо бы про деревню поговорить, какъ у нихъ

Digitized by Google

тамъ и что. Тоже, не прежняя пора, чай, все по новому, а только вотъ мужички-то все такіе же сѣрые, какъ и прежде.

Воспользовавшись сведеннымъ Настей знакомствомъ, Арсентичъ послѣ нѣкотораго колебанія степенно направился къ камобойцамъ.

— Богъ помочь! поздоровался онъ.

— Милости просимъ! пригласилъ кто-то.— Вотъ садись на камушекъ, свѣсь ножки и будешь гость.

— И то присяду... Скоро работу свою кончите?

— Это ужъ какъ подрядчикъ, значитъ, Иванъ Семеновъ.

— Такъ, такъ... Натурально, что все отъ подрядчика.

Сначала Арсентичъ чувствовалъ себя немного неловко, и ему казалось, что молодые камобойцы смотрятъ на него улыбающимися глазами; а потомъ это прошло. Арсентичъ подѣлъ къ Гаврилѣ Ермолаеву и повелъ серьезный разговоръ.

— То-то я давно смотрю на васъ и все думаю: наши витебскіе! повторялъ онъ.—Наружность, значитъ, вся витебская... Я, вѣдь, тоже съ той стороны, только отбился отъ деревни и подверженъ сейчасъ городу вполнѣ. Въ деревнѣ-то у себя совсѣмъ чужой, а здѣсь свой...

Какъ ни старался Арсентичъ подладиться къ своимъ витебскимъ, изъ этого ничего не выходило, а Гаврило Ермолаевъ больше молчалъ, точно опасаясь новаго знакомства. Когда Арсентичъ

Digitized by Google

поднялся уходить, Гаврило Ермолаевъ не утерпѣлъ и спросилъ:

— Ну, а какъ у тебя баринъ-то?

— Что баринъ? Такой же человѣкъ какъ и мы съ тобой. И болѣзнь у насъ съ нимъ одна: несвареніе желудка. Такъ, размоложиваетъ себя, и больше ничего.

Такое объясненіе никого не удовлетворило, а Гаврило Ермолаевъ не сталъ распрашивать. Когда Арсентичъ ушелъ, кто-то сказалъ:

— Тоже, двадцать рубликовъ въ мѣсяцъ за свою-то болѣзнь получаетъ. Этакъ бы всякій хворалъ...

— Хвастаетъ, и больше ничего! замѣтилъ кто-то.—Туда же, болѣсть... Тоже какія деньги нужны, чтобы ее нажить.

Хвастовство Арсентича никому не понравилось, но онъ самъ по себѣ всѣхъ нитересовалъ, какъ человѣкъ который, вѣчно торчитъ у дверей настоящаго миліонщика.

Арсентичъ пришелъ и на слѣдующій день, и былъ уже проще. Гаврило Ермолаевъ сразу опредѣлилъ, что старикъ былъ „съ мухой". Это открытіе нисколько не огорчило Арсентича, и онъ объяснилъ Гаврилѣ Ермолаеву:

— Это вѣдь вамъ удивительно... А постой-ка самъ близко двадцать лѣтъ идоломъ, тогда и узнаешь, какъ человѣка одурь беретъ. У тебя антиресъ — побольше сработать... А мнѣ что: до смерти буду стоять на одномъ мѣстѣ. Тоже живой человѣкъ, и обидно сдѣлается...

Digitized by Google

Оказалось, что, получая двадцать рублей жалованья и буквально ничего не дѣлая, Арсентичъ былъ еще не доволенъ собственной судьбой.

— Экая невидаль—двадцать рублей! объяснялъ онъ.—А сколько другіе швейцары получаютъ? Напримѣръ, швейцаръ при клубѣ при хорошемъ ресторанѣ или у хорошихъ господъ... кто ни пріѣхалъ—швейцару сейчасъ двугривенный. Это на худой конецъ, а есть господа, которые меньше рублевой бумажки не даютъ.

— За что же это? недоумѣвалъ Гаврило Ермолаевъ.

— А такое положенье, потому какъ стыдно предъ другими настоящими господами, у которыхъ настоящій форцъ... Кабы я былъ бариномъ, меньше бы рублевой бумажки никому не давалъ, потому уважай меня. Да... у меня есть знакомые петербургскіе швейцары—вотъ тѣ получаютъ. Считай клубнаго швейцара: въ вечеръ сто гостей по гривеннику—десять рубликовъ. А тутъ еще праздничныя, да и по гривеннику даютъ самые прощалыги... Давно бы я бросилъ своего барина, да по человѣчеству жаль его, потому какъ у насъ съ нимъ одна болѣзнь.

Арсентичъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые цѣлую жизнь на что-нибудь жалуются и всѣмъ недовольны. Онъ долго сидѣлъ на камнѣ и высчитывалъ, сколько бы получилъ, если бы былъ швейцаромъ гдѣ-нибудь въ клубѣ или въ ресторанѣ. Другихъ рабочихъ это забавляло, а

Digitized by Google

Гаврило Ермолаевъ хмурился. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ, чего еще человѣку нужно? Кажется, и сытъ, и одѣтъ, и въ теплѣ сидитъ, и жалованье совсѣмъ даромъ получаетъ...

Съ этого дня Арсентичъ началъ захаживать почти каждый день. Придетъ, усядется на камушекъ и смотритъ, какъ другіе работаютъ. Гаврило Ермолаевъ замѣтилъ, что къ вечеру Арсентичъ дѣлался краснымъ и начиналъ какъ-то смѣшно мигать.

— Ты бы того... замѣтилъ разъ Гаврило Ермолаевъ.—Самый вредъ эта водка...

— А ежели мнѣ нельзя? оправдывался Арсентичъ. — Такое, значитъ, мое положенье... Стоишь стоишь, ну, и выпьешь грѣшнымъ дѣломъ со скуки. Я въ томъ родѣ, какъ дворовый песъ...

Выпивши, Арсентичъ непремѣнно начиналъ ругать Настю и по пути всѣхъ услужающихъ бабъ, до артельной стряпухи Спиридоновны включительно, которую называлъ Скапидаровной. Послѣднее вызывало неудержимый смѣхъ всѣхъ камобойцевъ каждый разъ.

— Такъ Скапидаровна? приставали къ Арсентичу.

—Какъ есть Скапидаровна... А наша Настя—прощалыга.

Старикъ начиналъ перечислять такія подробности кухарочной жизни, что всѣ рабочіе покатывались со смѣха.

Digitized by Google

— Ай-да дѣдушка, ловко!..

Арсентичъ блаженно улыбался и, поощренный успѣхомъ, начиналъ уже придумывать что нибудь смѣшное. Эти росказни хмѣльнаго старика нисколько не интересовали Гаврилу Ермолаева, и ему даже дѣлалось обидно, зачѣмъ онъ разыгрываетъ шута гороховаго. Вотъ другое дѣло, когда Арсентичъ начиналъ разсказывать про своего барина. Тутъ все было любопытно. Оказывалось, что баринъ держитъ двухъ поваровъ, кухарку и кухоннаго мужика, а самъ ничего ѣсть не можетъ.

— Какая у нашего барина ѣда? вставятъ ему въ ротъ трубочку да по трубочкѣ и толкаютъ въ горло кашку. При его-то капиталѣ птичьимъ молокомъ можетъ воспитываться.

— Для чего же двухъ поваровъ держите? не понималъ Гаврило Ермолаевъ.—Кашу-то и Настя могла сварить... Не велика мудрость.

— Да вѣдь докторская каша-то... Значитъ, по рецепту дѣлается, какъ лѣкарство въ аптекѣ.

Дальше оказалось, что баринъ вотъ уже пятый годъ, какъ совсѣмъ не выходитъ изъ комнаты, потому что боится простуды. Вообще, получалось совсѣмъ что-то непонятное и ни съ чѣмъ несообразное.

— Что же онъ дѣлаетъ? спрашивалъ Гаврило Ермолаевъ.—Деньги, поди, считаетъ?

— Ну, этимъ господа не занимаются. Для этого самаго дѣла, чтобы деньги считать, при-

Digitized by Google

ставлены вотъ какія персоны: и главный управляющій, юрисконсультъ, и довѣренный...

— Значитъ, кругомъ обманываютъ барина-то?

— Не безъ грѣха дѣло. У хлѣба не безъ крохъ. Ну, да у насъ про всѣхъ хватитъ, славу Богу.

Таинственный милліонщикъ - баринъ, питавшійся черезъ трубочку, казался Гаврилѣ Ермолаеву какимъ-то миѳическамъ существомъ, о какихъ разсказывается только въ сказкахъ. Даже по ночамъ Гаврило Ермолаевъ часто думалъ о немъ и ничего не могъ понять, что къ чему и какъ. Кажется, человѣку ужъ все дадено, а онъ живетъ у себя въ дому, какъ въ лазаретѣ. Самъ Гаврило Ермолаевъ никогда и ничѣмъ не былъ боленъ, поэтому какое-то „несвареніе желудка“ для него являлось неразрѣшимой загадкой.

Разъ вечеромъ выпившій Арсентичъ пришелъ въ казарму и ужиналъ вмѣстѣ съ камобойцами.

— Вотъ это настоящая наша крестьянская пища, похваливалъ онъ горячія щи изъ солонины. Не то, что барскіе разносолы...

— А ты кашу, Арсентичъ, попробуй, угощали рабочіе.—Скапидаровна ужъ для тебя постарется...

— Можно и каши, потому каша не деревянный клинъ,—брюха не расколетъ, шутилъ Арсентичъ.

Послѣ ужина старикъ долго сидѣлъ на завалинкѣ съ Гаврилой Ермолаевымъ и все толковалъ о деревнѣ и деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

Digitized by Google

— Уйду я въ деревню, повторялъ онъ.—Что мнѣ городъ? Наплевать.. Конечно, у меня, примѣрно, трое сапогъ, два сертука, четыре жилетки, двое штановъ—оно лестно, у кого этой сласти нѣтъ. А вѣдь я двоихъ штановъ не надѣну на себя, Гаврило Ермолаичъ?

— Ужъ это обыкновенно...

— И ѣды у меня настоящей тоже нѣтъ... Такъ, для видимости, чего нибудь похлебаешь. Только все это ненастоящее...

— Тяжело покажется въ деревнѣ-то... Отвыкъ ты, Арсентичъ!

— Ничего, опять привыкнемъ помаленьку. Будетъ,—наболтались... Какъ-то лежу и думаю: что есть я за человѣкъ? Разберика-ка!.. И даже совсѣмъ не человѣкъ, а просто швейцаръ... Это только со стороны кажется такъ: и харчъ, и тепло, и одѣтъ. А къ чему? много ли одному-то персоналу нужно?.. Я такъ думаю, что въ церковные сторожа пойду. Будетъ для своей мамоны работать, пора и о душѣ подумать...

Гаврило Ермолаевъ не вѣрилъ этимъ разговорамъ о деревнѣ, потому что Арсентичъ былъ вдвойнѣ ушибленный человѣкъ — и городомъ ушибся и кабакомъ. Такъ пустыя слова разговариваетъ.

Одного не зналъ деревенскій человѣкъ, Гаврило Ермолаевъ, что въ словахъ Арсентича было много правды: деревенская душа, дѣйствительно, тосковала на чужой сторонѣ, и что поэтому къ нему такъ и льнули и кухарка Настя,

Digitized by Google

и швейцаръ Арсентичъ. Кстати, Арсентичъ ругалъ Спиридоновну только за глаза, а на людяхъ оказывалъ ей всякое почтеніе. Спиридоновна, конечно, знала, какъ пьяный Арсентичъ золотитъ ее подъ пьяную руку; но не ставила каждое слово въ строку, да и брань, особенно заочная, на вороту не виснетъ. Спиридоновна даже называла Арсентича кумомъ.

— Ну, кумъ—большая родня, садись ужинать...

— И то, кума, поужинаемъ, соглашался Арсентичъ.

IX.

А блѣдный баринъ продолжалъ каждое утро появляться у окна и подолгу наблюдалъ за камобойцами. Свои ночи онъ проводилъ безъ сна, сидя въ какомъ-то мудреномъ креслѣ, въ которомъ для каждаго положенія было устроено спеціальное приспособленіе. Это кресло было заказано по особымъ рисункамъ въ Англіи и стоило чуть не тысячу рублей; но и въ этомъ мудреномъ креслѣ баринъ не находилъ того простого сна, какимъ спали у него на глазахъ камобойцы. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда рабочіе появлялись на площади и начинали долбить желѣзными молотами камень. Иногда подъ этотъ клекотъ мѣрныхъ ударовъ у него являлось желаніе заснуть, и онъ почти испытывалъ бла-

Digitized by Google

женное состояніе засыпающаго человѣка, прислушиваясь къ этимъ ударамъ. Ахъ, какіе они счастливые, вотъ эти камобойцы, которые могли такъ крѣпко спать прямо на голой землѣ, положивъ въ головы камень... Въ восемь часовъ они дѣлали передышку, вынимали что то изъ грязныхъ узелковъ и ѣли съ такимъ завиднымъ аппетитомъ. Боже мой, чего бы онъ на далъ, если бы хоть разъ испытать вотъ именно такой аппетитъ!

Чѣмъ былъ боленъ блѣдный баринъ, не могли опредѣлить никакія медицинскія свѣтила. Всѣ послѣднія слова науки были испытаны, всѣ средства, способы и методы примѣнены, а больной блѣдный баринъ продолжалъ оставаться въ прежнемъ положеніи. Его жизнь была размѣрена по всевозможнымъ графамъ, клѣточкамъ и схемамъ. Десятки разъ измѣрялась ежедневно температура, дѣятельность сердца провѣрялась сфигмографомъ, всѣ выдѣленія подвергались самому точному и сложному анализу, за цѣлый рядъ лѣтъ велся спеціальный журналъ паденія и повышенія въ вѣсѣ, заносилось въ другой журналъ количество дыханій и т. д. Каждое новое открытіе медицинской науки примѣнялось немедленно и служило источникомъ новыхъ мученій. И всѣ было напрасно... Неизвѣстная болѣзнь упорно противостояла противъ всѣхъ ухищреній, и блѣдный баринъ изо дня въ день переживалъ самое мучительное состояніе.

Digitized by Google

Всего мучительнѣе были ночи, когда все кругомъ засыпало, и водворялась тишина. Время тянулось такъ медленно... А въ это время спали и камобойцы, и лишенные столицы, и нищіе, и тѣ несчастные счастливцы, которые не знали, чѣмъ будутъ сыты завтра. И какъ онъ радовался, когда ночное небо дѣлалось сѣрымъ, на востокѣ появлялись отбѣли и недавно безжизненное небо загоралось наливавшимся розовымъ свѣтомъ. Онъ боялся этого молчанія ночи, боялся ея молчаливой темноты, и былъ счастливъ, когда начиналось пробужденіе. Намученное воображеніе точно хваталось за каждый живой звукъ и за каждую живую краску. Никто въ городѣ не зналъ такъ хорошо этого момента пробужденія. Когда рабочіе появлялись на площади—это былъ уже день, живой рабочій день, и блѣдный человѣкъ начиналъ чувствовать, что и онъ тоже какъ будто начинаетъ жить какой-то отраженной жизнью. Въ бинокль онъ изучилъ лицо каждаго камобойца, зналъ на перечетъ всѣхъ пропойцъ, томившихся вѣчной жаждой у гостепріимныхъ дверей „Хивы"; выучилъ часы, когда появлялись разнощики, смѣнялись на углу городовые и т. д., и т. д.

Нѣтъ такого сквернаго положенія, у котораго не было бы еще худшаго. У блѣднаго барина бывали совсѣмъ скверные дни, о чемъ зналъ только жившій постоянно при немъ док-

Digitized by Google

торъ. Вотъ именно въ одинъ изъ такихъ скверныхъ дней, когда былъ созванъ экстренный консиліумъ, блѣдный баринъ съ утра стоялъ у своего окна и смотрѣлъ на площадь. Онъ держался за косякъ, когда подъѣзжалъ экипажъ съ какой-нибудь медицинской знаменитостью. О, онъ зналъ хорошо ихъ всѣхъ, зналъ впередъ, что они скажутъ, и былъ убѣжденъ, что изъ этого рѣшительно ничего не выйдетъ. На такихъ консиліумахъ съѣхавшіеся коллеги какъ-то забывали о больномъ, отстаивая свое мнѣніе, и онъ это чувствовалъ. Такъ было и сегодня.

Воспользовавшись моментомъ, когда ученые мужи забыли о немъ, блѣдный баринъ послалъ за Арсентичемъ. Старикъ прибѣжалъ съ встревоженнымъ лицомъ. Баринъ вызывалъ его чрезвычайно рѣдко. Посмотрѣвъ на вѣрнаго слугу онъ проговорилъ:

— Вчера ты, кажется, былъ пьянъ, Арсентичъ?

— Помилуйте, баринъ, да я... кажется ужъ, стараюсь.

— А отъ чего у тебя носъ красный и глаза мутные? Ну, да это все равно.

Баринъ подвелъ Арсентича къ окну, показалъ на камобойцевъ и проговорилъ:

— Ты видишь этихъ людей?

— Точно такъ, баринъ...

— Я видѣлъ, какъ ты ходилъ къ нимъ. Что они сейчасъ дѣлаютъ?

Digitized by Google

— А закусываютъ, баринъ.

— И, вѣроятно, что-нибудь очень вкусное?

— Ржаной хлѣбецъ закусываютъ...

Блѣдному барину ужасно понравилось и самое слово „ржаной хлѣбецъ“ и тонъ, какимъ Арсентичъ это проговорилъ. Получалось что-то необыкновенно вкусное... Оглянувшись, онъ проговорилъ:

— Арсентичъ, иди сейчасъ же къ камобойцамъ... да... вонъ видишь, высокій старикъ на камнѣ сидитъ и такъ аппетитно закусываетъ?

— Точно такъ-съ, Гаврило Ермолаевъ...

— Купи у него ломоть хлѣба... да... и принеси соли... въ тряпочкѣ какъ у него.

— Слушаю-съ, ссею минуту...

— А это отдай ему...

Баринъ какъ-то конфузливо сунулъ въ руку Арсентича десятирублевую ассигнацію и проговорилъ:

— Да чтобы никто тебя не видалъ...

— Не безпокойтесь, въ лучшемъ видѣ...

Старикъ безъ шапки побѣжалъ на площадь. Гаврило Ермолаевъ былъ удивленъ, когда Арсентичъ попросилъ у него ломоть чернаго хлѣба и соли въ тряпочкѣ, и удивился еще больше, когда Арсентичъ заплатилъ ему рубль.

— За што же это рубль-то?

— А ты бери, когда даютъ...

— Не стало, развѣ, у васъ хлѣба-то?

Digitized by Google

— Ничего ты не понимаешь... Барину захотѣлось отвѣдать вашего мужицкаго хлѣбца— вотъ и весь разговоръ. Вонъ онъ стоитъ и въ окошко поглядываетъ. Значитъ для аппетиту...

Возвращаясь Арсентичъ обругалъ самого себя, что второпяхъ далъ маху и отвалилъ мужлану цѣлый рубль. Положимъ, онъ нажилъ 9 рублей, а все-таки за глаза было бы дать двугривенный. Проворонилъ восемь гривенъ... Ахъ, старый дуракъ!..

Баринъ едва дождался „ржаного хлѣбца“ и взялъ его дрожащими отъ волненія руками.

— Покушайте, баринъ во здравіе! говорилъ Арсентичъ. — Вотъ даже какъ будетъ превосходно. Не даромъ и пословица говорится: „ржаной хлѣбушко московскому калачу дѣдушка“..

Баринъ, однако, не сразу рѣшился отвѣдать этого „дѣдушки“ и долго и внимательно разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Въ это время у Арсентича явился новый планъ, чтобы наверстать восемь гривенъ. Старикъ, оглядѣвшись, проговорилъ какимъ то сипомъ:

— Баринъ, а я вамъ изъ казармы отъ камобойцевъ штецъ горяченькихъ принесу... Тоже превосходно будетъ. Кухарка у меня тамъ знакомая, Спиридоновной звать. Она ужъ вотъ какъ можетъ потрафить подъ господскій апетитъ... Прямо сказать—стрѣла, а не баба.

Digitized by Google

Эта мысль очень понравилась блѣдному барину, и онъ проговорилъ какъ-то по-дѣтски:

— Только въ горшкѣ принеси... понимаешь? И чтобы крашеная деревянная ложка...

— Да ужъ я постараюсь...

Въ этотъ моментъ послышались шаги, и Арсентичъ исчезъ.

— Можно къ вамъ? спрашивалъ за дверями докторскій голосъ.

— Я сейчасъ... испуганно отвѣтилъ блѣдный баринъ, пряча ломоть хлѣба въ футляръ съ электрической машиной.

Полученныя совершенно даромъ деньги нарушили душевное равновѣсіе Арсентича. Ежели за ломоть хлѣба баринъ отвалилъ красненькую, такъ за горшокъ щей, пожалуй, и весь четвертной билетъ можно сорвать... Да еще крутой пшенной каши горшокъ, да деревянная ложка,— ариѳметика Арсентича дошла чуть не до ста рублей.

Когда доктора уѣхали, онъ сейчасъ же полетѣлъ въ казарму, пока рабочіе не слопали всѣхъ щей Дорогой у него явился новый планъ, именно, вылѣчить барина. И даже очень просто... Развѣ доктора могутъ что-нибудь понимать? Только и умѣютъ драть деньги... Заграничному-то доктору пять тысячъ по условію было дадено, да на барскій счетъ дорога туда и обратно, да харчи, да подвода, да еще благодарность. А можетъ, и средство-то самое про-

Digitized by Google

стое: похлебаетъ горяченькихъ штецъ, закуситъ ржаного хлѣбца—вотъ и начнетъ поманивать каждый день на ѣду. А будетъ ѣда—будетъ и сонъ. А вылѣчится баринъ и наградитъ его, Арсентича, по-барски. Что ему стоитъ тыщу рублей отвалить—плевое дѣло. На, Арсентичъ, за милую душу... Арсентичъ даже слышалъ собственный отвѣтъ: „Помилуйте, баринъ, для чего мнѣ ваши тысячи... Я такъ, по человѣчеству пожалѣлъ васъ, а не то, чтобы изъ-за денегъ. Упаси, Боже“... Благодаря своему швейцарскому одиночеству и потайному запою, у Арсентича часто разыгрывалась фантазія, и онъ видѣлъ радужные сны на яву.

Горшокъ горячихъ щей и горшокъ съ кашей появились въ швейцарской, и Арсентичъ, выждавъ, когда докторъ отправился завтракать въ столовую, пробрался къ барину въ кабинетъ. Пока баринъ разсматривалъ принесенные горшки и новенькую деревянную ложку, Арсентичъ торопливо говорилъ:

— Вѣдь какіе случаи бываютъ, баринъ... Ей-Богу!.. У меня былъ знакомый чиновникъ, и заболи у него, грѣшнымъ дѣломъ, нога... Да... Ну, онъ сейчасъ въ клинику. Дѣло въ Питерѣ было. Доктора осмотрѣли его и говорятъ: „У васъ на ногѣ растяженіе связокъ“. Ну, положили его, ногу забинтовали и прочее. Лежитъ мой чиновникъ недѣлю, лежитъ другую, третью,— всѣ шесть недѣль вылежалъ, а легче все нѣтъ.

Digitized by Google

Только на его счастье назначили новаго фершала, ну, тотъ и пожалѣлъ моего чиновника. „Вы, гритъ, давно лежите? Шесть недѣль? Очень напрасно. И еще шесть недѣль пролежите, а толку не будетъ. Вы, гритъ, выпишитесь изъ клиники; а я васъ на дому живой рукой вылѣчу“. И что же бы вы думали! Дѣйствительно, выписался мой чиновникъ изъ клиники, приходитъ къ нему фершалъ на домъ, осмотрѣлъ его и говоритъ: „А раскройте-ка ротъ?“ Тотъ какъ раскрылъ ротъ, фершалъ и говоритъ: „Да никакого растяженія связокъ у васъ нѣтъ, а просто у васъ растетъ зубъ мудрости“... Ей-Богу, баринъ! Въ два дня фершалъ поставилъ чиновника на ноги...

Увлекшись своимъ разсказомъ, Арсентичъ совсѣмъ не слыхалъ, какъ въ дверяхъ появился докторъ. Онъ спокойно выслушалъ Арсентича до конца, а потомъ вытолкалъ его изъ кабинета.

— Онъ мнѣ принесъ какую-то ужасную гадость... жаловался блѣдный баринъ, боявшійся своего доктора.

Арсентичъ едва не лишился мѣста.

— Я тебѣ покажу такой зубъ мудрости! говорилъ докторъ, грозя внушительно пальцемъ.— Понимаешь?

Арсентичъ поникъ головой. Онъ понималъ только одно, что доктора рѣшили залѣчить барина въ конецъ.

Digitized by Google

X.

Камобойцы работали уже мѣсяца три и помаленьку прижились въ своемъ новомъ положеніи, какъ приживались и всѣ другіе — огородники, капорки, тряпичники. Выходило такъ, что свалка точно соединяла всѣхъ. Мало-по-малу все, что ютилось около нея, перезнакомилось между собой, и завязались извѣстныя отношенія. По вечерамъ, когда капорки поливали капусту, слышались далеко ихъ пѣсни, а на ягодникѣ пѣли еще лучше.

— Экъ ихъ взяло!.. ворчалъ Гаврило Ермолаевъ Не знаю, о чемъ воютъ.

Молодые рабочіе думали иначе. Которые были побойчѣе, пробовали заходить на огороды; но оттуда ихъ неистово гнали огородники, да и бабы поднимали на смѣхъ.

— Ахъ, вы, лапотники, несчастные!.. Ступайте къ своимъ лапотницамъ...

Вопросъ объ обуви для пришлыхъ рабочихъ являлся роковымъ, особенно для молодыхъ. Въ городѣ-то всѣ въ сапогахъ ходятъ, самые распослѣдніе люди. Изъ-за сапогъ у Гаврилы Ермолаева вышла цѣлая исторія. Смирный и послушный парень Петрунька вдругъ забунтовалъ: подавай ему сапоги—и конецъ дѣлу! Да еще сапоги непремѣнно съ наборомъ, какъ у зеленщика Петьки.

— Я тебѣ покажу такіе сапоги съ наборомъ,

Digitized by Google

что до свѣжихъ вѣниковъ не забудешь! оралъ разсвирѣпѣвшій Гаврило Ермолаевъ.—Съ жиру бѣситесь.

Старикъ неистово ругался и даже хотѣлъ побить непокорнаго сына, но во-время остановился, потому что не встрѣтилъ поддержки со стороны большака Степана, на которую разсчитывалъ. Степанъ молчалъ, дѣлая политичный видъ, что ничего не видитъ и не слышетъ. Сколько Гаврило Ермолаевъ ни бунтовалъ, а пришлось уступить, и онъ выбросилъ непокорному сыну цѣлыхъ три рубля.

— На, подавись! ворчалъ онъ.—Вотъ надѣнешь новые сапоги, да въ трактиръ... Окромя трактира куды тебѣ въ сапогахъ итти?

Это случайное предсказаніе оказалось вѣрнымъ. Петрунька, дѣйствительно, забрался въ новыхъ сапогахъ въ трактиръ, вмѣстѣ съ большакомъ Степаномъ.

— Родитель-то ловко всѣ наши денежки обираетъ, жаловался Степанъ. — На него, выходитъ, работаемъ... Другіе-то все сами получаютъ, а только мы одни каторжные...

Петрунька молчалъ. Онъ былъ счастливъ, что добился, наконецъ, желанныхъ сапогъ, и о большемъ не мечталъ. Въ немъ еще сохранялся страхъ къ отцу, воспитанный съ дѣтства. Гаврило Ермолаевъ строго держалъ семью и никому повадки не давалъ. Слова Степана даже испугали Петруньку. Чего добраго, если Степанъ поднимется, вся семья можетъ нарушиться.

Digitized by Google

Обстоятельный и трезвый мужикъ Степанъ точно раскололся. Онъ спросилъ водки, а потомъ пива. Петрунька окончательно испугался, потому что все это вышло изъ-за его сапогъ.

— Нѣтъ, будетъ! Шабашъ... повторялъ захмелѣвшій Степанъ, дѣлая невѣрные жесты руками.—А гдѣ мое? Родителя мы должны почитать... да... А гдѣ мои деньги? Хе-хе... это тоже не модель. Мнѣ чужого не надо, а мое не тронь... Будемъ говорить правильно. Не одни мы работаемъ... Вонъ какую взбучу поднялъ родитель изъ-за сапоговъ. Сапоги—плевать, а надо и уваженіе сдѣлать...

Дѣло было въ праздникъ. Въ «Хивѣ» были и другіе рабочіе изъ казармы, которые слышали, что говорилъ Степанъ, и всѣ были на его сторонѣ.

— Это въ допрежнія времена было, Степанъ, штобы родители верховодили всѣмъ, а теперь и на родителей узда есть... Позвольте, съ какой стати мои кровныя денежки забрать? Можетъ, у меня своя семья есть... жена тамъ...

— Вотъ, вотъ!.. поддакивалъ Степанъ.

Гаврило Ермолаевъ видѣлъ, что Степанъ вернулся вечеромъ въ казарму на-веселѣ, но ничего не сказалъ, хотя и былъ огорченъ до глубины души. Петрунька имѣлъ виноватый видъ и сейчасъ же завалился спать. Степанъ долго сидѣлъ на завалинкѣ, гдѣ зеленщикъ Петька игралъ на гармоникѣ, и все сердился,

Digitized by Google

пока не пришла Спиридоновна и не увела его спать.

— Иди, иди, непутевый! уговаривала она.— Съ чего намокъ-то? Совсѣмъ это непохоже для тебя... Иди, Степанушко, проспись!

Этотъ ласковый бабій уговоръ подѣйствовалъ на Степана какъ-то изнемогающе, и Степанъ неожиданно для самого себя расплакался.

— Ахъ, Спиридоновна... Да ежели-бы... а-ахъ!..

— Ну, ну, иди!.. Мало ли что бываетъ, да только не всякій бы видѣлъ и слышалъ.

— Ахъ, Спиридоновна...

Артельная кухарка уже давно замѣтила начинавшіеся нелады въ семьѣ Гаврилы Ермолаева, чего еще никто не подозрѣвалъ. Петрунькины сапоги явились только поводомъ, чтобы все накопившееся вылилось наружу разомъ. Спиридоновнѣ со стороны было больно смотрѣть на этотъ нароставшій семейный разладъ, а главное, ей жаль было справнаго мужика Степана. Тоже, вѣдь, своя семья есть, ну, человѣкъ и думаетъ. Старикъ-то строжится ужъ очень и на деньги крѣпокъ даже черезъ мѣру. Мысли Степана Спиридоновнѣ были и ясны, и близки, и пришлись къ сердцу. Поди-ка, жена-то вотъ какъ тамъ его ждетъ въ своей деревнѣ, всѣ дни по пальцамъ пересчитала.

Гаврило Ермолаевъ видѣлъ, какъ Спиридоновна уговаривала Степана, и притворялся, что

Digitized by Google

спитъ. И что только сдѣлалось съ мужикомъ? Вотъ тебѣ и надежный сынъ... Въ довольно смутной формѣ Гаврило Ермолаевъ начиналъ догадываться, о чемъ молчитъ Степанъ, но отгонялъ эту мысль отъ себя. Онъ то для кого старается на старости лѣтъ?

Гаврилѣ Ермолаеву не спалось всю ночь. Онъ все думалъ и передумывалъ о Степанѣ, что попритчилось съ мужикомъ, пока не рѣшилъ, что это дѣло не спроста, и что Степанъ дѣйствуетъ по чьему нибудь стороннему наущенію. Мало ли добрыхъ людей на бѣломъ свѣтѣ, какъ разъ доброму научатъ... И зеленщикъ Петька, и Спиридоновна, и швейцаръ Арсентичъ, и Физикъ съ Химикомъ—мало ли ихъ наберется, ежели всѣхъ считать! Вотъ мужикъ и задурилъ...

— Охъ, проклятая чужая сторона! ругался про себя Гаврило Ермолаевъ, перебравъ всѣхъ виноватыхъ.—Чтобы ей ни дна, ни покрышки!..

На утро Степанъ поднялся съ головной болью и не сразу могъ сообразить, какъ и что вышло. Кабы не Спиридоновна, такъ, пожалуй, и съ отцомъ бы поругался. Степану было и совѣстно, и какъ-то обидно. Конечно, не хорошо пить водку и пиво въ «Хивѣ», а тоже нехорошо и деньги забирать за чужую работу. Нѣту такого указу, хотя и родной отецъ.

Передъ уходомъ на работу Спиридоновна поманила Степана къ себѣ въ каморку и, подавая рюмку водки, проговорила:

Digitized by Google

— Вотъ опохмелься, чтобы не сосало; а въ „Хиву“ не ходи и съ отцомъ не ссорься.

— Не хочу... на-отрѣзъ отказался Степанъ. Такъ, была одна глупость, а тебѣ спасибо на добромъ словѣ. Ужо, изъ деревни гостинца пришлю, а здѣсь у самого ничего нѣтъ.

— Ладно, ладно, не надо мнѣ вашихъ гостинцевъ, обидилась Спиридоновна. — И безъ нихъ проживемъ...

Вся семья работала попрежнему, но не было прежняго духа въ этой работѣ. Выходило то, да не то, и надъ головами работавшихъ точно носилось что-то недосказанное. Гаврило Ермолаевъ и обыкновенно не отличался особенной разговорчивостью, а тутъ и совсѣмъ замолчалъ. По цѣлымъ днямъ онъ не говорилъ съ своими ни одного слова. Когда приходилъ къ камобойцамъ пьяный Арсентичъ, старикъ встрѣчалъ его довольно сурово.

— Чего тебѣ тутъ задарма торчать-то? Шелъ бы въ „Хиву“, — тамъ вашего брата достаточно всякихъ народовъ... Одно у всѣхъ ремесло.

Арсентичъ не понималъ, что эти слова относились къ Степану, обидился и пересталъ ходить.

— Мужикъ, такъ мужикъ и есть, ворчалъ онъ: никакого обращенія не понимаетъ... Только напрасно тогда ему рубль стравилъ.

Настя тоже пробовала завернуть раза два,

Digitized by Google

но поняла раньше Арсентича, что теперь не время, и больше не показывалась. Малышъ Спирька продолжалъ хирѣть, и Гаврило Ермолаевъ разъ купилъ ему калачъ и сказалъ:

— На, поѣшь калачика... Можетъ, и полегчаетъ.

Издержанныя на калачъ три копейки являлись уже большой жертвой, но Гаврило Ермолаевъ хотѣлъ показать Степану и Петрунькѣ, что для родни ничего не жалѣетъ.

— Не въ трактиръ деньги дадены, ворчалъ онъ такъ, чтобы сыновья слышали.

Какъ отецъ и сынъ ни старались избѣжать столкновенія, но оно произошло именно изъ-за этой трехкопеечной булки. Степанъ слышалъ, что сказалъ отецъ о трактирѣ, и неожиданно для всѣхъ отвѣтилъ:

— Что же, трактиръ? Ежели которые на свои деньги выпьютъ, такъ не велика бѣда... И даже очень просто!..

Работавшая артель продолжала свое дѣло, хотя всѣ и понимали, что будетъ гроза.

— Какія это свои-то деньги бываютъ, любопытно-бы поглядѣть, отвѣтилъ Гаврило Ермолаевъ.

— А вотъ такія... отвѣтилъ Степанъ съ наростав шей грубостью въ голосѣ:—тѣ самыя, которыя ты къ себѣ въ карманъ кладешь.

— А ты у меня считалъ въ карманѣ?

— Считать не считалъ, а около того...

Digitized by Google

Однимъ словомъ, родитель, надо намъ раздѣлиться—и все тутъ.

Молоты камобойцевъ замерли въ ожиданіи отвѣта Гаврилы Ермолаева. Старикъ поднялся и, приложивъ руку къ груди, проговорилъ задыхавшимся голосомъ:

— Да ты, Степанъ, съ кѣмъ разговариваешь-то?..

— А съ тобой... Вотъ ты Спирькѣ купилъ хоть калачикъ, а намъ съ Петрунькой и того нѣтъ. Вотъ это самое...

Гаврило Ермолаевъ поблѣднѣлъ. У него передъ глазами заходили круги. Ежели спустить Степану, такъ съ остальными ужъ совсѣмъ никакого сладу не будетъ въ конецъ.

Степанъ тоже поднялся. Отецъ и сынъ стояли другъ противъ друга съ тяжелыми молотами въ рукахъ, блѣдные, задыхающіеся. Гаврило Ермолаевъ сдѣлалъ впередъ первый шагъ.

— Родитель, оставь!.. глухо проговорилъ Степанъ. — Не прежняя пора... Тебѣ дѣло говорятъ.

— Ты... ты... ты... какъ-то зарычалъ Гаврило Ермолаевъ и бросился на Степана.

Онъ сбилъ его съ ногъ и принялся таскать за волосы. Степанъ не сопротивлялся, а только защищалъ лицо руками и повторялъ:

— А все-таки... отдай мои деньги! Отдай... отдай!..

Сидѣвшій на крылечкѣ швейцаръ Арсентичъ

Digitized by Google

видѣлъ эту сцену и бросился разнимать, хотя билъ одинъ Гаврило Ермолаевъ.

— Братцы, перестаньте! кричалъ Арсентичъ.— Ахъ, не хорошо!.. Баринъ-то вонъ у окна стоитъ и все видитъ. Ахъ, не хорошо!..

Гаврило Ермолаевъ опомнился и оставилъ валявшагося на землѣ Степана. Послѣдній, поднимаясь съ земли и оправляя сбившуюся рубаху, съ чисто отцовскимъ упрямствомъ проговорилъ:

— А ты, родитель, деньги-то все-таки отдай!..

XI.

Въ этомъ семейномъ раздорѣ самое живое участіе приняли Настя и Спиридоновна. Настя видѣла драку и разсказывала о ней съ надлежащими прикрасами.

— Охъ, и глядѣть-то была одна страсть... Стоятъ одинъ противъ другого, трясутся, а въ рукахъ тяжеленные молота,—вотъ-вотъ который котораго треснетъ. Хорошо еще, что подвернулся во-время нашъ Арсентичъ и разнялъ.

— Извѣстно, мужики разстервенятся и себя не помнятъ, прибавляла отъ себя Спиридоновна, качая головой.—Наглядѣлась я на ихнія-то драки достаточно... Воскресенья не проходитъ у насъ безъ драки. Напьются и сейчасъ драка.

Спиридоновна отъ души жалѣла Степана и уговаривала его не вздорить съ отцомъ.

Digitized by Google

— Часъ терпѣть—вѣкъ жить, Степанушка. А вернетесь въ деревню, все и наладится по хорошему. Въ деревнѣ-то нечего будетъ дѣлить... Петровъ день на дворѣ, а тамъ послѣ Успленьева дня и до Покрова рукой подать.

Степанъ выслушивалъ эти уговоры молча и ничего не отвѣчалъ. Мужицкая обида тяжелая и камнемъ садится на самое дно. За что его билъ отецъ? У Степана была теперь одна мысль: какъ только вернутся домой—сейчасъ раздѣлъ. И жена вотъ какъ будетъ рада. А то этому концакрая не будетъ Поработано было на родительскій домъ вполнѣ достаточно. Не прежняя пора, чтобы до смерти вытягиваться въ чужую кожу,—пора и своимъ умомъ жить.

Настя, съ своей стороны, уговаривала Петруньку.

— Все дѣло изъ-за твоихъ сапоговъ вышло, напѣвала она.—Ишь, щеголь какой выискался... Изъ-за тебя и Степанъ поднялся на дыбы.

— Степанъ самъ по себѣ, оправдывался Петрунька.—Онъ и меня подбиваетъ.

— Ну, это онъ напрасно. Твое дѣло еще совсѣмъ не велико... Что отецъ хочетъ, то съ тобой и дѣлаетъ. Не великъ ты еще въ перьяхъ и изъ родительской воли не долженъ выходить.

Гаврило Ермолаевъ видѣлъ, какъ бабы шушукаются съ его сыновьями, и рѣшилъ, что это ихъ дѣло. Извѣстно, баба всегда смуту

Digitized by Google

такую разведетъ, что святыхъ вонъ выноси. Старикъ особенно озлобился на Спиридоновну, которая растравляла Степана у всѣхъ на глазахъ. У Гаврилы Ермолаева сердце кипѣло на проклятущихъ разстройщицъ бабешекъ, и онъ отворачивался, когда мимо проходила Спиридоновна. Такъ бы ее и саданулъ кулакомъ въ жирный бокъ. На чувствуй!".. Но этимъ дѣло не ограничилась. Бабье коварство пошло дальше. Какъ-то въ казарму завернулъ подрядчикъ Иванъ Семеновъ. По обыкновенію, онъ поругался со Спиридоновной, потомъ обругалъпо пути еще человѣкъ трехъ и подъ конецъ обратился къ Гаврилѣ Ермолаеву:

— Мнѣ съ тобой поговорить надо, милый человѣкъ.

— „Ну, такъ и есть: натравили бабешки Ивана Семенова", подумалъ Гаврило Ермолаевъ, знавшій впередъ, о чемъ Иванъ Семеновъ поведетъ свой разговоръ.

— Да, такъ, значитъ, того, мялся Иванъ Семеновъ, шмыгая глазами по сторонамъ.—Вообще, Гаврило Ермолаевъ, я вполнѣ на тебя надѣялся, а ты какъ себя оправдалъ? Можно сказать, даже совсѣмъ подвелъ .. Я-то тебя въ примѣръ всѣмъ другимъ ставилъ. Вотъ, молъ, какой обстоятельный человѣкъ Гаврило Ермолаевъ, вполнѣ правильный... да... А ты драку завелъ прямо на площади. Хорошо еще, что городовой не видалъ, а то сейчасъ протоколъ,

Digitized by Google

въ полицію, къ судьѣ, на высидку... Это какъ по-твоему?

— Грѣхъ попуталъ, Иванъ Семеновъ.

— То-то, грѣхъ... Вѣдь здѣсь не деревня, чтобы на улицѣ драться. Да и грѣхъ-то вашъ въ карманѣ. Жадность васъ одолѣваетъ... А того, не думаете, что деньги тоже къ рукамъ. Охъ, умѣючи надо съ ними дѣло имѣть. Кажется чего проще: получилъ деньги, положилъ въ карманъ—и все тутъ. Нѣ-ѣтъ, милый человѣкъ... Другая денежка то вотъ какая зубастая попадется. Пожалуй, вотъ какую дыру въ карманѣ-то проѣстъ... Такъ-то, милый человѣкъ!

Въ отвѣтъ на это мягкое увѣщаніе Гаврило Ермолаевъ понесъ прямо какую-то ахинею, такъ что Иванъ Семеновъ не могъ ничего разобрать. Оказалось, что всему виной Спиридоновна. Иванъ Семеновъ только руками развелъ.

— Ну, это ужъ ты напрасно, Гаврило Ермолаевъ. Не таковскій твой Степанъ, чтобы его Спиридоновна могла сбить.

— Она, Иванъ Семеновъ! Съ мѣста не сойти... Она и сейчасъ его растравляетъ.

— Перестань грѣшить... Какая тамъ Спиридоновна! Прямо изъ-за денегъ вздорите... Извѣстная модель. Не вы первые. Какъ попали деньги въ руки—и пошла музыка.

Очевидно, Спиридоновна ловко заговорила зубы Ивану Семенову. Какъ по писанному ея бабьи слова говоритъ... Охъ, и навяжется же такая

Digitized by Google

баба!.. И что ей, подумаешь, надо? Дались всѣмъ его деньги. Вотъ и Ивану Семенову припала о нихъ забота. Гаврило Ермолаевъ не замѣчалъ, какъ мысль о деньгахъ завладѣвала имъ все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ ихъ накопленія. Онъ ихъ пряталъ обыкновенно за пазухой, въ холщевомъ кошелѣ. А часть, которая шла на мелкіе расходы, хранилась подъ онучей. Гаврило Ермолаевъ почти каждый день пересчитывалъ свое богатство, при чемъ постоянно путался въ счетахъ и впадалъ въ тяжелое уныніе. Дѣло въ томъ, что онъ съ грѣхомъ пополамъ умѣлъ считать до пятидесяти, да больше денегъ у него и на рукахъ никогда не бывало. А тутъ давно перевалило за сотню, и ариѳметика Гаврилы Ермолаева становилась втупикъ. У него послѣ пятдесяти было довольно смутное представленіе о „сотельномъ билетѣ", но такого онъ никогда не видалъ. Забравшись куда-нибудь въ поле, или въ канаву у линіи желѣзной дороги, старикъ осторожно вынималъ свой кошель и принимался раскладывать деньги кучками, по тридцати рублей каждая. Такихъ кучекъ получалось пять да еще остатокъ,—вотъ и изволь тутъ расчитать, сколько выйдетъ всего.

Разъ, когда Гаврило Ермолаевъ углубился въ свою бухгалтерію у полотна желѣзной дороги, надъ его головой кто-то проговорилъ!

— Богъ на помочь, старичокъ!

Это былъ Физикъ, шлявшійся по полотну не-

Digitized by Google

извѣстно зачѣмъ. Гаврило Ермолаевъ сначала испугался, а потомъ разсердился.

— Проваливай своей дорогой!..

— Не бойся, не съѣмъ, отвѣчалъ Физикъ, усаживаясь на откосѣ желѣзнодорожнаго полотна.—Ишь, сколько денегъ накопилъ, вотъ и боишься... А я ничего не боюсь, потому какъ ничего у меня нѣтъ.

— Уходи, говорятъ!..

— А вотъ и не уйду... Какое такое полное право ты имѣешь мнѣ указывать? Гдѣ хочу, тамъ и сижу...

Разговаривать съ прощалыгой было нечего, и Гаврило Ермолаевъ принялся торопливо собирать свою казну, а Физикъ сидѣлъ на откосѣ и посмѣивался.

— И считать-то не умѣешь, сиволапый!..

— Сосчитаемъ, не безпокойся. Не твоя забота... Да иди ты своей дорогой, ради Христа! Усѣлся, какъ сычъ, и таращитъ глаза...

Эта встрѣча произвела на Гаврилу Ермолаева непріятное впечатлѣніе до послѣдней степени. Разболтаетъ теперь золоторотецъ всѣмъ про него, какъ онъ въ канавѣ считалъ деньги. Того гляди, еще украдутъ... Просыпаясь ночью, Гаврило Ермолаевъ прежде всего ощупывалъ свой кошель и трепеталъ за его цѣлость. Ему начало казаться, что нѣкоторые рабочіе изъ безпутныхъ начинаютъ слѣдить за нимъ, куда онъ прячетъ деньги. Хорошо, что на нарахъ по одну сторону

Digitized by Google

съ нимъ спалъ Степанъ, а по другую Петрунька. Подозрительность Гаврилы Ермолаева росла вмѣстѣ съ увеличеніемъ капитала.

Передъ Петровымъ днемъ Иванъ Семеновъ расчитывалъ рабочихъ. Гаврилѣ Ермолаеву пришлось получить около семидесяти рублей. Вечеромъ рабочіе пошли въ баню. Гаврило Ермолаевъ изъ скупости ходилъ въ баню только черезъ двѣ недѣли. Зачѣмъ даромъ деньги тратить, когда домой пріѣдутъ къ Покрову и даромъ всѣ отмоются; а тутъ плати за каждаго по пятачку,— за пятерыхъ цѣлый четвертакъ и выскочитъ. Но наканунѣ Петрова дня какъ-то было неловко не итти въ баню. Гаврило Ермолаевъ передъ баней каждый разъ пряталъ свой кошель съ деньгами гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, какъ сдѣлалъ и сейчасъ; но лиха бѣда вышла въ томъ, что онъ не успѣлъ спрятать сегодняшнюю получку въ кошель, а завернулъ ее въ бумагу съ деньгами на расходы.

Помылись въ банѣ, поужинали. Гаврило Ермолаевъ досталъ свой кошель, но уже начало темнѣть, и онъ не успѣлъ вложить въ него полученныя деньги—въ полѣ было темно, а въ казармѣ неудобно. Укладываясь спать, онъ сунулъ деньги въ бумагѣ подъ изголовье, завернувъ ихъ въ онучу, какъ дѣлалъ это каждый день. Молодые рабочіе еще долго галдѣли около казармы, гдѣ-то далеко слышалась пьяная пѣсня, и пиликала гармоника.

Digitized by Google

— Охъ, Господи, и праздника-то не знаютъ! сокрушался Гаврило Ермолаевъ, ощупывая свой кошель.—То-то народецъ, подумаешь... Добрые люди въ церкви Богу молятся, а они пѣсни горланятъ.

Рано утромъ, когда еще вся казарма спала, Степанъ былъ разбуженъ отцомъ. Гаврило Ермолаевъ сидѣлъ на нарѣ блѣдный и растерянный и, оглядѣвшись кругомъ, шепотомъ сказалъ:

— У меня деньги... украли...

Степанъ вскочилъ, какъ встрепанный, и смотрѣлъ на отца ничего не понимавшими глазами.

— Какъ украли?.. спросилъ онъ тоже шепотомъ.

— А такъ... Я ихъ въ онучу завертывалъ и подъ изголовье пряталъ, ну, и украли.

— Да, вѣдь, кошель-то на тебѣ?

— То другое... Кошель цѣлъ.

У Степана отлегло на душѣ. Значитъ, не всѣ деньги украдены. Они вышли изъ казармы, и Гаврило Ермолаевъ подробно разсказалъ, какъ вышло все дѣло, т. е. какъ онъ вчера получилъ расчетъ отъ Ивана Семенова и не успѣлъ изъ за бани положить деньги въ кошель. Они вмѣстѣ сходили на то мѣсто, гдѣ Гаврило Ермолаевъ пряталъ деньги,—тамъ ничего не было; потомъ обыскали свою нару до послѣдней соломенки—тоже ничего. Старикъ какъ то совсѣмъ растерялся и только теперь объяснилъ Степану, что изъ онучи взяты деньги не всѣ, а только четвертной билетъ да рублевая бумажка.

Digitized by Google

— Какъ же это такъ... недоумѣвалъ Степанъ.—Ужъ если бы воръ, такъ онъ все бы взялъ... Какъ будто не похоже на вора, родитель. Не обронилъ ли ты ихъ какъ-нибудь самъ гдѣ по дорогѣ?

Они обошли по дорогѣ, осмотрѣли всю казарму—нигдѣ ничего не было. Гаврило Ермолаевъ былъ въ полномъ отчаяніи.

— Окромя меня съ Петрунькой некому взять, рѣшительно заявилъ Степанъ.

— Ахъ, Господи, да разѣ я говорю про васъ?... взмолился старикъ.—Такъ, грѣхъ вышелъ... У вора-то сто дорогъ, а у обокраденнаго одна. Вотъ все о моихъ-то деньгахъ говорили... Иванъ Семеновъ еще меня корилъ...

Вдругъ Гаврило Ермолаевъ вспомнилъ, какъ его накрылъ Физикъ, когда онъ деньги считалъ.

— Его рукъ дѣло, заявилъ онъ, разсказавъ все подробно.—Некому больше... Выслѣдилъ, песъ, а чтобы слѣды запутать—выкралъ только двѣ бумажки. Не простой человѣкъ воровалъ... Онъ вчера тутъ въ казармѣ вертѣлся вечеромъ. Его дѣло!..

Степанъ сомнѣвался. Гдѣ ему, Физику, такую штуку отколоть!... Смысловъ не хватитъ.

— А мы вотъ что сдѣлаемъ, родитель, предлагалъ Степанъ. Никому, значитъ, ни гу-гу... Даже чтобы Петрунька ничего не зналъ. Воръ-то не иначе, какъ изъ своей казармы,—ну, онъ и скажется самъ... Только выждать время...

Digitized by Google

— Охъ сдѣлалъ меня съ праздникомъ добрый человѣкъ! стоналъ Гаврило Ермолаевъ, ничего не понимая.—Безъ ножа зарѣзалъ...

Эта потеря денегъ Гавриломъ Ермолаевымъ послужила къ тому, что между нимъ и Степаномъ возстановился полный миръ. Степанъ, охваченный такой же жадностью, какъ и отецъ, совершенно забылъ нанесенную ему обиду.

XII.

Какъ Гаврило Ермолаевъ и Степанъ ни выслѣживали, а воръ не желалъ себя обнаружить, проявляя удивительную хитрость.

— Ну, и хитеръ песъ! возмущался Гаврило Ермолаевъ.

— Ничего, не уйдетъ нашихъ рукъ! увѣренно повторялъ Степанъ. — Некуда ему дѣться... Не мѣшокъ съ деньгами – не потеряется.

Гаврило Ермолаевъ передумалъ на всѣхъ и при каждомъ новомъ подозрѣніи повторялъ: „Некому больше, какъ такому-то". Былъ даже заподозрѣнъ Петрунька, и отецъ слѣдилъ за его поведеніемъ недѣли двѣ, а потомъ устыдился и махнулъ рукой. Куда-же Петрунькѣ на такое дѣло пуститься—и ума не хватитъ, да и совѣсть тоже не дозволитъ. Думалъ Гаврило Ермолаевъ и на родныхъ племянниковъ,—несмышленыши еще могли по ребячьей глупости созорничать. Въ концѣ концовъ, всѣ подозрѣнія сво-

Digitized by Google

дились все-таки на Физика, который одинъ видѣлъ, какъ Гаврило Ермолаевъ считалъ деньги.

— Некому, окромя его, сквернавца! увѣрялъ самого себя Гаврило Ермолаевъ.—Работать не работаетъ, а пьянъ каждый день. Откуда у него деньги? Погоди, песъ, доберусь я до тебя!..

Когда Физикъ приходилъ въ казарму, у Гаврилы Ермолаева чесались руки. Вѣдь всего-то одинъ разъ ударитъ гнуса—и сейчасъ духъ вонъ. И другимъ было бы неповадно. Ежели бы въ деревнѣ случилось такое дѣло, такъ тамъ своимъ средствіемъ допытали бы правду-матку. А тутъ сиди да смотри, какъ онъ у тебя передъ глазами пьянѣе вина ходитъ.

Потеря денегъ отравила Гаврилѣ Ермолаеву все существованіе. Украденные двадцать шесть рублей представлялись ему не просто двадцатью шестью рублями, а въ образной формѣ: на двадцать-то шесть рублей въ деревнѣ можно было купить самолучшую корову, лошадь середнячка, цѣлый десятокъ овецъ и т. д. Разсчитывая впередъ свой мѣсячный заработокъ у Ивана Семенова, Гаврило Ермолаевъ не досчитывалъ именно этихъ двадцати шести рублей. Онъ усиленно напустился на работу и морилъ всю артель; но полученныя лишнія деньги все-таки не могли покрыть пропавшихъ, хоть бы заработали и на пятьдесятъ рублей больше. Потомъ, у Гаврилы Ермолаева явился страхъ, какъ бы не выкрали у него и остальныхъ. Онъ

Digitized by Google

часто просыпался по ночамъ, и ему все казалось, что кто-то подкрадывается къ его завѣтному кошелю. Да, это былъ невидимый и неуловимый воръ, который придетъ и возьметъ...

А тутъ еще вся жизнь въ казармѣ пошла какъ то навыворотъ. Съ весны жили всѣ люди, какъ люди, тихо и смирно; а начали получать деньги, отъѣлись на хозяйскихъ харчахъ, и явилось разное баловство. Которые по трактирамъ начали чай распивать, которые сильно ушибались по праздникамъ въ «Хивѣ», которые на городскую руку принялись обряжать себя: и сапоги съ наборомъ, и красныя рубахи изъ кумача, и суконныя фуражки. Рядились, конечно, главнымъ образомъ молодые парни, чтобы не отстать отъ щеголей, ярославскихъ огородниковъ, въ родѣ шалаго Петьки. Появились и гармоники и балалайки. Однимъ словомъ, всѣ точно ошалѣли. По праздникамъ завели моду покупать ситникъ, а Петрунька вытребовалъ у отца какъ-то цѣлый пятакъ на французскую булку.

— Да ты въ умѣ ли? ругался Гаврило Ермолаевъ.—Это которыя барыни ѣдятъ калачи, а ты еще рыломъ не вышелъ.

Поругался-поругался, а пятакъ пришлось выдать. Развѣ прежде Петрунька смѣлъ пикнуть, а тутъ совсѣмъ просто говоритъ: Давай пятакъ!

— На, подавись этимъ самымъ пятакомъ, ругался старикъ, выдавая деньги.—Ужо, выворотимся въ деревню, такъ я тебѣ покажу такого калача...

Digitized by Google

А Петрунька взялъ пятакъ и хоть бы ухомъ повелъ. Потомъ ему понадобилась кумачная рубаха, какъ у другихъ щеголей. Даже заводилъ рѣчь о спинджакѣ. Тутъ уже Гаврило Ермолаевъ не вытерпѣлъ и задалъ Петрунькѣ здоровую вытряску.

Побитый Петруха, вмѣсто покорности, долго ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Тоже, драться-то не указано, хоть и отецъ...

— Ты у меня еще поговори, щенокъ! рычалъ Гаврило Ермолаевъ.—Я тебѣ укажу... Погоди. вотъ выворотимся въ деревню, такъ я тебѣ покажу спинджакъ.

Въ другихъ артеляхъ происходило то же самое. Молодые парни на глазахъ отбивались отъ рукъ. Старшіе пробовали учить, но никакая деревенская наука не помогала. А тутъ еще Спиридоновна зудитъ: «Эка бѣда, что парню хочется быть не хуже другихъ протчіихъ! Тоже, молодое дѣло, и погулять охота; а въ лаптяхъ, да въ зипунахъ немного разгуляешься. Старики-то свое прожили, а молодымъ еще жить надо. А кто попалъ въ городъ—матушка-деревня прощай!»

Старики сходились вмѣстѣ и жаловались другъ другу на непокорную молодежь.

— Нагуляли комаринаго жиру—вотъ онъ и играетъ. Не даромъ говорится: середка сыта—концы говорятъ.

У нѣкоторыхъ парней завелись шашни съ

Digitized by Google

чухонками изъ Сампо, другіе по вечерамъ въ праздники уходили по ту сторону свалки, гдѣ собирались капорки съ огородовъ и ягодника. Изъ казармы слышны были звонкія дѣвичьи пѣсни за-полночь.

— Экъ ихъ взяло!.. ворчалъ Гаврило Ермолаевъ.—Совсѣмъ никакого стыда... Дерутъ горло за-полночь. Охъ, грѣхи, грѣхи!...

На этимъ дѣло не кончилось. Въ одинъ прекрасный вечеръ двѣ капорки съ огорода Ефима Тихоныча явились въ казарму, конечно, подъ предводительствомъ отчаяннаго огородника Петьки.

— Двѣ моихъ любезнюющихъ племянницы, Дарья Панталоновна и Марья Панталоновна, рекомендовалъ онъ ихъ высыпавшимъ изъ казармы рабочимъ.—Издали-то онѣ не совсѣмъ патретомъ вышли, а зато—чѣмъ ближе, тѣмъ хуже...

Вся казарма такъ и грохнула отъ смѣха, а капорки обидѣлись и даже хотѣли уйти. Ихъ выручила Спиридоновна, накинувшаяся на Петьку.

Чего ты конфузишь дѣвушекъ, лодырь?!.. Можетъ, получше тебя будутъ разъ десять, а ты зубы моешь...

Капорки, дѣйствительно, сконфуженно жались другъ къ другу и закрывали рты рукой. Кто-то изъ толпы поддержалъ Спиридоновну. Въ самомъ дѣлѣ, чего Петька зря куражится надъ дѣвушками? Люди въ гости пришли, а ихъ же на смѣхъ поднимаютъ. Рябая и курносая Дарья оказалась посмѣлѣе и заявила:

Digitized by Google

— Мы и уйдемъ, коли што...

— Не уходите, дѣвоньки! Садитесь, гостями будете... А Петьку мы единымъ духомъ сократимъ. Забалуй онъ у насъ... пустыя-то слова изъ него, какъ сухой горохъ изъ дыряваго мѣшка сыпются!

Тутъ ужъ Петька обидѣлся и чуть не подрался, пока Спиридоновна не увела его къ себѣ для усмиренія.

Въ разгаръ этой сцены явился Гаврило Ермолаевъ, уходившій поглазѣть на господъ у станціи. Онъ съ яростью набросился на дѣвушекъ и вытолкалъ ихъ изъ казармы.

—Это еще што за мода?!.. Ступайте, откуда пришли... Плохо васъ учитъ Ефимъ-то Тихонычъ. И носу сюда не показывайте! Разорву какъ кошекъ и отвѣчать не буду!

Старики пристали къ Гаврилѣ Ермолаеву, и гостьи были прогнаны самымъ невѣжливымъ образомъ. Когда на шумъ выскочила Спиридоновна, все уже было кончено. Гаврило Ермолаевъ гналъ капорокъ хворостиной, какъ утокъ, а онѣ ругались и плевали на него.

— Сбѣсился идолъ-то! ругалась въ свою очередь Спиридоновна.—Вѣдь хуже будетъ, когда парни побѣгутъ на огороды... Извѣстно, живое къ живому и льнетъ. Драки съ огородниками не оберешься... Ахъ, идолъ, идолъ!...

Digitized by Google

XIII.

Лѣто прошло. Начались холодные осенніе дожди, вѣтеръ и холодные утренники. На Гаврилу Ермолаева по временамъ нападала страшная тоска. Онъ подолгу наблюдалъ сѣрое хмурое небо и качалъ головой. Какъ-то управились бабы съ покосомъ, не вылегла-ли рожь, не появился ли какой нибудь гнусъ, не осыпался ли овесъ,—гдѣ же бабамъ за всѣмъ углядѣть? Особенно волновали старика грачи, которые были и здѣсь такіе же, какъ въ деревнѣ. Умная и хозяйственная птица грачъ. Небойсь, все около пашни проживается. Гдѣ червячокъ, гдѣ козявка, гдѣ зернышко—вотъ и сыта. Божья тваринка. Молодые грачи уже подросли и начали грудиться въ стаи, значитъ, дѣло пошло къ отлету. Старики-то вотъ какъ молодыхъ учатъ: снимется одна стайка, другая, третья, слетятся вмѣстѣ и всѣмъ войскомъ начнутъ крутить, точно солдаты на ученьѣ. Вотъ ударятъ заморозки, и потянутъ грачиныя стаи въ теплую сторону, къ теплому морю. Птица, а Господь умудрилъ... Тоже, видно, на чужой-то сторонѣ не сладко.

Хозяйственное сердце Гаврилы наполнялось чисто домашней тоской, а до Покрова оставалось еще пять недѣль. Бывали дни, когда ему хотѣлось бросить все и уйти домой. Городской-то работы не переработаешь, хоть вылѣзи изъ

Digitized by Google

своей кожи. Да и такъ сказать: одинъ ушелъ, а десять рукъ тянутся къ мѣсту. Лѣтомъ мужикъ вездѣ въ цѣнѣ, вездѣ работа, а къ осени цѣна ему расколотый грошъ.

По вечерамъ, когда смеркалось, рабочіе любили раскладывать передъ казармой костеръ. Хорошо было посидѣть около живого огонька... А всѣхъ больше это любилъ Гаврило Ермолаевъ, Надѣнетъ свой полушубокъ, подсядетъ къ огоньку и сидитъ, пока все не перегоритъ въ уголья. Въ вольномъ огонькѣ чувствовалось что-то такое родное, свое деревенское. Но о чемъ бы ни думалъ Гаврило Ермолаевъ, его мысли въ концѣ концовъ возвращались къ вору, похитившему кровные 26 рублей. Гдѣ онъ? Съ кѣмъ радуется? Мучитъ ли его совѣсть? Въ минуту такого тяжелаго раздумья, когда Гаврило Ермолаевъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, къ нему подошла кухарка Настя и, положивъ руку на плечо, проговорила:

— Одинъ сидишь-то?

Старикъ разсердился на глупый вопросъ и отвѣтилъ довольно грубо:

— Возьми глаза въ зубы и посмотри!..

Удивительный народъ эти бабешки: вѣдь видитъ, что одинъ сидитъ, а надо спрашивать. Настя тоже подсѣла къ огоньку и понесла уже совсѣмъ околесную. Это окончательно взбѣсило старика.

— Ну, чего мелешь-то безъ пути? огрызнулся онъ.

Digitized by Google

— А ты не сердись! . ласково отвѣтила Настя.—Съ бабы какой взыскъ? У ней и мысли-то въ головѣ мечутся, какъ мыши въ пустомъ овинѣ. Скушно дома-то, вотъ и прибѣжала посмотрѣть, какъ наши витебскіе...

Бабью природу Гаврило Ермолаевъ зналъ хорошо и сразу понялъ, что Настя присунулась къ огоньку не спроста.

— Домой, поди, скоро соберетесь? спрашивала она унылымъ голосомъ, по бабьи подпирая щеку.

— Какъ Богъ приведетъ...

Настя помолчала и прибавила:

— А ужъ оно лучше... Балуется народъ въ городѣ. Вездѣ соблазнъ... Мотается нынче народъ вотъ какъ!..

— Всяко бываетъ...

Настя вздохнула и проговорила уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— А Петруньку-то нынче женить будете?

— Петруньку? А кто за него въ солдаты пойдетъ?

— И солдаты случаются женатые...

— Ну, это ужъ не порядокъ... Солдатка по нашему, по деревенскому, какъ изба безъ крыши. Ничего, подождетъ...

— Такъ-то, оно такъ... По осенямъ въ деревняхъ много свадебъ играютъ.

Помолчавъ немного, Настя прибавила:

— А ты бы того, Гаврило Ермолаевъ, приглядывалъ за Петрунькой-то...

Digitized by Google

— Ну?

— Балуется паренекъ...

— Ну?..

— Мнѣ-то дѣла до этого нѣтъ, а такъ, отъ огородниковъ слышала. Старичокъ одинъ сказывалъ...

— Ну?!..

Помявшись для приличія, Настя разсказала, что Петрунька балуется на огородахъ съ капорками.

— Ну?!!

— А больше ничего, отвѣтила Настя.—Надо смотрѣть за паренькомъ-то... Деньгами, слышь, такъ и соритъ.

— Деньгами?!

У Гаврилы Ермолаева мурашки пошли по спинѣ отъ этого Настасьинаго наговора. Прежде всего, онъ возненавидѣлъ Настю. Ей то какая печаль? Доносчику первая палка... Разсердившійся старикъ попросту прогналъ ее.

— Да ты, никакъ, бѣлены объѣлся? обидѣлась Настя, поднимаясь.—Тебѣ же добра желала...

— Ладно, проваливай!.. Знаемъ мы это самое ваше бабье добро очень даже превосходно.

Настя ушла, а Гаврило Ермолаевъ остался въ какомъ-то ошеломленномъ состояніи. Откуда могли быть у Петруньки деньги? Какой огородникъ наговорилъ Настѣ? Сгоряча Гаврило Ермолаевъ позабылъ спросить его имя. Во вся-

Digitized by Google

комъ случаѣ, въ его душу закралось страшное подозрѣніе. Неужели Петрунька выкралъ деньги?

По тяжелой мужицкой политикѣ, Гаврило Ермолаевъ ни слова не сказалъ даже большаку Степану и началъ слѣдить за Петрунькой самъ. Ему было и тяжело, и совѣстно, и больно.

— Кому повѣрилъ-то корилъ самого себя Гаврило Ермолаевъ.—Баба наболтала...

Почти три ночи не спалъ Гаврило Ермолаевъ, выслѣживая Петруньку. Парень былъ тише воды, ниже травы. Только разъ Гаврилѣ Ермолаеву показалось, что отъ него пахнетъ водкой. Этого еще не доставало!..

— Погоди, песъ, не уйдешь! рѣшилъ старикъ.

Онъ пустился на хитрости. Было воскресенье. Старики ложились спать вечеромъ рано, и Гаврило Ермолаевъ тоже легъ пораньше, жалуясь, что ему что-то неможется. Онъ притворился, что спитъ, и видѣлъ, какъ Петрунька нѣсколько разъ приходилъ въ казарму и наблюдалъ его а потомъ исчезъ.

Было уже совсѣмъ темно. Гаврило Ермолаевъ вышелъ изъ казармы. Петруньки нигдѣ не было. Нахлобучивъ рваную шапчонку, онъ побрелъ къ свалкѣ. Обыкновенно, сюда онъ никогда не ходилъ, потому что не любилъ озорныхъ огородниковъ и капорскихъ пѣсенъ. Теперь онъ шагалъ въ тѣмнотѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу. Въ грязномъ, ржавомъ ручейкѣ, который сочился изъ свалки, онъ чуть не провалился по

Digitized by Google

колѣно. Надо было пройти капустные огороды, потомъ обогнуть свалку, а тамъ уже брежжила огоньками контора Ефима Тихоныча. Отдѣльно, по деревенски — на отшибѣ, стояла капорская казарма, т. е. простой сарай, кое-какъ сколоченный изъ стараго, дыряваго барочнаго лѣса. Два маленькихъ оконца здѣсь тоже свѣтились, и Гаврило Ермолаевъ рѣшилъ, что Петрунькѣ, негдѣ быть, какъ здѣсь.

— Погоди, песъ, я тебя произведу! ворчалъ старикъ, шагая черезъ грядки повявшей отъ холода клубники.

Капорская казарма стояла въ какомъ-то озерѣ грязи, и къ ней былъ устроенъ проходъ по дощечкамъ. Гаврило Ермолаевъ, не обращая вниманія, пробрался къ одному изъ оконъ и припалъ глазомъ къ запотѣвшему стеклу. Внутри казармы онъ увидѣлъ длинный столъ, кругомъ котораго размѣстились капорки живой стѣной. На одномъ концѣ стола сидѣлъ огородникъ Петька, а на другомъ Петрунька. Петька что-то наигрывалъ на своей гармоніи, кто-то изъ капорокъ ему подтягивалъ, но, видимо, дѣло не клеилось. Слышался звонкій дѣвичій смѣхъ, визгливые голоса и галдѣнье.

Черезъ минуту вся казарма оцѣпенѣла, когда въ дверяхъ показалась высокая фигура Гаврилы Ермолаева.

— Наше вамъ сорокъ одно съ кисточкой,

Digitized by Google

пятіалтынный съ дырочкой... пробормоталъ бахвалъ Петька и замолкъ.

— Домой!.. сурово проговорилъ Гаврило Ермолаевъ, не глядя на Петруньку.—Будетъ...

Петрунька покорно поднялся и, слегка пошатываясь и вынужденно улыбаясь, пошелъ за отцомъ.

XIV.

Отецъ и сынъ нѣкоторое время шагали молча. Въ темнотѣ слышно было, какъ чавкала грязь подъ тяжелыми сапогами. Гаврило Ермолаевъ тяжело дышалъ. Когда они обогнули свалку, и огоньки конторы Ефима Тихоныча исчезли, старикъ, шедшій впереди, быстро обернулся и со всего размаха ударилъ Петруньку по лицу.

— Сказывай: ты укралъ деньги?

Петрунька, какъ котенокъ, полетѣлъ прямо въ грязь. Отецъ схватилъ его за волосы и потащилъ, повторяя задыхавшимся отъ бѣшенства голосомъ:

— Ты?!.. А... ты... ты... ты?!..

Петрунька молчалъ и закрывалъ лицо руками. Разсвирѣпѣвшій Гаврило Ермолаевъ началъ пинать его ногами, а Петрунька продолжалъ молчать, точно мертвый. Потомъ старикъ пустилъ его впередъ и время отъ времени давалъ подзатыльники. Когда подошли къ казармѣ, Гаврило Ермолаевъ вызвалъ Степана и сказалъ:

Digitized by Google

— Вотъ онъ нашъ-то воръ... А я на другихъ грѣшилъ!..

Степанъ молча принялся бить Петруньку.

— Хорошенько его, пса! поощрялъ Гаврило Ермолаевъ.

Избитый въ лоскъ Петрунька не могъ уже подняться съ земли и только мычалъ.

— Ну, сегодня будетъ... рѣшилъ старикъ, оттаскивая разсвирѣпѣвшаго Степана. — Утро вечера мудренѣе...

У Степана кружилась голова, и онъ ничего не понималъ. Гаврило Ермолаевъ тутъ же раздѣлъ Петруньку и произвелъ обыскъ. За голенищемъ сапогъ съ наборомъ онъ нашелъ кошелекъ, въ которомъ оказалось всего три рубля и нѣсколько мѣдяковъ.

— Куды дѣлъ остальныя деньги?

— Прогулялъ... сознался Петрунька.

Его еще побили и стащили въ казарму. Гаврило Ермолаевъ былъ совершенно убитъ роковымъ открытіемъ. Что ему было дѣлать съ Петрунькой? Дома прямо бы свелъ въ волость и попросилъ отодрать, а здѣсь ступай, жалуйся городскому судьѣ, теряй время, срами себя, да еще судья опредѣлитъ Петруньку на высидку мѣсяца на три. Одинъ убытокъ, да еще срамъ... А такъ оставить тоже нельзя. Дай повадку, парень и совсѣмъ пропадетъ. Старикъ продумалъ всю ночь, какъ ему быть, и только къ утру рѣшилъ, что пока надо дѣло это совсѣмъ оста-

Digitized by Google

вить, а произвести настоящую расправу, когда вернутся къ себѣ въ деревню. Степанъ соображалъ другое: какъ воротить деньги, хоть часть. Пропить такую уйму Петрунька не могъ, значитъ, надарилъ подарковъ своимъ капоркамъ— ну, значитъ, надо будетъ по горячему слѣду всѣ эти подарки отобрать. Свои-то бабы еще спасибо скажутъ.

Когда утромъ старикъ и Степанъ проснулись, Петруньки и слѣдъ простылъ. Оба растерялись. Еще не сдѣлалъ бы чего надъ собой съ большого ума!

— Негдѣ ему быть, окромя капорокъ, рѣшилъ Степанъ.—Вотъ пойду и приведу его...

Тяжело было Гаврилѣ Ермолаеву выходить на работу съ одними малышами. А тутъ еще пріѣхалъ Иванъ Семеновъ. Подрядчикъ посмотрѣлъ на работы, поругался, а потомъ отозвалъ Гаврилу Ермолаева въ сторону и сказалъ:

— Вотъ что, старикъ... да... Слышалъ я, что у васъ въ семьѣ неладно. Что подѣлаешь: грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ, всѣми нами, грѣшными, какъ вѣникомъ трясетъ. Да... такъ ты бы того, не очень ужъ налегайте на Петруньку. Да и изъ избы соръ тоже не хорошо выносить... Понимаешь? Вѣдь теперь, что ни случись въ вашей казармѣ, сейчасъ всѣ на Петруньку... Ну, случился грѣхъ, и надо бы его износить про себя, а не ославлять парня... Вѣдь ему еще вѣкъ жить. Такъ-то,

Digitized by Google

старикъ... И Степана попридержи. Нѣтъ тяжелѣе ссоры, какъ между родными братьями. Остуда на всю жизнь... Вѣдь не тебя деньги-то нажили.

Совсѣмъ правильныя слова говорилъ Иванъ Семеновъ, только пришлись они послѣ времени. Теперь уже вся свалка знала, что Петрунька у отца деньги укралъ. Гаврило Ермолаевъ только чесалъ въ затылкѣ. Дѣло получилось совсѣмъ дрянь. Теперь всѣ будутъ пальцами тыкать: вотъ дескать, хороша семейка, когда родной сынъ у родного отца деньги воруетъ!

Степанъ вернулся со свалки ни съ чѣмъ и только напрасно потерялъ рабочее утро.

— Гдѣ-нибудь у капорокъ спрятался, сурово объяснилъ онъ.—Да я его, все равно, разыщу. Живой человѣкъ не иголка...

Гаврило Ермолаевъ ничего не отвѣтилъ. Ему вдругъ стало жаль Петруньки. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ пропадетъ малый. Только ославили парня напрасно. Правильно говорилъ Иванъ Семеновъ.

Петрунька не пришелъ и на другой день, и на третій. Вся казарма знала, что онъ скрывается у капорокъ, и что у него есть какая-то Панька, съ которой онъ спутался и для которой у отца и деньги выкралъ. Молодые рабочіе были за Петруньку Разѣ это воровство, ежели отецъ всѣ деньги за работу себѣ отбираетъ? Просто терпѣлъ, терпѣлъ, да и взялъ.

Digitized by Google

Своя рука—владыка... Спиридоновна и Настя, конечно, приняли въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе и тоже были на сторонѣ Петруньки, при чемъ Настя каялась со слезами, что по бабьей глупости подвела парня. А тутъ еще отчаянный Петька проходу не давалъ и дразнилъ кухарокъ за ихъ долгій бабій языкъ.

— То-то обрадовались чужой бѣдѣ, мокроносыя!.. Вѣдь прямо сказано: нашелъ—молчи, потерялъ—молчи...

Когда прошло три дня, Гаврило Ермолаевъ рѣшилъ, что пойдетъ на огороды самъ и добудетъ Петруньку. Такъ дѣла нельзя было оставить... О своемъ намѣреніи Степану онъ ничего не сказалъ. Очень ужъ крутъ сердцемъ Степанъ и всѣ дѣло могъ испортить. Петрунька просто боится, да и стыдно въ свою казарму воромъ показаться.

Дѣло было въ субботу. Послѣ обѣда Гаврило Ермолаевъ сказалъ, что ему неможется, и остался въ казармѣ. На работу ушелъ Степанъ съ племянниками. Онъ, кажется, догадался, въ чемъ дѣло, но не подалъ никакого вида. Пусть отецъ дѣлаетъ какъ хочетъ.

Гаврило Ермолаевъ отправился на огороды, чтобы повидать стряпку Анфису, которая должна была знать все дѣло до тонкости. Ужъ эти бабы все вызнаютъ, а тутъ какъ не знать, когда все подъ носомъ. Къ несчастью, старикъ наткнулся прямо на Ефима Тихоныча, который сидѣлъ на

Digitized by Google

крылечкѣ своей конторы и ругательски ругалъ Анфису. Гаврило Ермолаевъ хотѣлъ даже повернуть назадъ, но было уже поздно. Ефимъ Тихонычъ его замѣтилъ и поманилъ пальцемъ.

— Иди-ка, иди сюды, другъ милый!.. Петруньку пришелъ искать?

— Около того, Ефимъ Тихонычъ...

— Садись ка рядкомъ да поговоримъ ладкомъ! пригласилъ его богобоязненный старичекъ и прибавилъ другимъ тономъ, обращаясь къ Анфисѣ:— А ты брысь, подкопенная мышь! Ну, старичекъ, знаю, знаю твое дѣльце... Похвалиться нечѣмъ. У меня Петрунька околачивается, вотъ тутъ, около капорокъ... Охъ, согрѣшилъ я, грѣшный, съ вами!.. Вотъ и Степанъ его тоже искалъ, а какъ онъ пойдетъ къ вамъ въ казарму, когда вся рожа у парня, какъ чугунная. Очень ужъ вы постарались со Степаномъ-то... Вчуже парня жаль.

Это нравоученіе обозлило Гаврилу Ермолаева, точно Ефимъ Тихонычъ надъ нимъ же издѣвается.

— Чужія-то дѣла легко разбирать, отвѣтилъ онъ довольно грубо.—Ты бы вотъ лучше смотрѣлъ построже за своими капорками, Ефимъ Тихонычъ! Отъ нихъ и весь грѣхъ вышелъ...

— Такъ, такъ, милъ человѣкъ... Невозмутимо отвѣтилъ Ефимъ Тихонычъ и даже зѣвнулъ.— Капорки мои, значитъ, по-твоему и грѣхъ мой. Оченно даже хорошо... Сказать-то все

Digitized by Google

можно. Ты усмотри по нонѣшнимъ временамъ за родной дочерью, а тутъ ихъ до сотни набирается. Гдѣ же уберечься дѣвушкѣ на людяхъ? Тоже суди на волка, суди и по волку... Одобрять—не одобряю, а и винить не могу...

Гаврило Ермолаевъ еще больше обозлился этими елейными словами и отвѣтилъ:

— Самъ первый ты дѣвушникъ, не даромъ пирожникомъ-то зовутъ... Ни одной не пропустишь. Тоже слыхали про тебя вполнѣ достаточно.

Ефимъ Тихонычъ не сморгнулъ глазомъ, а только сузилъ глаза, зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Такъ, такъ, даже весьма пріятный разговоръ выходитъ, началъ онъ, лѣниво растягивая слова.—Такъ, оно дѣйствительно... Дѣвушникъ первый, говоришь? Это я-то?.. Хе-хе... Ахъ, деревня, деревня, ничего-то ты не понимаешь, матушка-деревня!..

— Даже весьма можемъ понимать касаемо этого самаго дѣла, когда изъ дѣвушекъ бабъ дѣлаютъ... Пришла къ тебѣ на огородъ дѣвушка, а ушла—ни баба, ни дѣвка, ни мужняя жена... Очень просто. Каковъ, видно, попъ, таковъ и приходъ.

— Такъ, такъ, форменно, милъ человѣкъ... Это ужъ завсегда такъ бываетъ: на своемъ молочкѣ обжегся—на чужую воду дуетъ. Да... Охъ грѣхи, грѣхи!.. Ты погляди-ка на меня хорошенько: курицы не обидимъ. Да... Не по-

Digitized by Google

нимаешь? Ну, такъ, видно, приходится своими словами сказать: благодѣтель я... Ко мнѣ какія дѣвушки изъ деревни приходятъ: грязныя, рваныя, босоногія и никакого то-есть обращенія. Стоитъ передъ тобой дура дурой и ногу ногой чешетъ. У меня такое положенье: первое дѣло, Анфиса всѣхъ въ баню ведетъ, потому какъ я нечистоты не выношу. Ну, поживетъ, поработаетъ и всѣ перушки расправитъ... Какъ-же, и юбочка новая, и кофточка новая, и полусапожки новые, и платочекъ, и сережки, и фартушекъ... Такъ. Теперь будемъ говорить такъ: обозвалъ ты меня дѣвушникомъ. Можетъ быть, случается и такой грѣхъ... А только это самое дѣло тоже надо понимать. Къ осени, дѣйствительно, нѣкоторые дѣвушки и затяжелѣютъ, ну, и конечно, по своей деревенской глупости ревмя ревутъ, руки на себя наложить грозятся и разное такое прочее. Мало ли мужиковъ у меня на огородѣ, да еще со стороны наберутся, какъ твой Петрунька. Ну, а кто грѣхъ-то дѣвичій развязываетъ? Да все я же... Моя Анфиса да ваша Спиридоновна десятками ихъ предоставляютъ въ родильные дома, а тамъ разродится—сейчасъ младенца, напримѣръ, въ воспитательный, а ее въ кормилки. Ты какъ это самое дѣло понимаешь? Ужъ самая плохая кормилка и та десятъ рубликовъ жалованья будетъ получать; да всю ею одежу выправятъ: три сарафана—нà, шесть рубашекъ—нà, шесть паръ

Digitized by Google

чулокъ, шесть платковъ, мамошный снарядъ, подушка, одѣяло, сундукъ — нà .. Да всего и не сосчитаешь. А тутъ еще подарки къ праздникамъ да особое награжденіе, ежели угодила господамъ. Какъ это по твоему, пустяки? А кто все устроилъ?.. Имъ всѣмъ и Бога не замолить за Ефима Тихоныча, прямо будемъ говорить. Домой выворотится, значитъ къ себѣ въ деревню, да ее женихи облѣпятъ, какъ мухи медъ... У такой-то крали жениховъ, какъ на черемухѣ цвѣту... Постой, куда ты?..

Гаврило Ермолаевъ поднялся, махнулъ рукой и, не простившись съ богобоязненнымъ старцемъ, зашагалъ домой. Если раньше онъ ничего не понималъ, то теперь все сдѣлалось ясно.

Черезъ три дня Гаврило Ермолаевъ съ двумя сыновьями и племянниками собрался домой. Иванъ Семеновъ понималъ, въ чемъ дѣло, и особенно не удерживалъ.

— Не доработалъ ты у меня до срока, Гаврило Ермолаевъ Ну, да Богъ съ тобой!.. Ужо, приходи на слѣдующее лѣто.

— Нѣтъ ужъ, Иванъ Семеновъ, ослобони! сурово отвѣтилъ Гаврило Ермолаевъ —Спасибо за хлѣбъ-соль, а намъ на чужой-то сторонѣ не рука. Будетъ... Тутъ у васъ и голову потеряешь!

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Digitized by Google

ВЪ УСЛУЖЕНІИ.

Очеркъ.

I.

Аксинья просыпалась въ семь часовъ, и ей хотѣлось еще спать. Сквозь сонъ она слышала, какъ въ столовой били часы шесть, но торопиться ей было некуда. Господа поднимались только къ девяти часамъ. Иногда Аксиньѣ дѣлалось совѣстно, что она такъ безсовѣстно дрыхнетъ, и ей припоминалась недавняя скитальческая жизнь несчастной „капорки". Небось, тамъ вставала въ пять часовъ, а то и въ четыре, если погода хорошая. Потомъ цѣлый день работаешь, не разгибая спины, а ужъ объѣдѣ и говорить нечего—такъ, что Богъ пошлетъ. На хозяйскихъ харчахъ, за такой рабочій день Аксинья получала двугривенный и была счастлива. Настоящая жизнь ей казалась какой-то сказкой, однимъ изъ тѣхъ хорошихъ сновъ, которые не сбываются, и она со страхомъ думала, что все это благополучіе можетъ разлетѣться, какъ дымъ. Аксинья вздыхала и даже закрывала глаза отъ страха, какъ курица, надъ которой мелькнула широкая тѣнь ястреба.

Digitized by Google

Господа у Аксиньи были хорошіе, больше—какіе-то удивительные. Ничего подобнаго она себѣ представить не могла и смотрѣла на нихъ, какъ дѣти смотрятъ въ балагнахъ на восковыхъ манекеновъ. Его звали Петромъ Васильевичемъ, ее,—Ксеніей Александровной. Фамиліи господъ Аксинья никакъ не могла запомнить, да и не понимала, для чего существуетъ какая-то фамилія. Петръ Васильевичъ вставалъ раньше, часовъ въ девять, цѣлый часъ мылся, разсматривалъ себя въ зеркало, полоскалъ горло, чистилъ ногти, выстригалъ волосы въ носу—вообще, чередился, какъ невѣста передъ вѣнцомъ. Барыня поднималась часомъ позже и мылась цѣлыхъ два часа, какъ утка. Аксиньѣ дѣлалось смѣшно до слезъ, что выдѣлывала надъ собой барыня. Баринъ въ это время пилъ молоко съ какой-то заграничной водой и читалъ газеты. Вмѣстѣ сходились они только къ двѣнадцати часамъ, когда былъ готовъ кофе.

— Луша! кричала барыня, какъ только просыпалась.

Луша была горничная-подростокъ. Аксинья боялась этой юркой и нахальной дѣвченки, которая знала все на свѣтѣ и постоянно ее донимала. Барыня не могла жить безъ этой Луши и цѣлый день звала ее: „Луша, подай это“, „Луша, подай то“, „Луша, отвори форточку“, „Луша, найди мой платокъ“,—и такъ безъ конца. Луша умѣла потрафить барынѣ во всемъ,

Digitized by Google

и на этомъ основаніи часто прикидывалась, что не слышитъ, какъ ее зовутъ, а то и прямо грубила.

— Какая ты безстрашная, Лушка, удивлялась Аксинья.

— Молчи, капорка! огрызалась Луша. — Деревня, деревня и есть. Ничего ты не понимаешь.

Луша была городская, дочь швейцара, и на этомъ основаніи презирала всякую деревенскую бабу. Она была такая худенькая, вертлявая, съ бѣленькимъ, востроносымъ личикомъ. Одѣвалась она въ платье, носила корсетъ и кокетничала своимъ накрахмаленнымъ бѣлымъ передникомъ. Аксинья подозрѣвала, что Луша утаиваетъ у барыни сдачу, воруетъ сахаръ и вѣчно что-то прячетъ по разнымъ угламъ. У барыни терялись носовые платки, шпилекъ выходило столько, какъ будто у нея было двѣ головы, исчезла однажды черепаховая гребенка и т. д. Аксинья боялась до смерти, какъ бы господа не подумали на нее, и боялась еще больше Луши, которой ничего не стоило оговорить кого угодно. Себя Аксинья чувствовала на мѣстѣ непрочной, точно жила по милости. Она плохо готовила и стѣснялась, что у нея нѣтъ ничего — ни платьевъ, ни фартуковъ, ни городскихъ ботинокъ, ни шубы. Все еще надо было постепенно заводить, а тамъ въ деревню посылай. Аксинья невольно завидовала Лушѣ, у которой все было, да еще барыня надаритъ — то старое платье отдастъ, то ночную кофту, то свои башмаки.

Digitized by Google

— Счастлива ты, Лушка, говорила Аксинья.— Вонъ сколько у тебя всякаго добра, какъ барыня одѣваешься.

— Нечего сказать, очень счастлива. Вертишься цѣлый день, какъ сорока на колу. То подай, то принеси... тьфу.

— Грѣшно тебѣ, Лушка. У воды безъ хлѣба не сиживала. Чего тебѣ надо: сыта, одѣта, сидишь въ теплѣ, никто тебя не бьетъ.

— Ахъ ты, капорка несчастная! удивлялась Луша.—Ты думаешь, я такъ и буду весь свой вѣкъ въ горничныхъ болтаться?

Аксинья только качала головой и называла про себя Лушу отчаянной. Конечно, отчаянная. Вонъ какъ съ барыней разговариваетъ. Конечно, барыня ее любитъ, а все таки... Тяжелая деревенская логика не могла уложить въ головѣ буйное поведеніе отчаянной питерской горничной. По деревенски, Аксинья всего боялась.

Утромъ барыня, прежде чѣмъ выйти въ столовую, кричала Лушу разъ сто и гоняла ее то за холодной водой, то за теплой разъ по десяти. Потомъ надѣвала пестрый шелковый капотъ и выходила усталая, съ красными пятнами на лицѣ. Она всегда ходила такой развалистой, тяжелой походкой, какъ женщины ходятъ послѣ родовъ. Баринъ выходилъ къ ней въ гостиную и какъ-то виновато спрашивалъ:

— Ну, какъ ты сегодня себя чувствуешь, Ксенія?

Digitized by Google

Она хмурилась и нехотя отвѣчала:

— Да такъ... Ничего особеннаго.

Утромъ барыня всегда точно сердилась, а баринъ ухаживалъ за ней, какъ за тяжело больной. За кофе они мало разговаривали. Баринъ торопился на службу и уходилъ изъ дому въ часъ ровно. Барыня провожала его до дверей, клала обѣ руки на плечи и подставляла щеку для прощальнаго поцѣлуя.

— Ты вѣчно торопишься, Pierre, лѣниво говорила она.

— Что дѣлать—служба,—оправдывался баринъ.

Баринъ уходилъ, и слышно было, какъ онъ торопливо спускался по лѣстницѣ. Барыня стояла нѣсколько времени въ передней, зѣвала и лѣниво возвращалась въ столовую, куда должна была явиться Аксинья за приказаніями относительно обѣда. Это былъ интересный моментъ. Барыня нѣсколько времени съ нѣмымъ отчаяніемъ смотрѣла на кухарку и еще съ большимъ отчаяніемъ спрашивала:

— Ну, что мы съ тобой будемъ сегодня дѣлать, Аксинья?

— Не знаю, барыня.

— Ахъ, ради Бога, не говори ты этого проклятаго слова: не знаю. Я этого не выношу... Понимаешь?

— Супъ съ кореньями... биштексу... начинала перечислять Аксинья такимъ тономъ, какимъ читаютъ въ церкви поминанья.

Digitized by Google

— Опять супъ? съ отчаяніемъ спрашивала барыня.—Луша, принеси Молоховецъ... Это невозможно—каждый день супъ.

Заказъ обѣда продолжался цѣлый часъ, такъ что Аксинью прошибалъ даже потъ. Барыня по книгѣ перебирала сотни кушаній, выбирала, а потомъ приходила въ отчаяніе и начинала снова выбирать. Это была настоящая пытка. Луша откуда нибудь изъ-за косяка двери дѣлала Аксиньѣ гримасы и передразнивала барыню. Заказъ кончался тѣмъ, что барыня говорила съ отчаяніемъ:

— Дѣлай, что хочешь... Не все ли равно.

— Я съ вермишелью, барыня?

— Отлично...

— А на второе коклеты съ горошкомъ.

— Превосходно.

Самый трудный моментъ въ барскомъ домѣ этимъ заканчивался, и барыня уходила въ гостинную отдыхать.

— Ну, засѣла теперь ворона на гнѣздо, объясняла Луша.—Теперь до самаго вечера будетъ барина ждать. Только всей и работы. Чучело гороховое, а не барыня. Она и говорить-то по своему не умѣетъ, а возьметъ книжку, вычитаетъ что-нибудь, а потомъ барину за обѣдомъ и разсказываетъ.

У Луши кипѣла какая-то неукротимая ненависть къ барынѣ, точно она была ей соперницей. Аксинья напротивъ, постоянно защищала ее. Что же, барыня добрая, а только, надо полагать, чѣмъ-нибудь больна.

Digitized by Google

— Онѣ всѣ такія, эти питерскія барыни, спорила Луша.—И у всѣхъ одно ремесло: сидятъ, какъ кикиморы, и цѣлы дни ждутъ мужей или любовниковъ. Насмотрѣлась я достаточно, не даромъ пять мѣстовъ перемѣнила.

Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ съ Лушей, Аксинья иногда сама начинала думать: „Экое житье кошачье этимъ барынямъ...“ А потомъ ей дѣлалось совѣстно. Что же, живутъ, какъ всѣ господа. Тоже, вотъ, купчиху другую взять или попадью—умирать не надо. Все-таки Аксинья и Луша относились къ барину съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ барынѣ. Онъ свое мужское дѣло дѣлаетъ, на службу каждый день ходитъ, жалованье получаетъ и о женѣ вотъ какъ заботится, впору хорошему гусю такъ то. Луша даже находила, что барыня не стоила барина.

— Навѣрно онъ моложе ее, увѣряла она.— И красивый... Бородка бѣлокурая, усы, а глаза каріе. Я больше всего люблю, чтобы у мужчины были каріе глаза. Нѣтъ ничего пріятнѣе. Вонъ въ парикмахерской одинъ подмастерье есть, такъ глаза у него точно шилья. Такъ наскрозь и смотрятъ.

Аксинья въ теченіе двухъ мѣсяцевъ вызнала жизнь всего дома, выходившаго пятью этажами на Офицерскую. Да и какъ не узнать, когда прислуга разсказываетъ всю подноготную. Вездѣ одно и тоже. Мужья день деньской на службѣ,

Digitized by Google

а жены сидятъ дома и цѣлые дни ихъ ждутъ. Хорошо еще, если есть дѣти, такъ будто мать при дѣтяхъ состоитъ, а въ сущности одна видимость—съ дѣтьми мамки да няньки, да бонны, да гувернантки а мать только гостямъ ихъ показываетъ, да иногда погулять выведетъ. Были и злющія барыни, настоящія вѣдьмы, и Аксинья особенно цѣнила свою Ксенію Александровну, которая никогда худого слова не скажетъ.

— Какая она Ксенія, возмущалась Луша.— Такая же Аксинья, какъ и ты. Задѣпила барина, вотъ и лежитъ цѣлые дни, да жретъ.

II.

Когда утромъ Аксинья бѣжала въ булочную или въ сливочную, на дворѣ ее встрѣчалъ второй дворникъ Уваръ и каждый разъ говорилъ одно и тоже:

— А мнѣ за тебя отвѣчать доведется, Аксинья...

— Ты развѣ попъ, штобы за другихъ отвѣчать?

— Попъ не попъ, а сказалъ тогда твоимъ господамъ, што ты изъ одной со мной деревни...

— Ну, какъ-нибудь замолишь. Ужъ больно грѣхъ-то великъ...

Уваръ былъ степенный мужикъ, съ окладистой черной бородкой и самой приличной лысиной. Онъ любилъ ходить въ церковь, часто сокрушался о своихъ дворницкихъ грѣхахъ и

Digitized by Google

вздыхалъ, когда мимо него пробѣгала какая-нибудь шустрая кухарченка. Уваръ жилъ въ подвалѣ при собственной женѣ, но эта собственная жена была чѣмъ-то постоянно больна и рѣдко показывалась на дворѣ. Выходило такъ, что Уваръ какъ будто и не женатъ. Аксинья чувствовала къ нему особенную благодарность, потому что онъ ее опредѣлилъ на мѣсто. И вышло это какъ-то шутя. Идетъ она по улицѣ и розыскиваетъ свою однодеревенскую кухарку, которая жила гдѣ-то на Офицерской. Уваръ стоялъ за воротами и остановилъ ее.

— Тебѣ кого, умница?

— А Матрену, изъ нашей деревни...

— Знаю. Грива на лѣвую сторону, а правое ухо порото?

Она хотѣла идти дальше отъ зубоскала, но Уваръ ее остановилъ.

— Да ты постой, гладкая... Тутъ вашихъ Матренъ до Москвы не перевѣшать. А ты изъ капорокъ? Такъ...

Дворникъ пристально оглядѣлъ ее съ ногъ до головы, что-то прикинлуъ въ умѣ и широко вздохнулъ. «Эхъ, дѣвка хороша, а на огородахъ пропадетъ ни за грошъ». Уваръ еще разъ вздохнулъ, и потомъ тряхнулъ головой и прибавилъ:

— А хошь, я тебя на мѣсто опредѣлю? Всю жисть благодарить будешь...

Аксинья посмотрѣла на него довольно недовѣрчиво, но дворникъ былъ степенный и въ годахъ.

Digitized by Google

— Ты вотъ что, умница, началъ объяснять Уваръ, оглядываясь.—Знаешь поговорку: „ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами„. Поняла? Я вотъ тебѣ дамъ записку, а ты вечеромъ и приходи съ ней сюда. Поняла? И спроси второго дворника Увара. Поняла? Будто ты съ одной деревни со мной и будто тебя сродственники прислали ко мнѣ. Поняла? Значитъ, какъ я состою при собственной супругѣ, такъ оно тово. Поняла? И больше ничего.

— Ужо̀ приду.

Она пошла, но дворникъ ее вернулъ, сунулъ гривенникъ и наставительно замѣтилъ:

— На пятачокъ въ баню сходишь, а на пятачокъ поѣшь... Поняла?

Аксинья пришла вечеромъ. Уваръ ее привелъ къ себѣ въ подвалъ, гдѣ жила собственная жена, и долго читалъ собственную записку. Потомъ онъ въ отчаяніи проговорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Ужъ правду сказано, что деревенская родня, какъ зубная боль...

— Опять на щетъ мѣста? полюбопытствовала жена.

— Около того. . Ну, куда я съ ней дѣнусь? Вѣдь она по городскому то ступить не умѣетъ... Сидѣли бы у себя въ деревнѣ, а то лѣзутъ въ городъ. Вотъ, перво-на-перво, больничныя деньги надо платить, потомъ прописка, потомъ полировка на щетъ одежи.

Уваръ даже выругался, подавленный этими

Digitized by Google

неизмѣримыми величинами. Аксинья разсматривала его жену, худую и болѣзненную женщину, страдавшую водянкой, и не знала, что ей говорить.

— Ужо приди завтра, утромъ... рѣшилъ Уваръ.—Утро вечера мудренѣе...

Онъ догналъ ее на улицѣ, сунулъ двугривенный и проговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Это тебѣ на постоялый, а завтра будешь на мѣстѣ. Одна тутъ кухарчонка изъ пятаго нумера плохо себя оправдала, такъ я поговорю съ господами.

Послѣднее ловкій дворникъ устроилъ въ тотъ же вечеръ, когда принесъ въ пятый нумеръ дрова. Ксенія Александровна только что отказала своей кухаркѣ и была рада, что такъ легко нашлась новая.

— Главная причина, барыня, что прямо изъ деревни, объяснялъ Уваръ, встряхивая головой.— Значитъ, безъ поддѣлки. Все настоящее, какъ есть. Конешно, она сперва-то ничего не знаетъ, а потомъ живой рукой оботрется. Не всѣ природными кухарками родятся... Ну, на щетъ тамъ сдачи будьте вполнѣ надежны и всякое прочее. Наша, деревенская... Прямо отъ пня.

Уваръ отлично зналъ барыню и попалъ въ самое слабое мѣсто. Ксенія Александровна всю жизнь страдала отъ женской прислуги и была довольна, что получитъ, наконецъ, нетронутое городской цивилизаціей дитя природы. И наруж-

Digitized by Google

ность Аксиньи ей понравилась. Такая здоровая дѣвушка, прелесть, и по деревенски почти красавица.

Съ этого момента и началась легкая жизнь Аксиньи. Ей трудно было первыя двѣ недѣли, пока привыкала къ мудренымъ господскимъ словамъ и выучилась готовить первыя кушанья. Барыня сама все ей показывала и не сердилась, когда случались маленькія и большія кухонныя неудачи.

Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ главнымъ совѣтникомъ являлся все-таки Уваръ. Онъ зналъ, кажется, все на свѣтѣ и охотно помогалъ Аксиньѣ, начиная съ выбора ситца на первое платье и кончая отношеніями къ близкимъ и роднымъ.

— Ты по деревенски какъ разъ хватишь желтаго или зеленаго ситцу, училъ Уваръ,— а это совсѣмъ не модель. Розовенькій съ цвѣточками еще можно. А лучше всего господа уважаютъ сѣрые колера, да оно и не такъ марко. Поняла?

Самымъ труднымъ являлся вопросъ о ботинкахъ, за которые нужно было заплатить сразу пять рублей. Такихъ денегъ Аксинья еще не держала въ рукахъ и пришла въ ужасъ.

— Ничего, привыкнешь, объяснялъ Уваръ.— Ботинки самая первая статья для настоящей кухарки. Поняла? Потомъ надо передники. Тоже хоша ты и баба, а свою форму должна соблюдать.

Digitized by Google

Что огорчало Аксинью, такъ это то, что Уваръ запретилъ всякія сношенія съ своей артелью капорокъ.

— Ни-ни, чтобы ни одна и не заглянула къ тебѣ, грозилъ всевѣдущій дворникъ.— На всю жисть острамишься, если узнаютъ, что въ капоркахъ была. Другія-то кухарки проходу не дадутъ... Да и отъ господъ уваженія сразу не будетъ.

— Лушка и безъ того меня капоркой навеличиваетъ.

— Это она со злости, а настоящаго все-таки ничего не знаетъ. Ты это вотъ какъ должна чувствовать... Тоже вотъ чулки надо, носовыхъ платковъ купи два, уши вымой— однимъ словомъ полировка вполнѣ. Потомъ надо будетъ оборудовать дипломатъ къ осени, а зимой теплое пальто. Я уже все это прикину, што и къ чему. Сундучишко надобно завести.

Всего обиднѣе Аксиньѣ было отстать отъ своей артели, съ которой она вышла изъ деревни. И обидно и совѣстно. Она часто вспоминала старостиху Таисью, которая ее взяла на поруки у матери, а теперь она не смѣетъ ее даже чаемъ напоить. Очень даже нехорошо и предъ другими дѣвушками капорками. То-то бѣдныя колотятся теперь на огородахъ: встань въ пять часовъ, спать въ девять, хозяйскія харчи тощіе—вотъ какъ намаются за лѣто. Аксинья боялась встрѣтиться

Digitized by Google

съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ на улицѣ и постоянно оглядывалась, когда бѣгала въ лавочку. Застыдятъ товарки, и Аксинья нѣсколько разъ поплакала про себя. Вторымъ больнымъ мѣстомъ была своя деревня. Аксинья хотѣла съ перваго же жалованья послать матери три рубля, но Уваръ строго ей запретилъ:

— И моды такой не заводи. Поняла? Ишь, милліонщица какая выискалась... Сперва обзаведи все на себя, а тамъ и посылай. Сами деревенскіе и отлично можемъ все это дѣло понимать. Мать-то вдова? Ну, обнакновенно. Съ братомъ, значитъ, живетъ?

— Нѣтъ, у дяди, а братъ пьяница... Въ третьемъ году погорѣли отъ молоньи, такъ онъ послѣднюю коровенку пропилъ.

— Такъ, такъ... Извѣстная музыка. Вотъ они съ тебя и потянутъ жаренымъ и варенымъ. Вотъ какіе письма будутъ писать, и въ каждомъ письмѣ какая-нибудь новая бѣда. Знаемъ— что у насъ въ Тверской губерніи, что у васъ въ Новгородской—церемонія одна. Вотъ ты учись говорить по питерски, а то по деревенски лопочешь: „нэ“ да „оны“. А на деревню не напасешься... Конешно, родительницѣ обязательно должна помогать, да только сама-то сперва на ноги встань, чтобы все въ аккуратѣ. Правильно тебѣ говорю. Родительницѣ-то будетъ лучше, когда ты сама себѣ вполнѣ понимать будешь...

Digitized by Google

Раздумавшись, Аксинья не могла не согласиться, что Уваръ былъ правъ кругомъ. А все-таки жаль и обидно. Ботинки-то можно бы и въ три рубля купить, а три выслать матери. Мало-ли какъ другія кухарки щеголяютъ или отчаянныя Лушки. Аксинья просыпалась даже ночью и думала о своихъ ботинкахъ. Деревенская логика не укладывалась съ городской. А тутъ еще Луша вертится подъ носомъ и осмѣиваетъ каждый шагъ. Бѣсъ какой-то, а не дѣвка. Даже барыня и та заступалась иногда за Аксинью. Слушаетъ-слушаетъ и скажетъ:

— Какъ вамъ не совѣстно, Луша?

— А ежели она суща капорка, барыня?

— Глупости... И капорки такіе же люди, какъ мы съ вами.

— Ну, ужъ это извините, барыня. Дослужилась я у васъ, что съ капоркой вровень сравняли .. Низко вы меня понимаете.

— Перестань болтать вздоръ... Я этого не могу выносить.

Луша отводила душу потомъ устраивая какую-нибудь каверзу Аксиньѣ съ ловкостью обезьяны.

III.

Отношенія Увара къ новой кухаркѣ, конечно, были замѣчены всѣми остальными кухарками, такъ что Аксинья чувствовала себя

Digitized by Google

неловко, когда встрѣчалась съ прислугой гдѣ-нибудь въ мясной.

— Ну, что, племянница? здоровались съ ней.

— Какая я вамъ племянница далась?

— А такая... Потому какъ ты къ Увару въ племянницы опредѣлилась. Барыня-то думаетъ, что кухарку наняла, а вышла дворницкая племянница. Увару удовольствіе, а господа платятъ жалованье...

— Отстаньте.

— Чего отставать-то? Не ты первая. Раньше у него вотъ такая же племянница въ одиннадцатомъ номерѣ жила, да господа прогнали, потому что она оказалась съ прибылью.

Аксинья не знала, куда ей дѣваться отъ такихъ разговоровъ. А кухарки такъ и пристаютъ. точно осы. И въ мясной лавкѣ, и въ мелочной приказчики начали ее звать племянницей. Аксинья даже плакала, но ничего не могла подѣлать. Отчаянныя эти питерскія кухарки,—имъ все равно. Только и дѣла, что зубы скалить. Всѣ косточки другъ другу перемоютъ. Удивляло Аксинью, между прочимъ, то, что Луша, которую она считала самой отчаянной изъ всей прислуги, не приставала къ ней и никогда не называла племянницей. Происходило это отъ того, что Луша презирала всякую прислугу, а въ особенности женскую.

— Стала я связываться съ какими-то кувалдами, коротко объясняла она.

Digitized by Google

Луша дружила, главнымъ образомъ, съ швеями, о чемъ-то съ ними шепталась и, вообще, чувствовала себя въ ихъ обществѣ своей. Въ сущности, она не была злой, какъ убѣждалась Аксинья, и вотъ въ тоже время могла устроить какую угодно каверзу.

Самому Увару Аксинья ничего не говорила. Ничего дурного отъ него она до сихъ поръ еще не видала, а только одно хорошее. Онъ не приставалъ къ ней, не позволялъ даже тѣхъ шутокъ, безъ которыхъ дворники не пропускаютъ мимо ни одной кухарки. Вообще, былъ хорошій, степенный мужикъ, и Аксинья его жалѣла. Мужикъ еще въ полной порѣ, а жена больна. Только разъ Уваръ сказалъ ей:

— А ты не слушай Аксиньюшка, что болтаютъ другіе протчіе. Насъ это не касаемо. Ежели бы была наша такая слабость, такъ сдѣлай милость, этого бабьяго сословія сколько угодно. Только мы себя не такъ понимаемъ... Намъ пустяковъ совсѣмъ даже не нужно. Наплевать... Ежели по душамъ, такъ это опять другая статья.

— Какъ это по душамъ-то?

— А такъ, глупая. . Когда ничего не жаль—вотъ и вышло по душамъ. Значитъ, милъ сердечный другъ, и кончено. Въ лучшемъ видѣ.

Аксинья теперь отлично понимала, что значатъ эти слова, понимала, потому что сама начала переживать что-то новое, особенное и хо-

Digitized by Google

рошее, какъ человѣкъ, который согрѣвается въ теплой комнатѣ. Раньше всѣ помыслы были сосредоточены на одномъ кускѣ хлѣба. Давила страшная деревенская бѣдность. А теперь Аксинья начала думать, что вотъ живутъ же на бѣломъ свѣтѣ другіе люди. Какъ-то умѣютъ устроится. Смутно являлась мысль о своемъ углѣ, но Аксинья гнала эту мысль, какъ тайное преступленіе. Ей нравилось, напримѣръ, издали наблюдать, какъ работаетъ Уваръ,—не торопясь, степенно, съ достоинствомъ, какъ и слѣдуетъ настоящему мужику. Съ такимъ-то мужикомъ и бабѣ не житье, а масляница. Онъ и позаботится обо всемъ, и защититъ, и побережетъ. Однимъ словомъ, настоящій мужикъ, не охальникъ и не озорникъ.

Странно, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, Аксинья какъ-то начала бояться Увара; чѣмъ больше онъ ей нравился, тѣмъ больше она начинала его бояться. Разъ ей показалось, что онъ хотѣлъ ее обнять, и она даже отскочила отъ него. Вѣдь другіе и не это позволяли, особенно огородники-ярославцы, но то было другое. Аксиньѣ хотѣлось уважать Увара, какъ хорошаго человѣка, и она боялась потерять это уваженіе къ нему. Всѣ эти мысли проходили въ ея головѣ неоформленными массами, какъ застилаютъ ясное небо безформенныя осеннія облака.

— Нѣтъ, онъ хорошій, увѣряла Аксинья самое себя, точно отъ этого сама дѣлалась лучше.

Digitized by Google

Вспоминая по пути свое прошлое — деревенскія посидѣлки, лѣтніе хороводы, страдную пору и всѣ моменты, когда дѣвки и парни пользуются чисто деревенской свободой, Аксинья даже краснѣла Ей хотѣлось забыть деревенскую грубость и зоологическую откровенность и жить «по душамъ», какъ говорилъ Уваръ. Человѣкъ, который надѣваетъ чистое, свѣжее бѣлье, приблизительно, переживаетъ такое же ощущеніе, точно въ этомъ свѣжемъ бѣльѣ онъ и самъ сдѣлается чище и лучше.

Всѣ эти дѣвичьи страхи оборвались совершенно неожиданно. Господа хотѣли провести лѣто въ городѣ, но появилась холера, и они сейчасъ же рѣшили переѣхать на дачу въ Павловскъ.

— Какая тамъ холера, ворчала Луша.—Это все наша вычитываетъ въ газетахъ, а баринъ ей вѣритъ.

Луша по вечерамъ все и чаще и чаще исчезала изъ дому и раза два приходила только подъ самое утро. Аксиньѣ приходилось скрывать ея отсутствіе и ей совѣстно было говорить барынѣ, что Луша ушла въ больницу навѣстить двоюродную сестру, что у нея заболѣла тетка и т. д.

Сборы на дачу произошли съ необыкновенной быстротой. Ксенія Александровна каждое утро со страхомъ брала въ руки газету и приходила въ ужасъ. Холера надвигалась съ юга, какъ лѣтняя грозовая туча. Холерные бюллетени Кс-

Digitized by Google

нія Александровна выучивала наизусть и приставала съ ними къ мужу, какъ осенняя муха.

— Pièrre, холера уже въ Курскѣ... Было два случая.

— Что-жъ изъ этого? равнодушно спрашивалъ Петръ Васильевичъ.

— Какъ что?Черезъ нѣсколько дней она будетъ въ Москвѣ, а тамъ по Николаевской дорогѣ черезъ день будетъ у насъ. Нѣтъ, это ужасно, ужасно, ужасно... Нужно принять мѣры.

— Что же, можно .. равнодушно соглашался Петръ Васильевичъ.—Да примемъ мѣры.

— Я не выношу запаха карболки и хлора. У меня есть какое-то предчувствіе, Pièrre. Это смѣшно, но, вѣдь, наука еще въ младенческомъ состояніи и со временемъ будетъ считаться вотъ съ этими предчувствіями. Повѣрь мнѣ, что будетъ такъ!..

Нанимать дачу ѣздилъ Петръ Васильевичъ, и когда пріѣхалъ, получилъ отъ жены сильную головомойку. Ей все не нравилось, до помойной ямы включительно. Садикъ при дачѣ напоминалъ давно небритую бородку, отъ оконъ дуло, печи дымили, сосѣди—какія-то гостинодворскіе купцы, которые о гигіенѣ понятія не имѣли. Аксинья могла только удивляться ангельскому терпѣнію барина. На пятый день послѣ переѣзда на дачу получена была телеграмма, что холера появилась въ Петербургѣ.

— Я говорила... повторяла Ксенія Александ-

Digitized by Google

ровна упавшимъ голосомъ. — Вотъ и смѣйся надъ предчувствіями.

Луша дулась дня три и тоже находила все нехорошимъ. Развѣ такія дачи бываютъ у настоящихъ господъ? Курятникъ какой-то. Впрочемъ, она быстро успокоилась, потому что по вечерамъ начала пропадать въ паркѣ и возвращалась домой съ букетомъ цвѣтовъ. Разъ Аксинья замѣтила, что Луша какъ будто не совсѣмъ въ умѣ. Она улыбалась, что-то бормотала и кому-то грозила кулакомъ.

— Лушенька, Христосъ съ тобой, да ты пьяная?! ахнула Аксинья.

— Молчи, капорка... Ничего ты не понимаешь. Да...

— Распослѣднее это дѣло, Луша, когда баба запьетъ.

— Э, все равно. Живи веселѣе — скорѣе повѣсятъ. Что мнѣ господа—наплевать. Да... Захочу—хоть завтра буду сама барыней.

Луша сидѣла на кровати у Аксиньи, не снимая люстриновой накидки и шляпы. Она носила перчатки и ходила съ зонтикомъ. Аксинья смотрѣла на нее и жалѣла ее хорошей, бабьей жалостью. Такая то она тоненькая да блѣдная, а по лицу румянецъ пятнами. Глаза совсѣмъ пьяные и улыбка, и языкъ заплетается.

— Ахъ, Луша, Луша, нехорошо!

— Молчи, капорка. Дуры мы, вотъ что. Все бережемся, все боимся, а для чего, спра-

Digitized by Google

шивается? Кому это нужно? Гдѣ это наши суженые-ряженые? Да изъ нашего брата бабъ хоть огородъ городи... да.

— Не всѣмъ замужъ выходить. У всякой своя судьба...

— Судьба?! Хи-ха... Тьфу! Вотъ тебѣ и вся твоя судьба...

Раскачиваясь и закрывая глаза, Луша мурлыкала модный въ то время романсъ:

Паулина, бойся увлеченья!
Паулина, дѣвица Паулина...

Луша путала слова и мотивъ и улыбалась счастливый улыбкой.

— Съ *тѣмъ* кончено... бормотала она.—Помнишь, изъ парикмахерской? Ну, его... Всю зиму обѣщалъ свезти въ нѣмецкій клубъ и надулъ. Да... А здѣсь кавалеровъ хоть отбавляй Съ какимъ я гусарскимъ писаремъ познакомилась. Аксинья, ты—капорка и ничего не понимаешь. Первое дѣло, деликатное обращеніе. «Мудмуазель, позвольте шеколаду?» Вотъ какъ... И на Петербургъ наплевать. Да... Переѣду въ Царское, гдѣ гвардейскіе полки стоятъ. Все красавцы, на подборъ, какъ молочные зубы. Распослѣдняя кухарченка и та какъ живетъ въ Царскомъ—умирать не надо. Почему я не могу быть барыней? Шиньонъ, вотъ, куплю, рукава расфуфырю...

— Ложись спать, отчаянная.

Лушѣ вдругъ сдѣлалось грустно. Она начала

Digitized by Google

бранить какого то «измѣнщика», а потомъ обняла Аксинью и заплакала.

— Ахъ, Аксинья, Аксинья, пропала моя голова!

Кончилась эта сцена тѣмъ, что Луша стала просить три рубля, а такъ какъ такихъ денегъ у Аксиньи не оказалось, то она ее обругала и ткнула зонтикомъ въ бокъ.

Господа въ это время были заняты холерой. Ксенія Александровна боялась выходить въ паркъ—вѣдь самый воздухъ насыщенъ холерными запятыми! И даже сдачу, которую Аксинья приносила изъ лавочки, клала въ мѣдную кострюлю и велѣла прокаливать въ духовомъ шкафу. Она была окружена холерными запятыми, которыхъ видѣла даже во снѣ.

IV.

Дачная привольная жизнь пришлась Аксиньѣ совсѣмъ по душѣ. Она теперь могла видѣть, какъ живутъ настоящіе господа. Всѣ жили одинаково: мужья утромъ уѣзжали на службу, жены заказывали обѣдъ, и потомъ цѣлый день ждали возвращенія мужей, нагруженныхъ городскими покупками, какъ верблюды. Луша ненавидѣла всѣхъ барынь и разсказывала про нихъ ужасныя вещи.

— Дармоѣдки онѣ всѣ и всѣ прикидываются больными, увѣряла Луша. — Вонъ наша теперь по-

Digitized by Google

стоянно въ нервахъ валяется... А дураки мужья всему вѣрятъ.

Раньше Аксинья смотрѣла на господъ чуть не съ благоговѣніемъ, какъ на особую породу людей, а сейчасъ она начинала соглашаться съ Лушей. Что же, конечно, Ксенія Александровна добрая, это вѣрно, а опять то сказать, съ чего ей злиться? Сыта, одѣта, обута, никакой работы—этакъ-то и всякій будетъ добрымъ. Разъ Аксинья даже нагрубила барынѣ. Это случилось въ самый критическій моментъ, именно, когда барыня заказывала обѣдъ.

— Что это съ тобой, Аксинья? изумилась Ксенія Алескандровна.

Аксинья, молчала, закусивъ губы. Это разстроило барыню на цѣлый день. Вечеромъ она жаловалась мужу и нюхала какую-то соль. Петръ Васильевичъ прошелъ въ кухню и съ дѣланной строгостью проговорилъ:

— Аксинья, мнѣ не нравится ваше поведеніе. Смотрите, если повторится что-нибудь подобное въ въ слѣдующій разъ...

Баринъ не докончилъ угрозы, махнулъ рукой и ушелъ сконфуженный. Аксинья ничего не поняла изъ его словъ, но страшно перепугалась—баринъ еще никогда не говорилъ съ ней.

— Ахъ, ты, капорка несчастная! смѣялась Луша.—А ты бы сказала барину, что, молъ, я въ нервахъ... У насъ не барыня, а какая-то холера. Сдѣлай милость, не стало ихняго брата...

Digitized by Google

Хочешь, хоть завтра же опредѣлю на мѣсто въ Царское? И сама туда же уйду... Вотъ гдѣ житье прислугѣ... А главное—кавалеры на подборъ. Ей Богу уйдемъ... Меня ужъ завутъ.

Аксинью тоже сманивали на другое мѣсто. Утромъ, когда она ходила въ зеленную, то каждый разъ встрѣчала старушку, гулявшую съ костылемъ. Эта старушка разъ остановила ее и начала разспрашивать, у кого она служитъ, сколько получаетъ жалованья, довольна ли своими господами.

— Если не нравится, такъ я тебя съ удовольствіемъ возьму, прибавила она.—И еще полтину жалованья прибавлю.

— Нѣ... по деревенски отвѣтила Аксинья.

— Какъ знаешь. Я тебѣ же добра желаю...

Луша постоянно роптала на своихъ господъ, которые живутъ какъ кикиморы. У другихъ господъ постоянно гости, значитъ, на чай сколько перепадетъ, а у этихъ только и бываетъ одинъ рыжій докторъ, который ничего не даетъ. Впрочемъ, разъ, одѣваясь въ передней, онъ внимательно посмотрѣлъ на Лушу, которая подавала пальто, и та подумала, что вотъ онъ разступится, но докторъ, вмѣсто того, чтобы дать на чай, проговорилъ:

— Покажи-ка языкъ... У тебя нездоровый цвѣтъ лица.

Луша позеленѣла отъ злости и ругала рыжаго доктора два дня. Вотъ, скважина. Что, она—

Digitized by Google

собака какая-нибудь, чтобы показывать языкъ? Проклятый докторъ, однако, устроилъ ей еще большую непріятность. Лушу позвала барыня и спросила:

— Луша, вы серьезно нездоровы, т. е. вы...

У Луши показались слезы на глазахъ. Она начала клясться и божиться, что знать ничего не знаетъ.

— Перестаньте, докторъ знаетъ...

— Ей Богу, барыня! Вотъ сейчасъ провалиться.

— Мнѣ жаль васъ, Луша. Такая молодая дѣвушка и такъ дурно себя ведетъ... Я думала лучше о васъ.

Послѣ этого разговора Луша вдругъ присмирѣла. Проклятый рыжій докторъ угадалъ... Она теперь ходила съ заплаканными глазами и начала замѣтно полнѣть. По ночамъ на нее нападалъ страхъ, она будила Аксинью и говорила:

— Аксинья, мнѣ страшно...

— Перестань, глупая.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты ничего не понимаешь... Я скоро умру.

— Всѣ помремъ.

— Нѣтъ, вы будете жить, а я умру. Сама виновата... Знаешь, есть въ городѣ одна акушерка, которая барынямъ вытравляетъ. Я къ ней пойду.

— Нѣтъ, это ужъ совсѣмъ грѣшно.

— Грѣшно?

Digitized by Google

— И прощенья не будетъ. Надо терпѣть...

— Куда же я съ ребенкомъ?

— Какъ-нибудь устроишься. Ребенка можно на воспитаніе отдать, а сама въ мамки пойдешь. Не ты первая... А травить младенца грѣшно.

Луша имѣла самыя смутныя представленія о томъ, что грѣшно и что не грѣшно, а деревенская Аксинья знала это твердо, и Луша слушала ее! Теперь Аксинья оказывалась и знающѣе, и разсудительнѣе, чѣмъ она, развратная питерская горничная. Луша не имѣла понятія о материнствѣ и когда гдѣ-нибудь на улицѣ встрѣчала беременную женщину, со страхомъ обходила ее подальше. Аксинья знала все. Не даромъ она съ шести лѣтъ жила въ деревенскихъ нянькахъ. У нея былъ цѣлый репертуаръ дѣтскихъ болѣзней и разныхъ домашнихъ средствъ.

— Больше всего ребята мрутъ отъ живота и отъ горлышка, объясняла она тономъ спеціалистки.—Много-ли ему надо, ребенку! Однова дыхнулъ и готовъ. Матери-то какъ убиваются...

— А зачѣмъ онѣ убиваются?

— Тоже жаль, глупая. Ничего-то ты не понимаешь, а еще городская.

— Отлично понимаю. Это тѣ убиваются, у которыхъ мужья есть! А тутъ, слава Богу, если помретъ...

— Да, вѣдь, младенчикъ не виноватъ! Въ емъ тоже душа .. Можетъ, незаконная-то мать

Digitized by Google

еще побольше убивается, да только никто не пожалѣетъ. Подлецы эти мужчины.

Самымъ больнымъ мѣстомъ Луши былъ вопросъ объ отцѣ. Она откровенно призналась Аксиньѣ, что не знаетъ, который изъ двухъ отецъ—парикмахерскій подмастерье или гусарскій писарь.

— Родится младенецъ, тогда и видно будетъ, успокоивала Аксинья.

Луша страшно тосковала и въ минуты отчаянія увѣряла, что утопится. Вмѣстѣ съ этимъ, у нея проявлялась какая-то отчаянная нѣжность къ предполагаемому отцу № 2-й. Она подарила ему тросточку, потомъ два галстуха, потомъ украла серебряную ложечку тоже для него, потомъ купила серебряную цѣпочку. Ея мечтой было подарить ему серебряный портсигаръ, какой былъ у Петра Васильевича, но пока стащить не рѣшалась.

Аксинья отъ души жалѣла глупую питерскую горничную, а у самой бѣда висѣла надъ головой. Какъ-то вечеромъ дачный дворникъ вызвалъ ее за ворота. Тамъ на лавочкѣ сидѣлъ Уваръ. Аксинья сильно смутилась, когда онъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы.

— Ничего, есть окончательная полировка, спокойно проговорилъ онъ, здороваясь за руку.— Значитъ, вполнѣ на линіи теперь... Вонъ какое лицо нагуляла, скоро мѣста въ кожѣ не останется. Пріѣхалъ провѣдать... Душно въ го-

Digitized by Google

родѣ-то, я и того, махнулъ въ Павловскъ. Какъ живешь-можешь?

— Ничего, слава Богу... Вотъ холеры все боимся.

— Пустое... Это для дохтуровъ да для господъ холера, а простое званіе никакой холеры не знаетъ.

— У насъ барыня деньги въ кастрюлѣ жаритъ. Сказываетъ, што эта самая холера въ воздухѣ летаетъ, какъ муха.

— Опять пустое... А ты во что, Аксиньюшка, ужо выходи въ паркъ, какъ стемнѣетъ. Поняла? Надо мнѣ тебѣ одно словечко сказать...

— Ужъ не знаю... А господа вдругъ хватятся...

— Скажи, что изъ деревни дядя пріѣхалъ. Бываетъ и свиньѣ праздникъ...

Уваръ зашелъ и на дачу къ господамъ, чтобы сказать, что въ городѣ все благополучно и что онъ каждое утро и каждый вечеръ осматриваетъ парадную и черную двери ихъ квартиры. Ксенія Александровна дала ему рубль на водку и велѣла напоить на кухнѣ чаемъ

— Честь завсегда лучше безчестья, разсуждалъ Уваръ, сидя въ кухнѣ.—Экое житье этимъ женскимъ услужающимъ... Даромъ надышетесь здѣсь вольнымъ то воздухомъ. Луша, вы какъ будто маненько въ полноту приходите. Въ самый разъ дѣвушкѣ... Вонъ Аксинья-то какая стала, не защипнешь.

Digitized by Google

Луша страшно смутилась и убѣжала. Уваръ посидѣлъ и ушелъ. Аксиньѣ не хотѣлось итти въ паркъ, но потомъ она рѣшила, что, вѣдь, не съѣстъ же онъ ее. Она еще ни разу не отпрашивалась со двора, и барыня ее отпустила безъ словъ.

— Дядя изъ деревни... повторяла Аксинья.

— Я тебя не удерживаю.

Уваръ ждалъ въ назначенномъ мѣстѣ. Начинало уже темниться. Аксинья сильно трусила, когда шла на это свиданіе, и остановилась, не доходя до скамейки, на которой сидѣлъ Уваръ. Онъ самъ подошелъ къ ней и взялъ за руку.

— Иди, чего остановилась, какъ телка.

Аксинья вся дрожала. Ей хотѣлось убѣжать. Онъ привелъ ее на скамейку, посадилъ и сѣлъ рядомъ.

— Скушно мнѣ, Аксиньюшка...

Она молчала, тяжело дыша.

— Вотъ, какъ скушно... Ахъ, Боже мой!.. И все думаю о тебѣ... Ну, что ты мнѣ такое?.. И назвать не чѣмъ, а я все думаю... Эхъ, Аксинья, Аксинья...

Раньше Аксинья и боялась Увара, и какъ-то жалѣла его, а тутъ вдругъ разсердилась.

— Я не такая, Уваръ, штобъ мнѣ такія слова говорить... Съ чего ты это взялъ? У тебя родная жена есть и ступай къ ней...

Онъ неожиданно схватилъ ее за талію, но она съ силой вырвалась отъ него и убѣжала домой.

Digitized by Google

V.

Черезъ недѣлю Уваръ опять пріѣхалъ, но уже утромъ. Онъ теперь не вызывалъ Аксиньи, а сидѣлъ на лавочкѣ за воротами и терпѣливо ждалъ. Аксинья страшно испугалась, когда Луша бѣгавшая въ лавочку, сообщила ей объ этомъ.

— Что-же онъ дѣлаетъ тамъ? спрашивала она, замирая отъ страха.

— А ничего... Сидитъ, какъ идолъ.

— Про меня не спрашивалъ?

— Нѣтъ... Поздоровался со мной, и больше ничего. Ты-то чего испугалась.

Луша смотрѣла такими испытующими глазами, что Аксинья невольно смутилась.

— У насъ ничего не было... виновато оправдывалась она.—Чудной онъ какой-то.

— Такъ, такъ... недовѣрчиво соглашалась Луша.—А ты его все-таки поберегайся. Нехорошо онъ смотритъ,..

— Какъ нехорошо?

— А такъ... Ласково такъ, спокойно, а это хуже всего. Я уже знаю этихъ подлецовъ мужчинъ... Который кричитъ или лѣзетъ драться— это ничего, а вотъ такіе тихонькіе—настоящій ядъ. Чортъ его знаетъ, что у него на умѣ... Не даромъ же человѣкъ во второй разъ пріѣхалъ...

Это разъясненіе еще сильнѣе встревожило

Digitized by Google

Аксинью, и она цѣлый день просидѣла въ кухнѣ, пока Уваръ не уѣхалъ домой. Лушу очень интересовала эта исторія, и она десять разъ выскакивала посмотрѣть какъ сидитъ за воротами Уваръ.

— Я его только теперь разсмотрѣла хорошенько, сообщала она свои наблюденія.—Онъ ничего хоть, и въ годахъ. Старики-то понадежнѣе будутъ... Напрасно ты рыло воротишь отъ него.

— Видѣть его не могу, повторяла Аксинья.

Черезъ недѣлю Уваръ опять появился. Это было вечеромъ, когда Аксинья бѣжала въ булочную. Онъ поздоровался съ ней и проговорилъ.

— Что это ты прячешься, отъ меня, Аксинья? Не бойсь, не укушу..

— Нечего мнѣ прятаться... А зачѣмъ ты пріѣзжаешь—дѣло твое.

— Оно самое...

Уваръ смотрѣлъ на нее какими-то странными улыбавшими глазами, и у нея захолонуло на сердцѣ отъ этого взгляда.

— Ну, какъ ты, Аксиньюшка? спросилъ онъ какимъ-то придавленнымъ голосомъ.

— А все такъ же..

— Только и всего?

— Только и всего...

— Оченно даже немного. Такъ-съ... Ну, инъ до свиданія Въ воскресенье опять пріѣду... Скушно мнѣ.

Digitized by Google

Аксинья опять разсердилась. Вотъ навязался-то человѣкъ... И что ему только надобно, омморошному? Не стало другихъ кухарокъ. А тутъ еще Луша поддразниваетъ, чего раньше никогда не дѣлала.

— Какъ настоящій практикованный кавалеръ—сидитъ и ждетъ! Ужо подарокъ какой нибудь привезетъ...

— Не таковская я, чтобы подарки брать, сердилась Аксинья.—Стыда у человѣка нѣтъ—вотъ и шляется. Какъ пріѣду въ городъ, такъ и разскажу все женѣ.

— А не разскажешь... подзадоривала Луша.—Это ты только такъ храбришься, а дойдетъ до дѣла, такъ и спразднуешь трусу. Скажи ему, чтобы онъ за мной ухаживалъ. Мнѣ то за одно терпѣть... Кто ни попъ, тотъ и батька.

Въ воскресенье Уваръ, дѣйствительно, пріѣхалъ. Онъ уходилъ куда-то съ дачнымъ дворникомъ и вернулся навеселѣ. Дачный дворникъ долго игралъ на гармоникѣ, а Уваръ слушалъ и отмахивался рукой, точно отгонялъ невидимую муху.

— Это кажется, нашъ Уваръ? спросила Аксинью барыня, поднимая брови.

— Онъ, барыня...

— Зачѣмъ онъ здѣсь?

— Не знаю.

— Странно. А впрочемъ... Аксинья, ты видишь до чего довело Лушу ея легкомысліе, и берегись.

Digitized by Google

— Помилуйте, барыня, обидѣлась Аксинья.— Сейчасъ провалиться, ничего не знаю... Съ мѣста не сойти.

— Хорошо, хорошо. Луша говорила то же самое. Считаю долгомъ на всякій случай тебя предупредить, что у меня не воспитательный домъ... Удивляюсь, какъ Увару не стыдно. Кажется человѣкъ степенный, женатый... Да, такъ не забывай, что я тебя впередъ предупредила.

Она позвала Увара и прочитала ему натацію. Дворникъ слушалъ внимательно, встряхивалъ головой, вертѣлъ въ рукахъ суконную фуражку и вздыхалъ.

— Ужъ вы меня извините, сударыня, отвѣтилъ онъ съ мягкимъ упорствомъ тронутаго человѣка,—а только я не подверженъ разнымъ пустякамъ. У меня главное, чтобы по душамъ.

Ксенія Александровна ничего не поняла, кромѣ того, что разыгрывался какой-то тяжелый мужицкій романъ и что Уваръ что-то такое сдѣлаетъ, чего она не знаетъ. Впрочемъ, на дачахъ вся прислуга держала себя какъ-то странно и невозможно.

Уваръ больше не появлялся до самаго переѣзда съ дачи. Господа боялись холеры и прожили на дачѣ до сентября, когда начались дожди и холода. Аксинья за лѣто окончательно вошла въ роль настоящей кухарки. Она уже умѣла брать чаи съ лавочниковъ, не додавала барынѣ сдачи и, вообще, научилась получать

Digitized by Google

тѣ безгрѣшные доходы, которыми пользовались всѣ другіе кухарки. Благодаря этому, она «выправила» себѣ на осень дипломатъ, резиновыя калоши и теплый платокъ. На своихъ господъ она начала смотрѣть, какъ на статью дохода, и больше ничего.

— Не стало ихъ, господъ, разсуждала она,— Слава Богу, проживемъ...

Главное было сдѣлано, то есть, экипировка. Съ шубой можно было и подождать. Да и господа могутъ помочь, въ случаѣ чего,—для нихъ же будетъ трепаться въ городѣ по лавкамъ.

Переѣздъ съ дачи былъ все-таки непріятенъ, какъ Аксиньѣ, такъ и Лушѣ. Первая побаивалась Увара, а вторая стыдилась показаться въ своемъ настоящемъ видѣ. Раньше она относилась ко всякой прислугѣ свысока, и теперь всѣ вымстятъ ей ея дѣвичью гордость.

— Утоплюсь... повторяла Луша, ломая въ отчаяніи руки.—Глазъ никуда показать нельзя будетъ. Засмѣютъ...

Въ минуту отчаянія, Луша откровенно высказала свои опасенія барынѣ, и та пришла тоже въ недоумѣніе.

— Какъ же намъ быть, недоумѣвала вслухъ Ксенія Александровна.—Право, Луша я не знаю, что дѣлать...

Луша горько плакала и тоже ничего не знала. Выручила ихъ Аксинья, которая предложила самую разумную мѣру.

— Пусть пока дома посидитъ. Дома-то никто

Digitized by Google

не видитъ, а я ужъ за нее буду по лавочкамъ бѣгать.

Въ послѣднемъ у Аксиньи былъ уже свой разсчетъ: чѣмъ больше лавочекъ, тѣмъ больше доходъ. Она теперь постоянно думала о деньгахъ и все начинала мѣрять только деньгами.

Какъ ни скрывала свое положеніе Луша, но прислуга всего громаднаго дома сразу поняла, въ чемъ дѣло. Произошло нѣсколько непріятныхъ сценъ, которыя возмутили Ксенію Александровну до глубины души. Обиднѣй всего ей козалось то, что Лушу травили больше всего именно женщины, которымъ, казалось бы, естественнѣе было ее защищать. Сказывалось какое-то возмутительное и тупое озлобленіе. Эта травля Луши закончилась тѣмъ, что барыня приняла Лушу окончательно подъ свое покровительство, то есть, прежде всего, обратилась къ мужу.

— Что же я могу тутъ сдѣлать? мямлилъ Петръ Васильевичъ.

— Что сдѣлать? А еще мужчина... Каждый пѣтухъ умѣетъ защищать свою курицу. Стыдитесь.

— Да, но пѣтухъ защищаетъ только свою курицу.

— Но, вѣдь вы должны же стоять хоть немного выше пѣтуха. Угнетать женщину умѣете. Если бы я была женой дворника Увара, такъ онъ съумѣлъ бы защитить меня.

— Матушка, вѣдь дѣло идетъ о Лушѣ?!

Digitized by Google

— Я тоже женщина, какъ и Луша, и оскорблена, какъ женщина.

— Гмъ... Знаешь что, я поговорю вотъ съ этимъ самымъ Уваромъ.

Это былъ самый позорный отвѣтъ, какой только могъ дать Петръ Васильевичъ, и Ксенія Александровна, не безъ трагизма проговорила:

— Я васъ презираю, несчастный!

Произошла крупная супружеская сцена, и Петръ Васильевичъ проклиналъ всю женскую прислугу, какая только существовала и существуетъ.

Это заступничество Ксеніи Александровны закончилось совершенно неожиданно. У Петра Васильевича пропалъ портсигаръ. Стоилъ онъ не дорого, но имѣлъ значеніе, какъ подарокъ. Искали по всему дому и ничего не нашли. Господа не высказывали подозрѣнія ни на кого, но это не мѣшало Аксиньѣ страшно волноваться. Она опять разсуждала по деревенски: кому же украсть портсигаръ, какъ не прислугѣ? Дальше слѣдовалъ уже самъ собой такой выводъ: за Лушу барыня заступается, слѣдовательно, все подозрѣнія падетъ на нее. Аксинья была убѣждена, что украла портсигаръ именно Луша, съ цѣлью подарить его своему писарю. Она стала слѣдить за ней и въ одно прекрасное утро заявила барынѣ:

— Барыня, вотъ вы думаете на меня, а украла портсигаръ Луша. Она его подарила своему писарю, а писарь написалъ ей благодар-

Digitized by Google

ность въ письмѣ. Я показывала письмо Увару... Тамъ все прописано.

Было предъявлено письмо, которое Аксинья стащила у Луши изъ ея сундука. Дѣло было ясно, какъ день. Ксенія Александровна совершенно растерялась, что ей дѣлать и какъ быть. Не тащить же беременную дѣвушку изъ-за такихъ пустяковъ въ судъ и погубить ее этимъ навсегда, а затѣмъ огласка дѣла поставила бы и самую Ксенью Александровну въ неловкое и смѣшное положеніе. Она такъ защищала Лушу, ссорилась изъ за нея съ мужемъ, и вдругъ...

— Чортъ съ нимъ и съ портсигаромъ! рѣшила, наконецъ, Ксенія Александровна, махнувъ рукой.—А ты, Аксинья молчи... Понимаешь? Есть такая особенная болѣзнь, клептоманія, которой иногда страдаютъ беременныя женщины.

Рѣшеніе было найдено, и Ксенія Александровна увѣрила самое себя въ немъ настолько, что даже не сказала ничего Лушѣ и не велѣла говорить Аксиньѣ.

VI.

Это ничтожное по существу происшествіе имѣло для Аксиньи рѣшающее значеніе. Ея деревенскія понятія о нравственности подвергались сильному испытанію, а больше всего пострадали понятія о правѣ собственности. Что, въ самомъ дѣлѣ, господамъ значитъ портсигаръ, за который заплачено тридцать рублей? Наплевать, только и всего. Шальныя деньги у

Digitized by Google

господъ А можетъ, и сами они приворовываютъ гдѣ-нибудь на службѣ.

— Конешно, воруютъ, подтвердилъ Уваръ.— А то какъ же иначе? Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь домовъ каменныхъ. Теперь возьми такъ: домъ у насъ генеральскій, а генералъ въ Севастополѣ, поставлялъ солдатскіе сухари. Что такое сухарь? Сущіе пустяки, а на пустякахъ вонъ какой домище генералъ-то схлопалъ. Потомъ подрядчикъ, который строилъ домъ, наворовалъ у генерала любую половину и выстроилъ деревянный домикъ на Пескахъ. Такъ я говорю? Старшій дворникъ у насъ воруетъ во всемъ— и отъ уборки снѣгу, и отъ дровъ, и отъ ремонту, и прочаго—ступай, усчитай его. А промежду прочимъ, у него ужъ въ деревнѣ новая изба поставлена. Генеральскій кучеръ воруетъ овесъ, лакей воруетъ табакъ, горничныя тащатъ сахаръ. И не пересчитаешь! Гдѣ же господамъ взять, чтобы такую уйму воровъ ублаготворить? Значитъ, и они должны по своему тоже воровать. Только господа все образованные и не потащатъ овсомъ тамъ или дровами, а умственно украдутъ. Казна-матушка все стерпитъ... А тебѣ портсигаръ втемяшился. Петръ то Васильичъ тыщи четыри жалованья получаетъ на службѣ, да еще доходы имѣетъ.

Получался какой-то безвыходный кругъ, и голова у Аксиньи шла кругомъ. Въ деревнѣ отъ того и бѣдно живутъ, что воровать не умѣютъ, да и не у кого воровать.

Digitized by Google

„Дура я набитая, и больше ничего“, рѣшила она про себя.

Уваръ больше не приставалъ къ ней и былъ прежнимъ Уваромъ. Аксиньѣ иногда опять дѣлалось жаль его, и она останавливалась поболтать съ нимъ гдѣ-нибудь въ воротахъ. Когда кухарки начинали дразнить ее племянницей, она огрызалась съ нахальствомъ травленной собаки.

— Какая я ему племянница, когда выхожу за него замужъ. Вотъ только сперва пусть жена помретъ.

Кухарки только качали головами. Не спроста капорка зубы показываетъ... Вонъ какую рожу наѣла и одежду въ полгода справила. У этой станется, а Уваръ, конечно, мужикъ серьезный, да только у всѣхъ мужчинъ одна промашка. Глядишь, и надурилъ. Подъ старость-то еще паче дурятъ.

Самъ Уваръ, по прежнему, вздыхалъ, почесывалъ въ затылкѣ и только встряхивалъ волосами, когда мимо него проходила Аксинья, по деревенски, накинувъ платокъ на одно плечо. Впрочемъ, она быстро усвоила всю городскую повадку, и Уваръ только удивлялся, какъ это простая капорка можетъ такъ скоро отполироваться и выйти на полную линію. Но это спокойное настроеніе Увара быстро нарушилось, когда въ швейцары на генеральскую лѣстницу поступилъ швейцаромъ солдатъ семеновскаго полка Архиповъ. Это былъ рослый молодецъ,

Digitized by Google

съ какимъ-то точно обрубленнымъ лицомъ. Онъ щеголялъ шейной серебряной цѣпочкой, двумя медалями и черными усами. Уваръ сразу его не взлюбилъ, какъ дармоѣда. Положимъ, что всѣ швейцары дармоѣды и живутъ подъ парадными лѣстницами, какъ коты, но этотъ былъ дармоѣдъ на особицу. Торчитъ цѣлый день на подъѣздѣ, какъ идолъ, отворяетъ господамъ двери, кланяется и собираетъ гривенники.

— Вотъ ужъ истинно кошачье житье! возмущался Уваръ.—Этакой лобъ, а всей работы почистить дверной приборъ да дверь отворять господамъ. Ему бы работать, а онъ—идолъ идоломъ стоитъ...

На этого швейцара Аксинья обратила вниманіе, благодаря тому же Увару. Онъ ей не нравился, потому что не пропускалъ случая сказать что-нибудь непріятное.

— Эй, ты, толстопятая, куда пошлепала?

Аксинья обыкновенно не отвѣчала на такія любезности и отругивалась, какъ умѣла. Швейцаръ донималъ всѣхъ кухарокъ, и обижаться не стоило. Уваръ вдругъ приревновалъ ее къ этому швейцару.

— Да ты съ ума сошелъ, Уваръ? обидѣлась Аксинья.—Охальникъ онъ, твой швейцаръ, и больше ничего. Проходу не даетъ.

— Сказывай... не вѣрилъ Уваръ.—А сама зачѣмъ на него глаза таращишь?

— И не думала...

Digitized by Google

— Такъ, такъ... Одно у васъ, бабъ, ремесло. Тьфу! Ужо, вотъ, я съ него сажень дровъ наколю. .

— Да ты никакъ сбѣсился, Уваръ?

— Я то? А даже очень просто.

Уваръ былъ увѣренъ, что Аксинья заигрываетъ съ проклятымъ дармоѣдомъ, и на этомъ основаніи напился въ совершенно неуказанное время. Въ пьяномъ видѣ онъ началъ ругаться со швейцаромъ и даже полѣзъ въ драку, закончившуюся для него самымъ печальнымъ пораженіемъ. Гвардеецъ такъ его ударилъ «противъ печонки», что Уваръ чуть не умеръ на мѣстѣ. Эта неудача только больше обозлила Увара.

— Погоди, я тебѣ пропишу перцеазра съ горошкомъ, идолъ! произнесъ Уваръ. — Будешь меня помнить...

Эта драка обошлась Увару дорого, потому что онъ сразу потерялъ во мнѣніи всего дома. Всѣ знали, что драка вышла изъ-за племянницы. Кухарки изъ всѣхъ квартиръ торжествовали, радуясь скандалу, и ждали дальнѣйшихъ поступковъ ошалѣвшаго дворника.

Уваръ служилъ въ домѣ пятнадцать лѣтъ и пользовался особенной довѣренностью старшаго дворника, Луки Иваныча, который страдалъ сочленовнымъ ревматизмомъ и показывался на дворѣ только въ хорошую погоду. Лука Иванычъ призвалъ къ себѣ Увара и прочиталъ ему самую строгую нотацію.

Digitized by Google

— Ты это что же, Уваръ? А? Какъ ты самого себя понимаешь, а еще вторымъ дворникомъ считаешься? Напился—разѣ это полагается? Подрался—разѣ это полагается? А изъ за чего? Ну, говори?

Что было говорить Увару? Онъ переминался съ ноги на ногу, вертѣлъ въ рукахъ свою дворницкую шапку съ мѣдной бляхой и, наконецъ проговорилъ:

— Пропащій я человѣкъ, Лука Иванычъ...

— Что-о?

— Говорю, пропащій. Разѣ я не понимаю, какой долженъ быть второй дворникъ. Однимъ словомъ, шабашъ. Разсчитайте меня, и конецъ тому дѣлу. Не могу, Лука Иванычъ...

Старшій дворникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Увара и, наконецъ, сообразилъ въ чемъ дѣло. Онъ принялся усовѣщевать Увара по-отечески, обходя вопросъ объ Аксиньѣ. Но Уваръ самъ заговорилъ о ней.

— Что грѣха таить, Лука Иванычъ, виноватъ. Обошла она меня, значитъ Аксинья ..

— Можетъ чѣмъ поила?

— Разъ пилъ чай на дачѣ, только *это* вышло еще до дачи. Разсчитайте, Лука Иванычъ... Уѣду въ деревню къ себѣ, ну, *оно* и пройдетъ на свѣжемъ воздухѣ.

Лука Иванычъ думалъ два дня, а потомъ далъ Увару отпускъ на три недѣли. Онъ искренно жалѣлъ своего помощника и затаилъ ненависть

Digitized by Google

къ Аксиньѣ, изъ за которой вышло все дѣло. Ужъ гдѣ баба завяжется, самъ чортъ не развяжетъ. Да и новаго швейцара тоже надо бы въ шею прогнать, хотя онъ и не виноватъ. Старикъ былъ осторожный и любилъ выждать время. Разъ, встрѣтивъ Аксинью на дворѣ, онъ, однако, не вытерпѣлъ.

— Ты, умница, того... да... Убиралась бы по-добру... по здорову.

— За што это Лука Иванычъ?

— А вотъ за это самое.

Аксинья поняла, о чемъ шла рѣчь, и порядочно струхнула. Въ свою очередь, она накинулась на швейцара, который по ея мнѣнію, былъ во всемъ виноватъ.

— Изъ за тебя на меня Лука Иванычъ взъѣлся, дармоѣдъ.

— Помалчивай ужъ лучше, пока сама цѣла.

— Я бы всѣ глаза тебѣ выцарапала, оммо-рошному.

Аксинью больше всего злило то, что ее всѣ подозрѣвали въ близкихъ отношеніяхъ къ Увару, а намеки швейцара доводили до бѣшенства. Она не могла пройти мимо, чтобы не обругать его.

— Скапидаръ, а не дѣвка! удивлялся швейцаръ, не ожидавшій такого натиска отъ простой кухарки.

Всѣ другія кухарки уступали ему, а эта сама такъ и лѣзетъ въ драку. Стоя на парадномъ, швейцаръ придумывалъ самыя обидныя

Digitized by Google

словечки, чтобы осрамить Аксинью, но остроуміе на этотъ разъ какъ-то его оставило. Швейцаръ началъ не въ шутку злиться и разъ вечеромъ, схвативъ Аксинью за плечо, проговорилъ:

— Ты у меня еще поговори, такъ я изъ тебя двухъ кухарокъ сдѣлаю—разорву пополамъ.

— Руки коротки...

Когда Аксинья утромъ посмотрѣла на свое плечо, на немъ точно была отпечатана синей краской лапа швейцара.

— Ишь, подлецъ, какъ ухватилъ! удивлялась она, точно дѣло шло о какомъ-то постороннемъ.— Какъ есть медвѣдь.

Когда Уваръ вернулся изъ деревни, не выждавъ срока, онъ узналъ въ тотъ же вечеръ, что его подозрѣнія оправдались вполнѣ. Аксинья окончательно сдружилась съ швейцаромъ и бѣгала къ нему по ночамъ. Это извѣстіе убило его, онъ напился и пьяный пришелъ къ Лукѣ Иванычу.

— Теперь ужъ мнѣ ее даромъ не надо... объяснилъ онъ заплетавшимся языкомъ.—Я-то хотѣлъ по душамъ, а она вотъ какъ себя оправдала.

— Нестоящій предметъ. Уваръ, Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать... А ты, вотъ, брось лучше водку. Пропадешь ни за грошъ.

— И то пропадаю. Все одно, Лука Иванычъ... И здѣсь тошно, и въ деревнѣ тошно. Эхъ, жисть!

Digitized by Google

— А ты бы сходилъ въ церковь, отслужилъ молебенъ—дурь-то и соскочитъ. Вѣрно тебѣ говорю.

Уваръ боялся встрѣтиться съ Аксиньей и прятался, когда она проходила дворомъ. У него что-то такъ и накипало въ сердцѣ, тяжелое и мучительное. Онъ представлялъ себѣ самыя обидныя картины счастья Аксиньи и мучился вдвойнѣ. А если бы она пришла къ нему и сама попросила прощенія... Увару даже дѣлалось страшно за себя—вѣдь онъ бы простилъ ее, пожалуй, повѣрилъ бы лукавымъ бабьимъ слезамъ и свалялъ бы вообще самаго послѣдняго дурака.

VII.

Въ теченіе какого нибудь года Аксинья сдѣлалась неузнаваемой, а близкое знакомство со швейцаромъ довершило эту метаморфозу. Она теперь уже безъ зазрѣнія тащила у барина папиросы и табакъ, а у барыни чай, сахаръ и кофе, и все это, какъ крыса, тащила подъ лѣстницу къ своему швейцару. Швейцаръ не зналъ, что это краденое, и потому все принималъ. Въ немъ еще сохранялась солдатская честность.

— Ты у господъ, Аксинья, ничего не бери, строго говорилъ онъ.—Чтобы, понимаешь, ни ни!

— У нихъ не убудетъ, уклончиво отвѣчала Аксинья.—Не я, такъ Лушка украдетъ для своего писаря. Она портсигаръ у барина украла:

Digitized by Google

— Это не наше дѣло.

У Ксеніи Александровны начали быстро пропадать разныя вещи: двѣ рубашки, двѣ ночныхъ кофты, двѣ наволочки. Пропадали вещи и раньше, но не въ такомъ количествѣ. Когда барыня начинала говорить о своихъ потеряхъ, Аксинья повторяла одну и ту же фразу:

— Барыня, ужъ вы лучше обыщите меня... Кому же больше украсть, кромѣ меня.

Это говорилось съ разсчитаннымъ ехидствомъ,—Аксинья никогда не ссылалась на Лушу, какъ на завѣдомую воровку. Лучшаго маневра Аксинья не могла придумать, и барыня опять утѣшалась своей клептоманіей. Только когда у нея пропало кольцо и золотая брошь, она накинулась на Лушу съ небывалой строгостью и высказала, что знаетъ, гдѣ находится потерявшійся портсигаръ Петра Васильевича. Луша обомлѣла отъ этого двойнаго сюрприза, тѣмъ болѣе, что ни кольца, ни броши она не брала. Потомъ она начала клясться и плакать, но Ксенія Александровна уже не вѣрила ей.

— Меня удивляетъ, Луша, какъ вы можете еще говорить, говорила барыня, стараясь сдержать раздраженіе.—Мнѣ совѣстно за васъ.

— Ей Богу, не я!.. божилась Луша.

— Обыщите меня... предложила Аксинья — Некому больше.

— Я вамъ обѣимъ откажу отъ мѣста, рѣшила барыня..

Digitized by Google

Когда эта сцена закончилась и барыня ушла, Луша накинулась на Аксинью.

— Это ты меня подвела кругомъ, змѣя. Все знаю... Ты и письмо стащила у меня и брошку съ кольцомъ ты же украла.

— Воръ у вора, видно, дубинку укралъ.

Луша страшно неистовствовала и закончила предсказаніемъ:

— Погоди, вотъ, капорка, зарѣжетъ тебя Уваръ... да. Возьметъ и зарѣжетъ, какъ курицу.

— И пусть рѣжетъ. Никого я не боюсь.

Теперь ужъ наступила очередь Луши удивляться отчаянности Аксиньи. Откуда, подумаешь, что берется. Давно-ли всего боялась, а теперь вонъ какъ поговариваетъ.

Положеніе Луши было совсѣмъ критическое. Приближались роды, нужно было уходить, а у нея ничего не было скоплено про черный день. Все жалованье уходило на наряды, а потомъ на угощеніе писаря. Выручила Ксенія Александровна, которая сама предложила свою помощь.

— Я васъ опредѣлю въ родильный домъ, заявила она. —Денегъ у васъ нѣтъ, и я заплачу, что слѣдуетъ. Потомъ сочтемся...

Дѣйствительно, Ксенія Александровна сама отправилась въ родильный домъ, заплатила впередъ за роженицу деньги и сама же отвезла туда Лушу, когда настало время. Вернувшись оттуда, она не нашла у себя на туалетномъ столикѣ золотыхъ часовъ, которые Петръ Ва-

Digitized by Google

сильевичъ подарилъ ей къ свадьбѣ. У бѣдной дамы опустились руки. Что же это такое? Ксенія Александровна даже заплакала.

— За что? спрашивала она Петра Васильевича.

— Что такое случилось? недоумѣвалъ по обыкновенію тотъ.—Часы? Гмъ... Кто же ихъ могъ украсть? Странно...

Аксинья на этотъ разъ не просила себя обыскать, а съ причитаньями и воемъ накинулась на барыню же. Барыня окончательно опѣшила.

— Что съ тобой, Аксинья? Кажется, тебя никто ни въ чемъ не подозрѣваютъ.

— Вамъ-то хорошо такъ говорить, барыня, голосила Аксинья.—Чего вамъ стоитъ купить себѣ десять новыхъ часовъ. Взяли, цѣлый магазинъ купили и на себя повѣсили, а я-то все-таки въ воровкахъ осталась. Вотъ до чего я дожила у васъ... На другое мѣсто и не возьмутъ. Всѣ будутъ говорить: „Ты, Аксинья, у барыни золотые часы украла!"

Точно въ подтвержденіе этихъ словъ, явился Лука Ивановичъ, таинственно вызвалъ Петра Васильевича и заявилъ:

— Ваше высокоблагородіе, какъ хотите, а вашу куфарку я предоставлю въ полицію. Ужъ это вы какъ хотите, а въ домѣ порядокъ... Самая лукавая тварь эта ваша Аксинья, а тамъ разберутъ. Да... Тамъ у змѣи ноги найдутъ, не то что часы.

Digitized by Google

Какимъ образомъ Лука Ивановичъ узналъ о пропавшихъ часахъ—для Петра Васильевича и Ксеніи Александровны осталось навсегда тайной. Кажется, тайны просачивались сквозь самыя стѣны. Супругамъ пришлось чуть не оправдываться передъ старшимъ дворникомъ. Лука Ивановичъ мягко, но упорно стоялъ на своемъ.

— Вѣдь мы ничего не требуемъ, Лука Ивановичъ, говорилъ Петръ Васильевичъ, начиная горячиться.—Часы мои, слѣдовательно, я могу съ ними дѣлать, что хочу. Такъ? Представьте себѣ, что я ихъ подарилъ. Вѣдь я имѣю право распорядиться своей вещью?

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, кто же согласится дарить женины золотые часы кухаркѣ? И мнѣ въ глаза смѣяться будутъ. Нѣтъ, уже вы позвольте. Я ее, слякоть, сейчасъ предоставлю въ участокъ.

Баринъ вдругъ разгорячился, какъ иногда случается съ очень скромными и добродушными людьми.

— Лука Ивановичъ, я не желаю больше говорить объ этомъ... Понимаете? Какое вамъ дѣло до моихъ часовъ? Я ихъ въ ступѣ могу истолочь, выброшу въ форточку.

— Позвольте, господинъ, обидѣлся Лука Ивановичъ, въ свою очередь, тоже начиная горячиться.—У меня, напримѣрно, цѣлый домъ на отвѣтственности. Такъ? Я за всѣхъ долженъ отвѣчать. Такъ?

Digitized by Google

— Пустяки...

— А вотъ и нѣтъ. Теперь всѣ кухарки вызнаютъ, напримѣрно, что Аксинья украла совершенно безвредно золотые часы у господъ, такъ онѣ у меня цѣлый домъ по кирпичику разворуютъ. Нѣтъ, ужъ вы позвольте.

— Вы болтаете глупости!

Петръ Васильевичъ окончательно взбѣсился, затопалъ ногами и выгналъ Луку Иваныча въ шею.

— Вонъ, негодяй кричалъ онъ изъ передней на лѣстницу.—Я хозяинъ въ своей квартирѣ и никто не имѣетъ права... да, права вторгаться въ мою квартиру. Я... я... я...

Съ Ксеніей Александровной сдѣлалась настоящая истерика, и Петру Васильевичу пришлось на колѣняхъ вымаливать у нея прощенія. Потомъ Ксенія Александровна была больна цѣлую недѣлю, потомъ Петру Васильевичу было ужасно совѣстно проходить по парадной лѣстницѣ мимо швейцара, который, конечно, все зналъ, потомъ у Петра Васильевича явилось что-то въ родѣ злобы по отношенію къ Аксиньѣ, однимъ словомъ, неисчислимый рядъ послѣдствій. Швейцаръ, дѣйствительно, злился на полоротыхъ господъ, которые держатъ зазнамыхъ воровокъ, какъ Луша, а честная прислуга, какъ Аксинья, получай мараль. Относительно Луки Ивановича швейцаръ злился еще больше и клялся Аксиньѣ, что переломаетъ всѣ ребра старому

Digitized by Google

змѣю. Обиженный Лука Иванычъ накинулся на Увара и на немъ сорвалъ расходившееся сердце.

— Это твоя работа, непутевая голова! Ишь, какую племянницу подсунулъ. Заварилъ кашу, самъ и расхлебывай. Чтобы и духу не было этой Аксиньи... Понимаешь? Достаточно я терпѣлъ отъ васъ... да. Всѣхъ протоню... О, Господи, согрѣшилъ я съ вами!

Уваръ виновато моргалъ глазами, вертѣлъ въ рукахъ фуражку и встряхивалъ головой.

— До старости дожилъ, а такого страму не видывалъ. Петръ-то Васильевичъ какъ зарычалъ на меня, точно левъ изъ зоологическаго сада. Въ шею меня выгналъ. А все изъ за кого? Такъ слышишь, чтобъ и духу этой Аксиньи не было, а то я всѣхъ растерзаю.

Черезъ два дня Петръ Васильевичъ позвалъ Луку Ивановича и извинился передъ нимъ. Его, дѣйствительно, мучила совѣсть, что онъ обидѣлъ совсѣмъ почтеннаго старика. Въ свою очередь, Лука Иванычъ ни слова не сказалъ про Аксинью, точно дѣлая уступку.

Разрѣшилась эта глупая исторія уже окончательно глупымъ образомъ.

Луша родила мертваго ребенка и лежала больная. Раньше она ненавидѣла этого имѣющаго быть ребенка, хотѣла его вытравить, а теперь оплакивала его самымъ неутѣшнымъ образомъ. Аксинья бѣгала ее провѣдывать каждый день, позабывъ всякую вражду. Черезъ недѣлю Луша

Digitized by Google

умерла, о чемъ Аксинья и сообщила барынѣ, заливаясь слезами.

— Вотъ ты все ссорилась съ ней, попрекнула Ксенія Александровна.

— Барыня, а ежели она, дѣйствительно, украла часы.

— Перестань болтать.

— Ей Богу, украла... Милосердная сестра у ней подъ подушкой ихъ нашла. Луша-то въ болѣзни все руку подъ подушки прятала, ну, думали, такъ это она, а тутъ часы-то и оказались.

Ксенія Александровна отправилась въ родильный домъ, чтобы получить свои злополучные часы.

— Вы приводитесь ей наслѣдницей? пытливо спросила сестра милосердія.

— Нѣтъ.

— Тогда нельзя.

— Да, вѣдь, часы мои? Покойная взяла ихъ у меня, говоря проще, стащила потихоньку, то есть, украла.

— Все-таки нельзя. Нужно заявить въ полицію.

Пришлось окончательно махнуть рукой на часы. Лука Иванычъ опять приходилъ и совѣтовалъ непремѣнно начать уголовное дѣло.

— Ну, ужъ извините, спорилъ Петръ Васильевичъ.—Теперь все кончено. А вотъ, зачѣмъ вы Аксинью напрасно обвиняли?

Digitized by Google

— И не напрасно... Не украла, такъ все одно, украдетъ.

VIII.

Уваръ бросилъ пить и сдѣлался прежнимъ дворникомъ, аккуратнымъ, обстоятельнымъ и солиднымъ. Лука Иванычъ наблюдалъ за нимъ и былъ доволенъ.

— Давно бы такъ-то, Уваръ.

— Навожденіе было, Лука Иванычъ. Не иначе это самое дѣло. Бываютъ такія самыя вредныя женщины, которыя поглядятъ на человѣка и испортятъ. А теперь я, слава Богу, въ аккуратѣ вполнѣ и опять самъ себя могу понимать.

По воскресеньямъ Уваръ уходилъ въ церковь и возвращался оттуда съ умиленнымъ лицомъ. Теперь ужъ онъ не боялся встрѣчъ съ Аксиньей, а разъ даже самъ остановилъ ее.

— Здравствуй, племянница.

— Здравствуй, Уваръ, недовѣрчиво отвѣтила она.

— На свадьбу-то позовешь меня?

Аксинья вдругъ покраснѣла, закрылась по деревенски рукой и убѣжала. Уваръ стоялъ нѣсколько времени, съ метелкой въ рукахъ, неподвижно, точно стараясь что-то припомнить, а потомъ широко вздохнулъ.

«Гладкая дѣвка, нечего сказать, думалъ онъ.— Совсѣмъ на отличку. Хоть бы и не швейцару впору».

Digitized by Google

Наступала уже весна. Дворники скалывали ледъ на мостовой, чистили дворы—работы было по горло. Опять ждали холеры, и два раза приходила санитарная коммисія осматривать генеральскій домъ. Лука Иванычъ страшно обижался и говорилъ:

— Совѣсти въ нихъ нѣтъ, вотъ что... Вѣдь у насъ хозяинъ-то не купецъ, а полный генералъ. Ходятъ, нюхаютъ... Извѣстно, живые люди живутъ. Пожалуйста, нюхай...

Господа Аксиньи изъ страха холеры собрались на дачу рано. Ксенія Александровна, вмѣсто Луши, взяла дѣвочку-подростка изъ «шпитонокъ» и учила ее грамотѣ. Она рѣшилась воспитать изъ нея образцовую прислугу, которая должна уважать самое себя. Вѣдь въ этомъ вся суть. Вопросъ о прислугѣ обсуждался съ разныхъ сторонъ, и Петръ Васильевичъ доходилъ до абсурда, требуя восьмичасового труда, послѣ котораго прислуга должна быть совершенно свободна.

— Наша прислуга — послѣднее воспоминаніе рабства, объяснялъ онъ. — Ты подумай только, что Аксинья цѣлую жизнь должна провести у плиты. И мы еще требуемъ отъ нашей прислуги преданности, честности, уваженія и чуть не геройства?

Ксенія Александровна соглашалась вплоть до того пункта, когда Петръ Васильичъ начиналъ обвинять русскихъ барынь, которыя не въ со-

Digitized by Google

стоянiи шагу ступить безъ прислуги и прямо изводятъ ее своею требовательностью.

— Вѣдь наша Аксинья такой же человѣкъ, какъ и мы съ тобой. У нея есть потребность въ обществѣ, въ обмѣнѣ мыслей, въ самостоятельной жизни. Посмотри какъ обставлена прислуга гдѣ-нибудь заграницей, а особенно въ Америкѣ. Наши же русскiя барыни заграницей привыкаютъ дѣлать все сами и не помыкаютъ горничными

— Ты забываешь, Piére, что заграничная прислуга развитая, культурная и одна горничная сдѣлаетъ столько, сколько не сдѣлаютъ у насъ пять.

— Опять мы же виноваты. Наша прислуга разсуждаетъ совершенно правильно: хоть разорвись на господской работѣ, а день-деньской все равно торчи въ кухнѣ или въ людской. Такъ нельзя... Я считаю это безчеловѣчнымъ и обвиняю, главнымъ образомъ, нашихъ барынь.

— Прибавь къ этому, что мужья этихъ барынь умѣютъ только требовать, великодушно предоставляя всѣ домашнiя дрязги женамъ. Вѣдь это, если говорить, тоже остатокъ рабства и очень колоритнаго рабства.

Увлекшись, Петръ Васильевичъ высказывалъ иногда больше, чѣмъ слѣдовало, и потомъ вымаливалъ себѣ прощенiе. Ксенiя Александровна считала себя очень доброй женщиной и, поломавшись и покапризничавши, великодушно прощала.

Digitized by Google

Аксинья, которая пострадала изъ-за исторіи съ часами, пользовалась теперь особенными преимуществами. На этомъ основаніи она стащила у барыни при переѣздѣ двѣ простыни, два полотенца, старую шерстяную юбку и совсѣмъ ненужную ей бездѣлушку съ камина—бронзоваго японца, обнимавшаго журавля. Она всѣ краденыя вещи прятала въ сундукъ и, при отъѣздѣ на дачу, передала его на храненіе швейцару. Лука Иванычъ только и ждалъ этого момента. Онъ былъ старымъ политикомъ и зналъ человѣческую душу. Когда Аксинья на возу уѣхала въ Павловскъ, старикъ проводилъ ее за ворота и долго стоялъ у подъѣзда. Швейцаръ стоялъ въ дверяхъ подъѣзда и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ старшаго дворника. Онъ продолжалъ сердиться на стараго змѣя.

— Хорошо теперь на дачѣ... заговорилъ Лука Ивановичъ.—Воздухъ вольный, сады, разная птица тебѣ поетъ.

— Кому хорошо, кому худо, довольно сухо отвѣтилъ швейцаръ.

— Оно, конешно. Вонъ, Аксиньѣ, поди, какъ не хотѣлось уѣзжать-то. Давѣ, гляжу, волокетъ она свой сундучишко... Откуда это бабы только наберутъ всякаго хламу. Вѣдь пришла сюда-то полуголая, а тутъ цѣлый сундукъ. Къ тебѣ, видно, поставила?

— Да, ко мнѣ...

— Такъ такъ. А то можно было и на квар-

Digitized by Google

тирѣ у господъ оставить. Никто бы не взялъ...

Простоватый солдатъ только потомъ сообразилъ, что хитрый змѣй не спроста спрашивалъ его про Аксиньинъ сундукъ, а онъ сдуру и сказалъ, что сундукъ у него. Эхъ, не надо бы было говорить... Чортъ его знаетъ, что въ этомъ сундукѣ покладено.

Лука Иванычъ приходилъ теперь каждый вечеръ посидѣть у параднаго крыльца и былъ необыкновенно ласковъ съ швейцаромъ. О сундукѣ онъ, впрочемъ, не вспоминалъ, а говорилъ больше на отвлеченныя темы—о человѣческой неблагодарности, о женской злобѣ, объ испорченности всего человѣческаго рода и т. п. Швейцаръ былъ слабъ по этой части и понималъ только одно, что змѣй не спроста подкидываетъ къ нему свой лисій хвостъ.

Уваръ былъ радъ, что Аксинья уѣхала на дачу. Теперь она не мозолила ему глазъ своимъ присутствіемъ. У него, вмѣстѣ съ весной, опять явилось что-то въ родѣ надежды. Притомъ выходило и такое дѣло. Аксинья-то уѣхала, а швейцару нельзя отлучиться отъ своихъ дверей. Вотъ и стой тутъ идоломъ. Уваръ злорадствовалъ про себя, вспоминая, какія ревнивыя картины онъ переживалъ изъ за этого дармоѣда.

„Стой, братъ, у дверей то, думалъ онъ,—а сударка тамъ на дачѣ свое наслажденіе найдетъ. Сдѣлай милость, сколько угодно... А потомъ пріѣдетъ сюда: на, получай, что осталось.

Digitized by Google

Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ мыслей явилось желаніе съѣздить въ Павловскъ и посмотрѣть Аксинью. Оно пришло какъ-то вдругъ и сразу охватило Увара, какъ горячій паръ. Потомъ ему сдѣлалось какъ-то обидно и что-то такое опять заныло у него на душѣ. Уваръ по ночамъ долго ворочался на своей постели, вздыхалъ, что-то шепталъ и утромъ просыпался съ головной болью, точно послѣ жестокаго похмѣлья.

Потомъ Уваръ вдругъ исчезъ, исчезъ безъ спроса, чего раньше съ нимъ никогда не случалось. Лука Иванычъ рѣшительно не зналъ, что и подумать. Прошелъ цѣлый день—Уваръ не показывался.

— Ужъ не запилъ-ли опять грѣшнымъ дѣломъ? соображалъ старикъ, перебирая возможныя причины.—Очень даже просто... Ахъ, ты, грѣхъ какой вышелъ! Ну, и задамъ я ему жару и перцу, только пусть свои безстыжіе глаза покажетъ...

Прошла цѣлая ночь—Уваръ не показывался. Лука Иванычъ произвелъ дознаніе. Оказалось, что Уваръ утромъ носилъ дрова по той лѣстницѣ, гдѣ жили господа Аксиньи, и послѣднюю вязанку, ни съ того, ни съ сего, свалилъ къ ихъ двери. Потомъ видѣли, какъ онъ ушелъ со двора—надѣлъ новую фуражку безъ бляхи и ушелъ. Даже бѣлаго фартука не снялъ.

— Ну, и задамъ же я ему! сердился Лука Иванычъ.—А ежели онъ надъ собой что сдѣлаетъ?

Digitized by Google

Эта мысль сразу озадачила Луку Иваныча. Надо будетъ, на всякій случай, подать заявленіе въ участокъ. Такъ и такъ, пропалъ подрушный дворникъ. Потомъ у Луки Иваныча явилось смутное подозрѣніе, что тутъ дѣло не чисто и что опять проклятая Аксинья что-нибудь замутила.

— Вотъ я и ее по пути зацѣплю, соображалъ старикъ.—Господъ-то нѣтъ, такъ заступаться будетъ некому. Въ самый разъ объявиться околодочному на счетъ сундука... Тамъ разберутъ.

Лука Иванычъ пріодѣлся, замоталъ шею черной шелковой косынкой, намаслилъ волосы и, перекрестившись, отправился въ участокъ. На дорогѣ онъ остановился поговорить съ швейцаромъ.

— Бережешь сундучокъ-то Аксиньи?

— Берегу. А тебѣ какая печаль?

— Ничего, я такъ... Крѣпче, молъ, береги.

Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ швейцаръ его окликнулъ:

— Лука Иванычъ, вонъ твой Уваръ идетъ...

Дѣйствительно, по тротуару шелъ Уваръ. Первое, что бросилось Лукѣ Иванычу въ глаза. это то, что онъ былъ совершенно трезвый, Идетъ себѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— Ну-ка, иди сюда, иди... позвалъ его Лука Иванычъ.

Уваръ подошелъ, что-то хотѣлъ сказать, но

Digitized by Google

только скривилъ губы, а потомъ бухнулся въ ноги Лукѣ Иванычу.

— Лука Иванычъ, вяжи меня...

— Да ты очумѣлъ?

— Вяжи. . шабашъ... Значитъ, порѣшилъ Аксинью... тамъ на дачѣ. Терпѣнья моего не стало.

Въ доказательство, Уваръ вытащилъ изъ кармана окровавленный финляндскій ножъ и подалъ его Лукѣ Иванычу.

— Вотъ онъ самый... хотѣлъ объяснить что-то Уваръ, путаясь и улыбаясь большой улыбкой.—Архиповъ, вяжи меня... Теперь ужъ все равно...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google